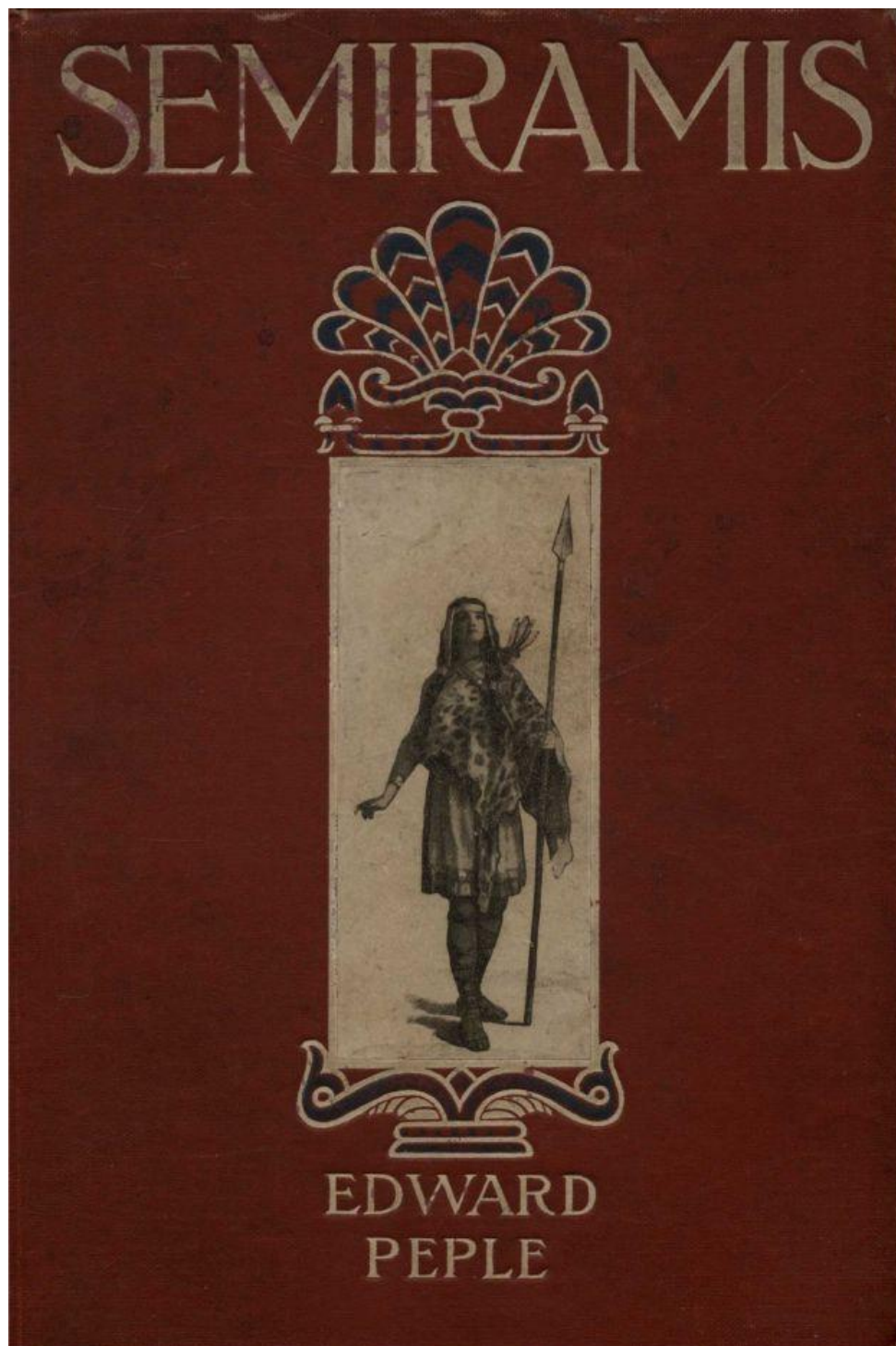

Семирамида. Повесть о битве и любви

Эдвард Пепл

The Project Gutenberg eBook of Semiramis: A Tale of Battle and of Love

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинстве других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать, дарить или повторно использовать ее на условиях Лицензии проекта "Гутенберг", прилагаемой к этой электронной книге или размещенной на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: Semiramis: Повесть о битве и любви

Создатель: Эдвард Пепл

Иллюстратор: К. М. Берд

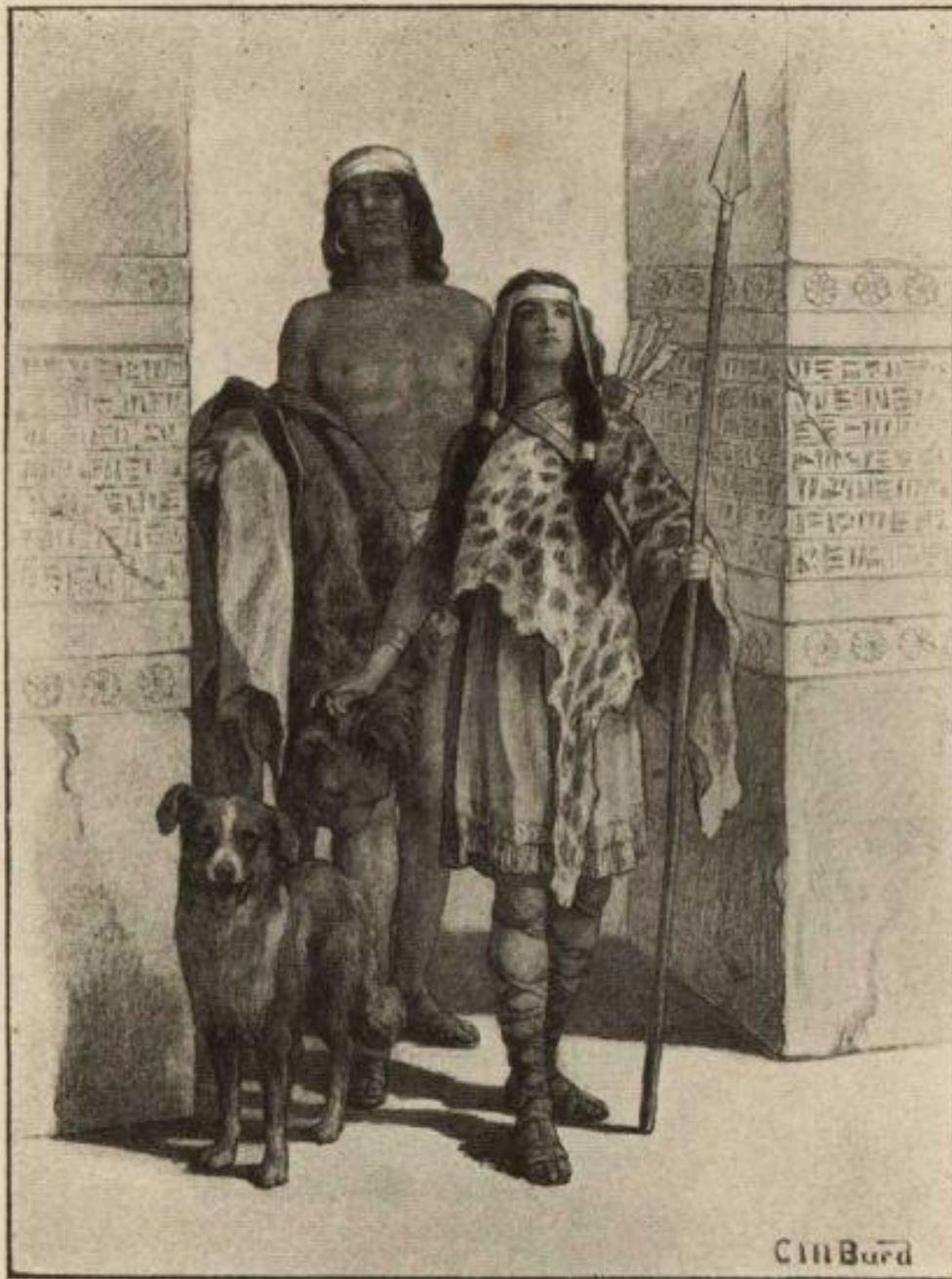
Дата выхода: 27 мая 2013 [eBook #42822]

Язык: Английский

Кредиты: Продюсер: Эл Хейнс

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK SEMIRAMIS: A TALE OF BATTLE AND OF LOVE ***

Обложка

She had come into the lion's very lair.

(Page 143)

Она пришла в самое логово льва. (Страница [143](#))

SEMIRAMIS

Повесть о битве и любви

ЭДВАРД ПЕПЛ

НЬЮ-ЙОРК
МОФФАТ, ЯРД И КОМПАНИЯ
1907

Авторское право, 1907
МОФФАТ, ЯРД И КОМПАНИЯ

Опубликовано в августе 1907 г.
Перепечатано, ноябрь, 1907 г.

На
"МАЛЕНЬКИЙ ПАДРЕ"

СОДЕРЖАНИЕ

1. Снятие осады
2. Строительство города
3. Губернатор Сирии
4. Богиня-рыба
5. Молитва Дагону
6. Дочь Деркетто
7. Поцелуй мастера
8. Ушедшие и оставшиеся
9. Орленок, вскормленный голубями
10. Поднятие налога
11. Сандал и соломинки
12. Горести короля
13. Шкура одноглазого льва
14. Поворот женского языка
15. Армия на марше
16. Перевал клина
17. В тени Зариаспа
18. Изюм в уксусной шкурке
19. Стратегема
20. Полет
21. Загадка тайного пути
22. Кто правит, тот первым должен подняться

23. Осада
24. Цитадель
25. Смещение бремени
26. Уход человека
27. Путь, который привел к исходной точке
28. Крик тигрицы, обращенный к своему товарищу
29. Когда женщина правила миром
30. Пустыня и король
31. Коронация мертвых
32. Пророчество королевы войны

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Существующая история величайшей правительницы Ассирии Семирамиды настолько запутана в религиях и суевериях древних, что из нее практически невозможно извлечь достоверные факты. Опять же, эти легенды передавались от отца к сыну среди сирийцев и мнительных персов, пока, наконец, не были записаны более мнительными греками. Эти господа редко позволяли простой правде стать камнем преткновения на их литературных путях, но проворно перепрыгивали ее для развлечения восхищенного мира.

Что касается поэтов, то они воспевают царицу Семирамиду в период ее преклонного возраста и нечестия, хотя ее "дьявольская красота" продолжала оставаться с ней, орудуя как злым скипетром над душами людей; и все же многое следует простить поэту из-за этой странной неспособности истины к дружеским отношениям с метром и рифмой.

В каждом человеке, как бы плох он ни был, есть след добродетели, хотя, с другой стороны, ни один смертный еще не жил без какого-либо изъяна плоти, ума или сердца; таким образом природа уравнивает свои странные счета, оставляя крайности порока или чистоты мифическим идеалам.

Дайте женщину, лишенную воображения или оригинальности, и эта женщина не заслуживает никакой похвалы за свою праведность. Она существует, но не живет, ибо ее соблазн не имеет никакой притягательной силы. Но дайте другую женщину, красивую, темпераментную, умную, и для нее битвы добра и зла будут вестись до тех пор, пока ее огонь не угаснет. Ее лучшее "я" должно бороться с честолюбием, страстью, кровью прямой наследственности, тысячей призрачных проводников, которые ведут ее по опасным путям, в то время как на весах обстоятельств должно висеть решение о ее возвышении или падении. Ей приходится сталкиваться и с другими врагами - мужчинами, которые сильнее ее, которые ищут ее очарования для блага или горя; ведь идеальная любовь - высшая цель женщины, и мужчина может сделать или испортить ее по лекалу своего большого или маленького сердца.

Поэтому, если Семирамида в свои последние годы и была злой, то не по своей вине. Она выбрала себе хозяина - не хозяина своего ума, а хозяина своего женского сердца, и отдала ему всю себя. Что же удивляться тому, что, когда ее все было похищено похотливым вероломством, уходящий мир пробудил в ее крови спящего дьявола?

У царицы Семирамиды были большие недостатки, и немало, как считают просвещенные женщины с расстояния в две тысячи лет; но кто скажет, что зло забрало бы эту великолепную дикарку, если бы судьба не воспитала другого дикаря, который бы определил ее судьбу?

Целью этой работы не является изложение ряда исторических фактов, ибо даже легенды о Семирамиде слишком абсурдны и обрывочны, чтобы можно было надеяться на подобное. Ее цель - в подражание достойным грекам - по крайней мере, развлечь, хотя время от времени в ней могут быть небрежно использованы одна или две истины. В ней рассказывается о древних любовных похождениях и войнах, переплетении мифов и вероятностей - лоскутном одеяле, которое, в худшем случае, может помочь читателю спокойно уснуть.

Июль, 1907. Е. П.

SEMIRAMIS

ГЛАВА I

СНЯТИЕ ОСАДЫ

Царь Нинус сидел на своем боевом коне, печально глядя на стены Зариаспы. Его щеки были бронзовыми от кисти многих ветров, мышцы закалены трудом битв в сотне земель; кровь бесстрашной юности бушевала в его жилах, но в сердце шептало, что царь потерпел неудачу.

Позади него возвышались горы Гиндукуша, тусклые и пурпурные в утреннем свете, их вершины скрывались в змеевидном тумане. Они тянулись на юг неровной линией холмов, пока не достигали высоты Гиндукуша и не вступали в братство с могучими Гималаями. Справа и слева от них тянулись бесплодные скалы и чахлый кустарник, а у ног царя Ассирии простирались плодородные долины и равнины Бактрии, доходившие до берегов реки Оксус.

В центре равнины стоял Зариаспа, город, бросивший вызов могуществу Ассирии, крепость, чьи стены возвышались на тридцать локтей над землей, мрачная, израненная в боях, но все еще непобежденная. Внутри защитники пировали от нескончаемых запасов еды, которая, казалось, падала по волшебству с медных небес, а снаружи голодные враги осаждающих сидели, проклиная, на песке.

Нинус сидел на коне в тревожных раздумьях - монарх, обманутый в своих сердечных желаниях, обманутый хитростью и мастерством, более изощренными, чем его собственные. Рядом с ним по горной тропе ехал Менон, принц из дома Наири, теперь измученный странствиями в поисках тайны продовольственных запасов Зариаспы. Он докладывал, а Нинус слушал, молча, медленно кивая и хмурясь на далекие стены.

В чертах и формах эти двое были так странно похожи, как могут быть похожи сыновья родственной расы. Король был массивным и крепко сложенным, вождь людей, правивший по праву силы, протягивавший тем, кого любил, открытую руку, а врагам - крепко сжатый кулак. У него был надменный вид, глаза беспокойного ястреба горели под сенью бровей; крепкий квадратный подбородок скрывался в бороде, а из-под шлема вздымалась масса волос, ложаась густыми, промасленными локонами на плечи.

Принц рядом с ним был еще совсем мальчишкой, с безбородым красивым лицом, стройным, проворным, но закаленным в школе охоты и войны. Где судьбе было угодно указать ему путь, там Менон скакал на свободе, насмехаясь над опасностью, играя в любовь, но не пренебрегая мягким щитом благоразумия.

[Это имя известно современным авторам как Оннес или Канн, но историк Диодор называл его Менон, и это имя используется автором на протяжении всей книги.

Там, где Нинус пробивал себе путь сквозь ряды противников, Менон проворно кружил, пока не находил самое слабое место, а затем разрезал его начисто, как ласточка разрезает ветер. Там, где Нинус хмурился и подавлял покорность своей воле, там Менон покупал товар преданности ценой радостного смеха; и все же мальчику приходилось опираться на руку силы, в то время как царь был царем от шлема до пят, владыкой, которому его могучие армии отдавали идолопоклонство и дань своей кровью.

"Менон, - заговорил король, указывая через равнину на Зариаспу, - я поклялся Бэлом и Раманом сровнять твой город с землей, разграбить его в пух и прах до белизны. Думаешь, когда-нибудь мы перестанем сидеть на корточках, как жабы, за его стенами?"

"Да, мой господин, - ответил принц с мимолетной улыбкой, - когда-нибудь, когда жабы научатся летать".

Король Нинус задумчиво кивнул и расчесал пальцами свою густую черную бороду.

"Верно, - ответил он, - верно; и все же мы скоро станем на крыло. Смотри и слушай". Он снова указал не на городские стены, а на лагерь чудовищ, который обхватил Зариаспу, как пояс обхватывает женскую талию. "Видишь, Менон, твой король научился летать".

Пока он говорил, осаждающая армия проснулась, как от тяжелого сна. С легким ветром донесся лязг и грохот быстро собираемого оружия, скрип колес и резкие, пронзительные крики капитанов своим людям. Сначала звук был слабым и далеким, как шепот, доносящийся сквозь утренние туманы; но вскоре он умножился и перерос в напряженный рев, когда авангард ассирийцев повернул хвост к врагам и пополз к южному горному проходу.

Менон, как и царь, смотрел на равнину, но с удивлением и изумлением, а затем поднял глаза на хмурое лицо своего господина. Дважды он порывался заговорить, дважды умолкал и снова обращался к чудесам отступающей армии Ассирии.

"Мой господин..." - начал он наконец, но Нинус остановил его поднятой рукой.

"Нет, Менон, - вздохнул повелитель, - душа твоя встревожена из-за странности происходящего; однако послушай меня и узнай причину. Сердце мое готово к битве, но сердце взяло совет с разумом, и мудрость подсказала мне отступление".

Король сошел с коня и подвел принца к камню, с которого открывался вид на разбитый лагерь. Он по-отечески ласково положил руку на плечо Менона и снова заговорил:

"Мои воины называли своего вождя богом". Он приостановился, чтобы улыбнуться в бороду, и на мгновение погрузился в задумчивость. "У божественности есть свои достоинства, пока она ведет к победе и легким постелям; но вот что я узнал, и к моему несчастью, горшок кипящей жижи, вылитый со стены города, ошпарит бога так же, как и голого раба. Поражение смертельно; победу приносят одни боги, и мои верные последователи начинают роптать между собой".

Царь Нинус снова погрузился в задумчивость, затем вытянул узловатую руку в сторону неподатливого города.

"Три года мы скрепили стены Зариаспы и били по ее каменной кладке. Три года! И чего удалось достичь за эти изнурительные дни? Мы соскребаем с камней стограммовые чешуйки и жертвуем третью часть армии на потеху смеющимся врагам. Наши копья - как рои безобидных мошек, наши копья - тростинки в руках девушек; наши самые мощные двигатели - игрушки, над которыми враги потешаются. От Оксуса до холмов мы бороздим земли в поисках пищи, а бактрийцы откармливаются, возлежа на своих крепостных стенах. Да, у них есть мясо, которое они пожирают с ленивым высокомерием, бросая кости нашим голодным людям внизу! Откуда эти огромные запасы? Из Бэла или Гибила, неважно; они объедаются и смеются! Пять десятков шпионов я послал в город, и пять десятков шпионов они повесили на стенах! Дыхание Шамаши-Рамана побуждает меня к гневу!"

Король встал и принялся в ярости расхаживать туда-сюда, а Менон не стал его расспрашивать, зная, что, если его господин пожелает, он все расскажет в свое время.

"И так, - вздохнул Нинус, остановившись наконец рядом с мальчиком, - и так мы отправимся на запад, чтобы завоевать другие, более слабые земли, чтобы откормить мою армию плодами добычи, чтобы помочь им забыть, что бог потерпел поражение. Когда это будет сделано, тогда я отдохну от войны у Тигра, где в песке будет построен мой город - город, Менон, подобного которому еще не видел ни один глаз, крепость, по сравнению с мощью которой эта маленькая Зариаспа - всего лишь орех, который можно расколоть под твоей пятой. И там я установлю свой двор и буду властвовать над всем миром - и буду властвовать, пока люди и дети людей не станут гладкими подножиями моих коленей!"

Грудь монарха вздымалась от желания; его темные глаза загорелись вдохновенным пламенем, когда он поднял их к облакам. Как пророк, он увидел эту жемчужину славы, поднявшуюся из пустыни. Он видел его чудовищные стены, над которыми возвышались тысяча и полтысячи взмывающих ввысь башен. В его воображении возникли сверкающие дворцы и роскошные пиршественные залы. Он мечтал о садах, дремлющих в прохладе раскидистых пальм, где царь мог бы отдохнуть от трудов своей охоты на львов; он слышал плеск фонтанов, журчащих сквозь долгую синюю ночь, пока факел утра не освещал его террасы, а виноград Сирии не созревал на его руке. Он с триумфом наблюдал с крыши своего дворца за огромным коричневым городом, раскинувшимся у его ног, пока эхо его оживленного грохота поднималось ввысь мелодичными волнами. Он слышал звон могучих бронзовых ворот, которые открывались для торговли всей земли и вновь распаивались перед натиском его вооруженных до зубов воинов, тысячи народов, слившихся в один огромный молот, который поднимался и опускался, повинувшись его легкому кивку.

"И благодаря этому городу, - воскликнул царь Нинус, - народы всех земель будут хранить память обо мне до скончания веков, ибо я клянусь возвести его на трон без смерти и увенчать его великолепием своего имени! Вставай, Менон, и отправляйся с королем твоим в Ниневию!"

Так родилась та Ниневия, что скакала по миру, чтобы в конце концов пасть, как падает гордость власти, и найти свою могилу в пыли, из которой она возникла, чтобы лежать забытой в заплесневелом склепе снов, пока народы, выскользнувшие из чрева другой эпохи, не ринутся на раскопки снова, чтобы изложить исчезнувшую славу королевства с помощью символов исчезнувшего языка.

Менон и царь поскакали вниз в долину и через равнину туда, где великий змей войны Ассирии начал разворачиваться и ползти на запад. В течение целой луны продолжалась безрадостная работа. Конные и пешие лагеря были разбиты, грубая утварь и тяжелое вооружение были привязаны к спинам тягловых животных, а сто тысяч колесниц были

запряжены и развернуты по всей равнине. Громоздкие механизмы для метания тяжелых камней вытаскивали из-под городских стен, чтобы сжечь и уничтожить, или протаскивали через бреши в далекой горной цепи смирные воли и потные рабы. Воины зажигали факелы в хижинах и домах за своими окопами, и к грохоту движущихся воинов добавлялся рев пламени. Поднялись огромные столбы дыма от искр, которые удушливым облаком пронесли над городом и задушили защитников, которые, кашляя, толпились на крепостных стенах. Когда плотная масса осаждающих проходила мимо, бактрийцы поднимали крики и песни о победе, в то время как они бросали свои насмешки, вместе с полетами валов и камней, в рычащего и проклинающего врага внизу.

Изо дня в день здесь царили суматоха и спешка, мельтешение стонущих повозок и обозов с провизией, быстро формирующихся батальонов, которые бегом неслись на запад, чтобы присоединиться к авангарду и затеряться в облаке густой, низко висящей пыли. И так сотня народов пробивалась к порядку сквозь кишашую массу, каждый кричал на своем родном языке, бросая вызов Зариаспе, а над грохочущим топотом мириадом ног поднимался гул бесчисленных сигнальных рожков.

Когда наступил последний день, царь Нинус собрал армию, чтобы попрощаться со своими врагами. Там, где он стоял перед городскими воротами, тысяча колесниц выстроилась в извилистую тройную линию, на которых сидели отполированные до блеска на солнце кони, а их водители - гиганты, отобранные из цветка его войска. Крылья формировала конница - смуглые всадники с юга, в тюрбанах и струящихся одеждах, а позади - целая орда пехотинцев. Здесь можно было увидеть упряжные племена, склонившиеся перед властью Ассирии; индийских лучников с оружием, выточенным из костей сауров; копыеносцев из Вавилонии, лучников с севера; мрачных мечников с Верхнего и Нижнего Нила, несущих свои щиты из крашеной бронзы; дикие пращники с сирийских холмов, наполовину одетые в звериные шкуры; афганцы, угрюмые хатти, гордые армяне в крепких, ошетилившихся рядах - воины мира, охватившие всю Азию, как пламя, но не сумевшие свалить стены Зариасы.

В центре изгибающегося фронта царь Нинус молча восседал на своем боевом коне; справа от него скакал Менон, а слева ждал команды конный глашатай. Монарх подал знак, суровая баталия двинулась вперед, чтобы остановиться в двух шагах от городских ворот; затем глашатай возвысил голос, требуя аудиенции у Оксиарта, царя Бактрии.

Бактрийцы на стенах, заподозрив какую-то обманчивую ловушку, ответили на призыв гономом и хохотом, подражательным воем животных и насмешливым криком петухов. Тучи стрел, словно капли дождя, посыпались на неугомонных колесниц, а капитан на стене выпустил луч катапульты. Чудовищный камень пронесся по воздуху, ударился о землю на расстоянии копья от царя и пробил тройную линию колесниц; поднялся мощный рев ярости, шум перерос в ярость, пока Нинус не повернул коня и не отдал резкий приказ. По его слову центр линии стал изгибаться все сильнее, наконец разделился, и две огромные колонны конных и пеших двинулись на запад к холмам, а грохочущие колесницы, по двенадцать в ряд, остались позади.

Лишь царь Нинус с Меноном неподвижно сидел на своем коне, пока его воины не оставили свободным пространство в тысячу шагов; тогда он подъехал к воротам и резко ударил в них рукоятью своего тяжелого меча.

"Выходи, царь Оксиартес!" - громко крикнул он. "Выходи!"

Жители Бактрии любили бесстрашных людей, будь то враг или друг, и они приветствовали его, пока город не сотрясся от их криков, а Оксиартес не вышел на бойницу.

"Что скажет Нинус о царе Бактрии?" - воззвал он; и Нинус ответил, хотя и не поднял глаз:

"Не подобает владыке Ассирии вести речь с птицами, которые сидят на деревьях. Спустишься и поговорим, царь с царем".

Оксиартес сверху возмущился таким надменным тоном и выпустил древко, которое разбилось о металлический шлем монарха, но за этот поступок царь Оксиартес схватил негодя и сбросил его со стены. Затем он позвал веревку, которую принесли, закрепили под его руками, и воины опустили его на землю, так как городские ворота были запечатаны. В руке он держал обнаженный меч, и Нинус, заметив это, презрительно рассмеялся, разобрался и бросил оружие на землю, ожидая своего врага со сложенными руками. Бактрианец покраснел от стыда, отбросил в сторону свой клинок и вышел вперед с распростертыми руками.

"Прости, мой господин, - взмолился он. "С тем, кого так странно бояться, я мог бы принести свое доверие, как принес свой меч".

"Нет, - улыбнулся Нинус, - где меч - мудрость, там осторожность - щит".

Оксиартес был из той породы воинов, которую любил Нинус: прямая, стройная фигура, царственная голова под бровями, глаза смотрели ровным взглядом, а руки, которые он протягивал, были тверды в силе молодости - подходящий щит для сердца его крепкой земли.

"И почему, - спросил он, - я удостоился чести вступить в переговоры с владыкой Ассирии, когда его армия отступает на запад?"

Царь Нинус положил руку на плечо бактрийца, посмотрел ему в глаза и произнес:

"Я пришел проститься с достойным врагом, чтобы повернуть к Тигру, на берегу которого будет построен мой город. Там я буду отдыхать и планировать свои грядущие войны. Там я соберу новую, более могучую силу, чтобы вернуться через три коротких года и стереть твой город с лица равнин. Улыбайся, если хочешь, друг Оксиартес, но я приду снова, и когда я приду, береги стены Зариаспы!"

И Оксиартес перестал улыбаться, устремив свой взгляд на землю, ибо знал, что его враг говорит правду и придет снова.

"Мой господин, - спросил он наконец, - почему наши расы должны враждовать? В округе я не могу сравниться с твоим множеством воинов, но за своими стенами я бросаю вызов твоей гордой силе. Мудрость призывает к перемирию, к договору, по которому я соединю свои силы с твоими и разделю все завоевания и часть добычи. Говори, Нинус, ибо договор кажется справедливым".

"Верно, - серьезно кивнул монарх, - верно; и все же я не могу этого сделать. Когда Бактрия будет завоевана и цитадель твоя падет, тогда я заключу договор с вождями твоего народа. Они объединят свои силы с моими и разделят значительную часть моих пленников и добычи". Он сделал паузу, чтобы улыбнуться, и снова положил руку на плечо Оксиартеса. "Их воина я поставлю в число своих лучших возлюбленных, ибо он мне как брат в военном искусстве; но слушай меня, друг, я поклялся Белом и Раманом сгрести пепел твоей Зариаспы в мешки и накормить им воды моря! И я сделаю это, или оставлю свои кости белеть под бровями Гиндукуша! Пока я не приду снова - прощай".

Тогда Оксиартес обнял ассирийского царя, умоляя его остаться на день в качестве почетного гостя, чтобы попить и получить самые богатые дары, которые только могло дать его царство; но Нинус улыбнулся и покачал головой.

"Нет, пусть я буду дорожить этой мыслью", - ответил он со смехом, - "но сохрани твои дары, пока я не приду, чтобы взять их себе".

"Да будет так", - улыбнулся бактриан в ответ. "Три года мира даруешь ты мне, и за это время я выкопаю могилу владыке Ассирии в тени хмурого Куша! Прощай!"

Он опустил меч Нинуса в руку монарха, погладил шею коня, пока его хозяин не сел, а затем смотрел, как царь и Менон уезжают по освещенным солнцем равнинам.

Нинус ни разу не оглянулся назад, а Менон повернул своего коня и поцеловал руку девицам, наблюдавшим за ним с крепостной стены.

ГЛАВА II

СТРОИТЕЛЬСТВО ГОРОДА

Ассирийское войско тащилось на запад, пока не пробило себе путь через выемки в горном хребте, спустилось по дальнейшим склонам, а затем двинулось в путь. Наконец оно разделилось на небольшие армии, каждая из которых находилась под руководством доверенного вождя и выполняла отдельную миссию. Одно войско двинулось на север, чтобы одолеть берега Черного и Каспийского морей и взимать дань на строительство города. Другой отряд двинулся на юг через равнины и долины Армении, а еще один отправился в далекий путь к Морю заходящего солнца. Здесь были захвачены финикийские корабли и поставлены на службу царю, ибо в глазах Нинуса народное движение было лишь ничтожной вещью, пока не будет Ниневии. Эти корабли отплыли в дельту Нила, чтобы вскоре вернуться с толпами египетских рабочих, с их бронзовыми режущими инструментами, лебедками и рычагами, используемыми для поднятия огромных тяжестей. Десять тысяч всадников пронеслись по всем землям и племенам, призывая работников жалованьем или обещаниями; и если какое-нибудь племя восставало, воины Ассирии сгоняли их, как овец, в одно центральное место, где они трудились.

Сам царь Нинус расположился на берегу реки, где соединяются воды Тигра и Хузур, и здесь он вынашивал свои планы. Отряд людей отправился на север, в лесные уголья, срубил деревья и расщепил их на доски, из которых они сделали флот широких плоских лодок. На этих лодках, приводимых в движение с помощью весел и толкателей, служили сыновья Финикии, ибо Ассирия знала о корабельном деле не больше, чем горцы о верблюжьей спине; однако Нинус использовал чужое мастерство для выполнения своего собственного задания. Пока строились лодки, он наметил линию городской стены в виде огромного яйца на двадцать лиг вокруг; затем царь начал копать.

Он вырыл две траншеи, одна в другой; внешняя траншея была шириной в двадцать локтей и глубиной в десять, а внутренняя - мельче, но большей ширины. Он затопил их с помощью реки Хусур, образовав два огромных канала, между которыми находилось земляное кольцо, на котором должны были покоиться стены Ниневии. Тогда, казалось, весь мир стал делать кирпичи.

На берегах Тигра, над и под городом, миллионы рабочих трудились ночью и днем - воины, пленники, рабы, царю Нинусу было все равно, лишь бы лепить кирпичи. Эти кирпичи лепили

из речного ила, принесенного наводнением, смешивали с соломой и волокнистыми частями тростника, чтобы придать им прочность, и ставили обжигаться под жарким летним солнцем.

Позже эти речные плавни будут использованы для изготовления других кирпичей - обожженных в печи, глазурованных и окрашенных во все известные людям цвета, предназначенных для облицовки храмов и дворцов; но сейчас работа велась только для городской стены. И все же не совсем одной, ибо в центре городской черты, там, где Хусур рассекал ее надвое, царь воздвиг чудовищный курган, на котором однажды должен был появиться его царский дворец; затем на вершине кургана он построил сторожевую башню и поселился в ней. Здесь, под тенистым навесом, мастер-строитель сидел с рассвета до темноты, наблюдая за своей работой, ибо он дал священную клятву не охотиться и не воевать, пока Ниневия не станет Ниневией.

И вот он увидел расцвет своей мечты. С берегов Тигра и вверх по Хузуру приплывали его лодки-плоскодонки, доверху набитые кирпичом; они плыли по двум каналам, снабжая рабочих, возводивших стену между ними. Со временем этот внутренний канал исчезнет, засыпанный землей, но внешняя траншея останется навсегда, чтобы служить рвом, опоясывающим город.

Рабочие, подобно муравьям, копошились под взглядом Нинуса на его башне, но каждое маленькое насекомое двигалось по линиям, отмеченным терпеливым размышлением. Почти бесчисленная толпа была разделена на упорядоченные бригады, у каждой из которых был начальник, призывавший своих рабочих словом или ударами кнута. Под башней стояло кольцо конных воинов, которые галопом мчались вперед с приказами короля или приносили донесения из слишком отдаленных точек, чтобы его глаз мог их рассмотреть; ведь строитель хотел, чтобы его работа росла, не с пробелами или разрывами, а как единое великолепное целое, каждый участок стены возникал в соответствии со своими собратьями, пока прямая, неизменная линия каждый день не устремлялась в небо.

С рассвета до темноты на гребне башни развевалось одеяние Нинуса - знамя, предупреждающее тех, кто уклоняется от работы. Там, где усердие становилось слабым от усталости или работа секции отставала, вооруженный человек мчался к банде нарушителей, чтобы отрубить голову ее главному вождю и бросить его тело в пустую лодку. Вскоре эта лодка, отправлявшаяся за грузом кирпичей, сбрасывала труп в Тигр, и на место спящего вождя усаживался другой.

За стеной расположилась армия Ассирии, все еще действующая под властью Менона и его вождей. Это было само по себе царство, где новобранцы проходили обучение и тренировались сражаться с воинами-ветеранами; где строились орудия нападения на тот день, когда Зариаспа снова подвергнется осаде; где кочующие группы отправлялись собирать зерно и фрукты, а также овец и скот, чтобы прокормить толпы рабов и воинов. Здесь же ловили дезертиров со стены и распинали на глазах у тех, кто вынашивал неугодные царю мысли; Нинус карал не в бессильных порывах ярости, а с холодной точностью хозяйского разума. И потому работа шла полным ходом.

Когда стена поднялась на двадцать локтей над своим основанием, царь создал из внутренней траншеи бесчисленное множество пересекающихся каналов, сходящихся к центральной насыпи. По ним он доставлял материал для прокладки улиц, возведения домов и храмов Иштар, бога огня Гибилы и храма его великого повелителя Асхура на холме. Царский дворец будет построен в последнюю очередь, ибо ум Нинуса, освобожденный от других забот, сможет отдать свои силы великолепию его залов, их пышному убранству, где искусства ста народов будут обложены налогом, чтобы придать им славу.

И вот уже глубокомысленный голос труда набирает силу, вздымаясь вверх непрекращающимися волнами мелодии, туда, где король сидел, улыбаясь, на своей башне. Он прислушивался к реву резких команд, смешивающемуся с ответными криками рабов и стоном груженных повозок. Далеко на равнине он увидел вереницу саней, запряженных тысячей человек, которые дюйм за дюймом ползли по тонистым пескам; из каменоломен на юге везли огромные глыбы базальта, из которых вырезали странные чучела богов, львов и крылатых быков. За стеной царь Нинус слышал гул расположившихся в лагере войск Ассирии, лязг оружия и грохот конских и пеших шагов. Внутри он прислушивался к вою канатов, к скрипу подъемных кранов, которые поднимали мир кирпичей и раскачивались, как живые щупальца, над потными пигмеями внизу. Он слышал песни лодочников на своих черных каналах, гулкий воздух, который то поднимался, то опускался, заглушая резкие крики трудовой боли и, казалось, воспевая хвалу царственному строителю.

Летнее солнце палило безжалостным, испепеляющим жаром, а орда рабочих склонялась под ударами плети и грузом. Каждый молился своим богам, чтобы наступила ночь, и тогда он спал как побитая собака, пока рассвет не пробуждал его к очередному адскому труду.

Так, словно по волшебству, из праха выросла прекрасная Ниневия, а дьявол-хозяин наблюдал за ней из своей башни. И сердце Нинуса возликовало и обрадовалось.

ГЛАВА III

ПРАВИТЕЛЬ СИРИИ

Царь Нинус, внук могущественного Шалманезера, в юности взошел на свой трон - трон, который управлял царством, загубленным ленивым правлением Шамаша-Рамана; но как сердце его внука билось только для войны, так билось и сердце Нинуса, не успокаиваясь, пока слава Ассирии снова не запылала.

Из города Калаха, пришедшего в упадок, он начал свои маленькие завоевания, покоряя соседей и присоединяя их силу к своей, делая их друзьями и союзниками, а не рабами, склонившимися под игом могущества. Он превратил их неуклюжую доблесть в упорядоченное правление, поменял их неуклюжее оружие на более совершенные орудия войны, и в конце концов из грязи невежества подняла голову целая армия. Покоренный народ, пока он платил ему дань и соблюдал свои договоры, оставался в мире, его боги были нетронуты, их храмы священны для их собственных желаний; но если они восставали, Нинус и его мрачное, не знающее жалости воинство возвращались, чтобы оставить их города дымящимися кучами на равнине, а головы их вождей водрузить на столбах в качестве предупреждения всем, кто испытывает подобные волнения.

И так, подобно все расширяющимся кругам в бассейне, Ассирийская империя стремительно росла, пока в конце концов ее пределы не простирались вплоть до берегов Моря Заходящего Солнца. Под властью Нина оказались Медия и Армения, странствующие, любящие сражаться Хатти, Тир, Сидон, Эдом и Филистия. Гордый Вавилон был вновь обречен с Ассирией, хотя и царапался и кусался, как подобает вздорным и безвольным женам. Пал Дамаск - подвиг, который не удалось совершить даже Шалманесеру, и мирные поля Сирии были захвачены, а их скот съеден голодными завоевателями. Жители берегов Черного и Каспийского морей были подвластны Нину, а Египет платил ему бесконечную дань драгоценными металлами, щитами и мечами из бронзы.

И все же два царства стояли камнем преткновения на пути власти Ассирии. Одним из них была Бактрия - страна, чьи армии, побитые в поле, укрылись за массивными стенами

Зариаспы и три долгих года не поддавались осаде, а на их башнях стояли откормленные и ликующие воины-оруженосцы.

Другим непокоренным королевством была Аравия, которой правил хитрый принц по имени Боабдул Бен Хатт, выбравший для своего трона седло, а для скипетра - скимитар в свободной обойме. Эта страна изобиловала породой самых быстрых коней, которые доводили царя Нинуса до безумного желания; но приз был недосягаем для него, как плод пальмы, ствол которой он не мог ни упасть, ни подняться. И даже больше: его внутреннее ядро было защищено кольцом пустынных земель, куда более смертоносным, чем миллионная армия воинов. Кроме того, это царство постоянно угрожало планам Нинуса, и стоило только покорить соседнюю страну и двинуть армии на новые войны, как туча сумрачных всадников спускалась в вихре песка, чтобы стереть следы терпеливых трудов Ассирии.

Донесения доходили до Нинуса, когда он сидел на своей башне, и досаждали ему до того, что он готов был распять вестников дурных вестей. Всадники Боабдула тревожили Сирию остриями копий, пожирая самые тучные стада и унося богатую добычу, которую царь хотел использовать для строительства своего города. В течение часа царь Нинус в задумчивости расчесывал бороду, затем послал за Меноном и устроил перед ним пир с фруктами и вином.

"Менон, - сказал король, когда пир был окончен, - завтра ты отправишься в Аравию и заключишь договор с нашим достойным врагом, принцем Боабдулом Бен Хаттом".

Менон уставился и поставил свой кубок на доску.

"Договор?" - спросил он удивленно, ибо боялся, что ослышался.

"Да, договор о мире, - серьезно кивнул король Нинус, - ибо, послушай, только глупцы воюют с перелетными птицами, а мудрый человек кормит их из своих запасов зерна, чтобы они откормились в трудную минуту". Менон улыбнулся, а король продолжил: "Тогда отправляйся в Аравию, разыщи Боабдула и принеси ему дары, которые я сейчас приготавливаю. Преподнеси их вместе с любовью и дружбой повелителя Ассирии и назови его братом от моего имени. Заключи с ним договор, согласно которому мы не будем вторгаться в земли друг друга; во всех новых завоеваниях, где он окажет помощь, половина добычи будет принадлежать ему". В свою очередь, Аравия может призвать руку Нинуса для поражения своих врагов, и покоренные земли будут разделены на две равные доли. Уступите требованиям благородного принца, как того требуют мудрость и справедливость, но в одном вопросе держитесь крепко, как загнанная гончая, хотя из-за этого договор может сорваться".

"И что?" - спросил Менон, все еще удивляясь тону хозяина.

"Жеребцы!" - вскричал король, ударив по столу своим волосатым кулаком. "Они должны быть у меня, чтобы приумножить славу моего жеребца, чтобы запрягать мои колесницы и заполнять стойла моих конюшен здесь, в Ниневии. Смотри, Менон, ежегодно Боабдул будет присылать три тысячи жеребцов самого благородного происхождения, за которых он может назначить цену в девицах или другом товаре. Кони, друг мой, благочестивые кони Варвары!"

Некоторое время король и его верный полководец задумчиво беседовали о делах, связанных с перемирием, затем Менон поднялся, чтобы уйти, но Нинус задержал его.

"Когда договор будет скреплен, - сказал он, - отправь гонцов с его условиями к моим союзникам на юге; также отправь ко мне надежного курьера, а затем отправляйся в Сирию. В Сирии ты дождешься ее правителя, некоего Сурбата по имени, дремучего человека, который

управляет с мудростью овцы. Пришли мне его голову, а когда он, таким образом, будет снят с должности, ты будешь править вместо него, но мудро и бодрствуя".

Щеки Менона раскраснелись от гордости за почести, которые собирался осыпать его господин, и он упал бы на колени в знак благодарности, но король удержал его.

"Нет, послушай, - сказал он, - холмы Сирии тучны от изобилия, их обширные племена богаты скотом и овцами, в то время как Нинус испытывает острую нужду в пище для строительства своего города. Обложи их налогом, сын мой, пока не иссякнут жилы, но сохрани их шкуры, чтобы они снова надулись для последующих нужд. Я сам пошлю к Сурбату гонца с известием о моей воле в изменении правил, а что касается удара по шее, то я оставлю это до твоего внезапного прихода".

Менон снова хотел опуститься на колени, но Нинус взял его за руки и поднял, сказав с улыбкой:

"Не благодари, пока не высохнет львиная шкура, ибо, помни, я посылаю тебя в Сирию за головой Сурбата. Действуй смело, но с умом, чтобы не случилось так, что когда-нибудь я пришлю за другой головой. А теперь прощай".

Менон отправился вниз по Тигру на барже, на которой работали ловкие финикийцы; кроме сопровождавшей его стражи, было несколько рабов, которые несли провизию и царские подарки для принца Аравии. Днем и ночью они быстро путешествовали, пока не добрались до города Кута, где переправились по суше к Евфрату и сели в другую лодку. Затем они много дней плыли по течению этого мутного потока и наконец остановились у Бурвара, в лиге ниже того места, где когда-нибудь должен был возвыситься Вавилон, царица городов. Здесь они отправили арабского гонца к Боабдулу Бен Хатту и сели ждать удовольствия принца и эскорта через пустынные земли.

Наконец эскорт прибыл - отряд дикарей в тюрбанах, которые, словно призраки, крались по пескам на спинах неуклюжих верблюдов; их оружие и амуниция не издавали ни звука; их лица были закалены дыханием раскаленного ветра и жалом горячей пыли. Их шейх приветствовал Менона от имени своего господина и пристегнул дары Нинуса к горбу злобного свинцового зверя. Он посадил на него вождя и семерых своих воинов, а остальным, вместе с рабами и слугами, велел оставаться позади.

Среди стражников Менона были и те, кто сидел на своих местах неловко из-за странностей в походе этих удивительных зверей; а один, когда его верблюд шарахнулся с колен, дико зацепился ни за что и упал головой вниз на землю, чтобы подняться из пыли с проклятиями под хохот бедуинов.

Нехорошо насмехаться над вавилонянином, попавшим в беду, поэтому он, один Бабус, лелеял в своей гордыне некую болячку, которая должна была привести дело Менона в горькое напряжение, но время еще не пришло.

Одиннадцать дней кавалькада шла на запад по бескрайним пустошам, небо было огненным озером, равнины - тонущим, головокружительным морем, в котором, казалось, плескались бесконечные волны песка. В полуденные часы они подолгу отдыхали под тенью навесов и спали, а затем снова отправлялись в путь, чтобы продрогнуть в ночной прохладе, когда огромная луна с удивительной внезапностью выскакивала из-под земли и мчалась прочь по своему извилистому, освещенному звездами пути. И так они путешествовали до рассвета двенадцатого красного дня, когда Менон увидел, как из расселины пустыни поднимается бахрома зеленого оазиса. Как прохладная, сладкая капля росы, она, казалось, лежала в

сердцевине желтого листа, и после утомительной поездки в ускоренном темпе путники набрали на заставы лагеря Боабдула.

Здесь ассирийцев провели в шатры из шкур, причем шатер Менона отличался роскошью: он был глубоким, просторным и снабжен молчаливыми рабами для обслуживания нужд вождя. Один слуга приносил охлаждающее вино, а другой готовил ванну - ванну из верблюжьей шкуры, стоящую на вбитых в землю кольях. Виноградный сок был сладок для распухшего языка Менона, но ванна была подобна духу любимой, которая взяла его на руки и поцелуями сняла с него усталость. В воде он лежал без движения, в покое и умиротворении, пока его жаждущие поры впитывали драгоценную влагу; затем чернокожий слуга облачил его в плечное одеяние, и была накрыта богатая трапеза. Там были финики и смоквы, лепешки из толченого зерна, вино в драгоценных кубках и дыни, охлажденные в глубине колодцев Боабдула. Ассириец ел и насыщался, а затем опускался на диван, чтобы безмятежно спать весь день и всю ночь, пока на рассвете кровь не стучалась в его сердце с вестью о том, что он снова жив.

Когда он снова поел и его вывели из палатки, Менон обнаружил, что лагерь кипит жизнью и суетой движущихся воинов, сменяющихся часовых и всадников, ведущих своих коней к воде и дающих корм. Сквозь рощи пальм он видел огромное количество палаток, раскинувшихся до самых краев зеленого оазиса, а на равнине за его пределами белые облака всадников кружились и металась туда-сюда. Взошло огромное красное солнце, и с его появлением Менон и его воины предстали перед принцем Аравии.

Боабдул Бен Хатт стоял в ожидании в проеме своего королевского шатра, юноша с властным видом, с гордой, презрительной красотой, начертанной на его безбородом лице. Вокруг его головы были намотаны складки молочно-белого тюрбана, высокий айгрет которого был зажат застежкой из великолепного изумруда. Его халат был усыпан драгоценными камнями и золотыми нитями, а с пояса, усыпанного драгоценными камнями, свисал украшенный драгоценными камнями скимитар.

На языке Ассирии он приветствовал Менона и его последователей, приглашая их на свой диван и в свой дом, ибо принц был обучен речи многих земель. Он спросил их о здоровье царя, их господина, и поинтересовался, отдохнули ли гонцы после утомительного похода, а затем, когда вежливость была снята, Боабдул потребовал, чтобы мясо ассирийских поисков было положено на небо его понимания.

И Менон заговорил, как того желал Нинус, спокойно, хитро, излагая очевидные преимущества союза со своим повелителем. Он правдиво говорил о желаниях Ассирии и в то же время указывал на насущные нужды Аравии. Он выложил перед принцем условия договора, пока весы справедливости не уравнились до песчинки; затем от имени своего монарха он призвал брата Боабдула и попросил жеребцов с равнин Барбарии.

Араб слушал с терпением, свойственным его роду, хотя на его челе уже проступила хмурая гримаса гнева, а пальцы затрепетали на рукояти остро отточенного скимитара. Когда Менон замолчал, Боабдул отшвырнул ногой дары Нинуса и ослабил узду своего пылкого языка.

"Что!" - закричал он. "Разве принц Аравии - сова? Неужели он должен моргать от блеска солнца Ассирии, а лисы выщипывать перья из его хвоста? Мои жеребцы! Нет! Возвращайся к своему хозяину, который будет грабить там, где не победит, и приведи ему шакала с уздечкой для жеребца. Иди! Скажи, что Боабдул не знает брата по имени, и принеси ему в дар две ладони, усыпанные пылью!"

Бедуины тесным кольцом обступили посланцев, а те, кто понимал, передавали шепотом слова своим товарищам, и вскоре поднялся угрожающий ропот, а многие скимитары так и норовили покинуть ножны.

Вавилонянин Бабус, чья гордость была уязвлена падением с верблюжьей спины, не выдержал и бросил колкость в зубы разгневанному принцу, после чего араб насадил обидчика на копье, и Бабус, корчась на земле, умер. Ассирийская стража выхватила бы мечи, чтобы отомстить за удар, и наверняка лишилась бы жизни, омрачив перемирие своего господина, но Менон бросился на них с резким приказом.

"Мир!" - крикнул он. "Рот брыкающегося осла закрыт пылью, которую мудрый Боабдул посылает в дар Нину". Он сделал паузу, чтобы надеть золотую цепь на шею араба, совершившего это преступление, а затем повернулся к принцу с опущенными ладонями. "Видишь, мой господин, - улыбнулся он, - мои руки теперь пусты. Что же я понесу Нину, который ждет в Ниневии печати перемирия?"

"Шакала!" - вспыхнул Боабдул. "Принеси ему это!"

"Нет, - сказал Менон, указывая на труп Бабуса у своих ног, - твой второй дар я тоже использую, чтобы сожрать плоть этого падшего глупца, которого мой господин забудет, да, даже как щедрый принц забывает гнев".

Бедуины кивнули между собой и улыбнулись, ибо им нравилось, как коварно у них поворачивается язык, но принц не перестал хмуриться.

"А почему, - спросил он, - если Нинус назвал меня братом своего сердца, он не придет лично в мои шатры или не попросит совета на какой-нибудь средней площадке?"

"Потому что, - ответил посланник, - он строит город на берегу реки Тигус; город столь огромный, что никто, кроме него одного, не может руководить возведением его стен и дворцов".

"О!" - насмеялся араб. "Значит, хозяин строит хижины и посылает наемного слугу туда, где он не смеет рисковать своей шеей".

Менон покраснел, но удержал на губах горячую отповедь и выдержал ровный взгляд принца Боабдула.

"Да, правда, - ответил он медленной, спокойной речью, - я всего лишь покорный слуга моего короля; и все же я веду его войска в бой, как и ты, мой господин, ведешь войска своего почтенного отца, который, как я с горечью узнал, слишком немощен из-за своих лет, чтобы выдержать напряжение войны".

Бедуины снова зароптали между собой, но теперь уже в знак одобрения слов ассирийца, однако Боабдул остановил их хмурым взглядом, и их языки умолкли.

По правде говоря, принц втайне был доволен соглашением, которое предложил Нинус, но не хотел показаться чересчур страстным в своих желаниях. Поэтому он притворился, что ему не нравится этот план, в надежде, что договор легче ляжет на плечи Аравии.

"А этот твой повелитель, - спросил он с презрением, - неужели он настолько высок в своем могуществе, что весь мир должен преклонить колени перед его царственным кивком? Неужели он могущественнее меня, Боабдула Бен Хатта, который мечом и пламенем пронзает землю, который правит от пустыни до губы западного моря и балансирует королевством на

острие своего отточенного скимитара? Говори, слуга короля твоего! Сможет ли Нинус встретиться со мной лицом к лицу, как мужчина с мужчиной, и все равно остаться победителем?"

"Что касается этого, - открыто улыбнулся Менон, - я не могу сказать. Я давно знаю своего господина как отца и друга, но не помню, чтобы он хвастался своими делами".

Слова Менона были чистой неправдой, ибо Нинус был принцем хвастунов и заставлял записывать свои подвиги на могучих скрижалях, предназначенных для удивленных глаз людей, которые должны были последовать за ним. Но Менон не боялся, и укор его спокойного упрека был как шпора в бока ярости араба.

"Боги мои, - вскричал он, - только бы этот строитель хижин был здесь, под рукой, чтобы я доказал, что оружие ему по зубам!"

"Увы!" - вздохнул Менон, - "он далеко, в Ниневии, где, как он надеется, когда-нибудь примет Боабдула как своего почетного гостя".

"А ты, - усмехнулся араб, дрожа от ярости из-за невозмутимого вида собеседника, - ты, который навязывает условия этого глупого перемирия и прикрывает дерзость своего господина, осмелишься ли ты встретиться со мной, пешим или верхом на коне?"

"Да", - ответил Менон, задумчиво глядя на Боабдула, - "если таким образом наш договор будет скреплен - от всего сердца".

"Давай!" - яростно крикнул араб. "Скрести свой клинок с моим, и если я паду, договор будет заключен в соответствии с изложенными соглашениями. Если же нет, то состоится второй совет, на котором твой король на коленях попросит мира".

Под сенью финиковых пальм образовался круг воинов, и в его центре двое приготовились сражаться за условия перемирия. Их одеяния были отложены в сторону, чтобы складки не запутались в ногах, и они предстали обнаженными, если не считать пояса, опоясывающего их чресла. Араб был худым и жилистым, как кошка, со шнуровидными волосами, которые узлами лежали на его смуглой коже. Плоть ассирийца, хотя и бледная с оттенком северного климата, была упругой и твердой, а мышцы плавно пульсировали при движении его конечностей. Он был выше и длиннее, хорошо обучен военному искусству и обладал рысьим взглядом, не уступающим по скорости более проворному противнику.

Боабдул с легкостью орудовал изогнутым скимитаром, утяжеленным на острие, и держал на руке крошечную мишень, а Менон был вооружен бронзовым щитом и тяжелым обоюдоострым мечом - дарами Меметиса, египетского принца, находившегося в заложниках при дворе Нинуса.

На мгновение оба замерли, каждый старался заметить слабое место в защите другого, каждый был готов к удару или парированию, если представится возможность; затем араб присел и начал двигаться по кругу. Менон, поворачиваясь на каблуке, медленно поворачивался вместе со своим ястребоподобным противником, выставляя перед собой стойкий фронт для каждой точки угрозы или атаки, и смеял араба своими улыбающимися глазами. Внезапно Боабдул сделал подсечку, оправился и нанес яростный удар по голове Менона; но скимитар лишь полоснул по острию ожидающего меча, и араб отступил за опасную черту. Снова и снова он пытался прорваться, но его встречала надежная и хладнокровная защита, а наблюдавшие за происходящим бедуины и ассирийские воины горячо поддерживали своих чемпионов.

Уязвленный постоянными неудачами, Боабдул воспрянул духом, и битва стала еще ожесточеннее и быстрее. Как леопард прыгает, так и араб метался туда-сюда, его скимитар был колесом света, оружием в каждой спице, которое то звонко ударялось о бронзовый щит, то скрежетало о меч; а принц Менон смотрел в глаза араба и ждал шепота от своих богов.

Кругами они топтали землю под грохот хриплых, диких криков людей, жаждавших увидеть кровь; и тут раздался крик, потому что по бедру ассирийца потекла багровая струйка. Хитрый Боабдул тоже увидел это и бросился в новую атаку, но Менон поймал удар на свой медный щит и отклонил его в сторону, а затем стремительно и со всей силой обрушил на врага плоскую часть своего тяжелого меча. Боги шептали ему: рука араба онемела и бесполезно повисла на боку.

Теперь настала очередь Менона оставить выжидательную игру и прижать противника к стене. Более свежий из двоих, благодаря своей спокойной обороне, он наседал на принца без малейшей пощады, не давая ему передышки. Напрасно Боабдул со всем своим мастерством пытался вернуть себе преимущество, но не мог, так как его клинок теперь был щитом, а Менон отражал удары любой рукой. Но битва еще не была выиграна. Араб старался с помощью множества хитроумных уловок заманить противника, чтобы заставить его ошибиться в защите или ослабить атаку. Он даже пытался насмешками и издевательствами поколебать ровный нрав своего противника, но Менон прижимал его все ближе и смеялся, что сильно беспокоило Боабдула. Один раз хитрый араб бросился на землю и нанес удар по ногам противника, но Менон подпрыгнул, и удар прошел под ним без вреда, а принц поднялся на ноги и бегом двинулся назад.

Они снова сошлись для последнего испытания силы и ловкости, крутясь, нанося удары, которые отклонялись в сторону или уклонялись от удара, каждый задыхался от усилий, каждый устал, но не падал духом; затем, внезапно, Менон уперся мечом в кривую скимитару араба и, хрюкнув, вырвал ее из рук Боабдула. Принц, пытаясь вырваться из ловушки, попятился назад, споткнулся и покатился по земле. Ассириец в мгновение ока бросился на него и всадил острие под сумрачный подбородок.

С криками ярости кружащие арабы опустили копья, чтобы наброситься на победителя и спасти побежденного, если удастся, но Менон предостерегающе поднял руку со щитом.

"Назад!" - крикнул он, - "или, клянусь короной Иштар, я перережу ему горло!"

Сыны пустыни остановились, как обузданный конь, каждый из них приготовился к дикому удару, каждый в ужасе ждал, когда оборвется нить жизни, а Боабдул Бен Хатт смотрел в глаза Менона, хотя клеймо страха не горело на его щеке.

"Бей, пес!" - простонал он, испытывая стыд и муки поражения; но Менон отбросил меч и протянул руки, чтобы павший поднялся.

В молчании смотрели бедуины; в молчании поднялся Боабдул и с недоумением посмотрел на своего победителя.

"Ассириец, - спросил он в конце концов, - почему теперь твой клинок не запятнан, когда поворот судьбы отдал меня в твою руку?"

"Мой господин, - торжественно, но с некоторым блеском в глазах ответил Менон, - я хочу заключить договор с принцем Аравии, а не с мертвым Боабдулом".

Аравиец смотрел на смерть и знал, что вино жизни сладко для него, поэтому гнев полностью угас, и юмор охватил его, и он громко рассмеялся.

"Клянусь бородой моего отца, - воскликнул он, взяв руки ассирийца в свои и прижав их к груди, - если Нинус сохранит веру, как он выбирает посланцев, то я с радостью назову его братом моей души!"

И тогда поднялось мощное ликование, эхо которого разнеслось по равнине - ликование Нинуса, повелителя всей Ассирии, и другое, еще более громкое и продолжительное, - ликование посланника с львиным сердцем. До арабов дошло, что Менон не раз пытался нанести смертельный удар, но стоял перед самым свирепым скимитаром пустыни, не дрогнув, полагаясь на свою силу, и не щадил тех, кого мог бы убить.

Они привели его в шатер Боабдула, где старенькая пиявка принца обработала его рану. Они искупали и помазали его, чтобы он не пострадал от своей горячей крови, и одели его в одежды из королевских сундуков Боабдула.

Договор был должным образом скреплен, чтобы стоять между двумя королевствами на протяжении многих лет; и ни один из монархов ни разу не нарушил его заветы, хотя связи между ними часто напрягались из-за ревности и необузданных волнений злых людей.

Когда условия мира были сведены к минимуму, Менон и его последователи прожили у принца семь дней, в течение которых светлое время суток проходило в охоте и ратном спорте, а ночи были отданы пирам и веселью. Гостей чествовали на королевском совете, где кубки с вином кружились до тех пор, пока жажда мужчин не переставала мучить, а их чувства погружались в чары музыки и девиц, танцевавших перед их глазами.

В час расставания Боабдул принял ассирийца в свое сердце и велел ему думать об Араби, как об откинутой крышке шатра; более того, он подарил ему благородного коня с равнин Барбары, брата жеребца, на котором ездил сам. Вместе с конем отправился индийский раб, которого принц назвал Хузим, великан с берегов Инда, с могучими плечами, чей лук не могла натянуть ни одна рука, кроме его одного.

В печали Менем расстался со своим отрядом и отправился в Сирию, где наткнулся на Сурбата, дремучего правителя этой страны. Этого человека он сместил с должности и отправил его главу в Ниневию, посоветовавшись с богами ремесла, чтобы они спасли его самого.

Затем он поскакал на спине Сирии, как махаут гонит вздыбленного слона, подгоняя его козлом налога, пока холмы не зазвучали от его эховых труб.

ГЛАВА IV

БОГИНЯ-РЫБА

В душе Менона, правителя Сирии, царило смятение. Всю ночь он жаждал сна, но отдых не приходил ни к телу, ни к разуму, ибо воздух был тесен, а беспокойные мысли стояли часовыми у его ложа.

Когда на Сирию опустилась прохлада рассвета, он покинул нагретую постель, оделся и побрел вдоль берега озера, где дул свежий ветерок. Он удобно расположился на камне, сбросил верхнюю одежду и стал наблюдать за рубиновым солнцем, выходящим на восток.

Позади него лежала деревня Аскалон, где обитали пастухи овец, землепашцы и надсмотрщики за стадами и отарами. Перед ним простиралось озеро, глубокое, зеленое и прохладное, пальмы и гранаты отбрасывали призрачные тени от его берегов. На другом берегу, во мраке кустарников и деревьев, возвышался храм бога-рыбы Дагона, казавшийся лишь концом утреннего тумана, стелющегося по воде. На мелководье у скал плавали бесчисленные рыбы, то ныряя в укрытие под камни, то прыгая на незадачливую муху, пролетевшую слишком близко к опасной черте. Поверхность из конца в конец изрывалась мириадами плавников, и то и дело раздавался более громкий всплеск, возвещавший о взмывании вверх какого-то чудовища, а расширяющуюся рябь рассекали мелюзги в стремительном полете.

Они жили в мире, эти обитатели глубин, ибо сирийцы не едят рыб, не ловят их крючками и сетями, чтобы гнев Дагона не уничтожил таких глупцов вместе с их стадами и пастями, их женами и детьми, их землей и плодами на ней. И так рыба жила и размножалась.

И были люди, бесчисленные, как рыбы Аскалона, которые завидовали Менону, как тому, кому улыбнулись боги; но сейчас он сидел, положив подбородок на ладонь, и нетерпеливо постукивал ногой по омываемому волнами берегу, хмурясь на славу наступающего рассвета.

Зачем ему хмуриться, этому любимцу богов, главному правителю Сирии, любимому людьми воину, юноше, за которым тайком наблюдали из-за многих решеток, пока его беспечный уход не вызывал тоскливого вздоха? Почему он должен бормотать проклятия в ладони и вгрызаться пятками в песок? Разве не получил он на Иестереве свиток от самого короля, в котором тот хвалил его за заслуги на чужбине и, более того, за хитроумное правление? Не предлагал ли Нинус высокую награду, когда Ниневия будет отстроена в течение двух коротких лет? А вот и сандалия закричала! Многие пожилые люди могли бы от радости плясать на берегу озера, а Менон бормотал проклятия в ладонь и вгрызался пяткой в песок.

Еще до захода луны ожидающие гонцы должны были вернуться в Ниневию и принести ответ владыке всех земель. Согласие на желание царя означало жестокость более горькую, чем он смел мечтать. Отказ вырвал краеугольный камень из арки его надежд, чтобы раздавить его под теми самыми стенами, которые воздвигла его юная сила. Искать отсрочки...

Внезапно Менон вздрогнул от неожиданности: круглый белый камешек ударился о его колено и покатился в озеро. Он огляделся, пытаясь понять, откуда прилетел снаряд, но все было спокойно. Позади него вдалеке простирались холмы, по которым сновали пастухи с дремлющими овцами; справа на краю озера царил покой, бесплодный, если не считать пары порхающих птиц, а слева заросли кустарника выбегали на острие скалы, слишком низкой, казалось, чтобы скрыть человеческую фигуру. Все еще удивляясь, ассириец потирал колено и с упреком смотрел на рыбок в озере, когда раздался похожий на флейту смех - радостный, залихватский, - который разносился вдоль берегов, пока каждый скальный выступ не подхватил его ноты и не разнес по волнам насмешливое эхо.

Менон вскочил на камень, чтобы обследовать каждый уголок и расщелину взглядом охотника. Согнувшись всем телом, напрягая все чувства, он обшаривал берега в поисках укрытия шута, и наконец, когда надежда была почти исчерпана, он уловил отблеск разлетающихся на ветру волос на скале у самой кромки воды. Менон улыбнулся, затем, казалось, увлекся созерцанием какого-то плавучего объекта далеко на озере, но при этом хвостом своего хитрого глаза, как за щитом, следил за тем местом, где пряталась беда. Наступила тишина. Не было слышно ни звука, кроме всплеска погружающегося карпа, крика пастушьей собаки и резкого, пронзительного крика журавля, пролетающего в ленивом, неуклюжем полете.

Из воды бесшумно поднялась фигура, пара танцующих глаз смотрела на него сквозь лиственную завесу; округлившаяся рука поднялась, Менон повернулся и поймал второй камешек, когда тот прилетел. На мгновение оба замерли: один - удивленный своим стремительным открытием, другой - потерявший дар речи от изумления перед смелой, неземной красотой водной нимфы.

"Богиня!" - прошептал он и уставился на нее с изумлением мечтателя, пробудившегося ото сна.

Она стояла у кромки воды, девушка, только-только начинающая становиться женщиной, ее светлая кожа блестела от свежести купания. Облегающая юбка от бедра до колена обнажала стройные симметричные конечности, чистые, легкие, готовые к проворному полету. В остальном же она была обнажена, если не считать ниспадающего богатства огненно-полосатых локонов, развевающихся под дуновением ветра, наполовину скрывающих, наполовину открывающих сверкающий бюст и горло. Над ним - лицо ведьмы, греческое по линиям, но с теплой сладострастностью семитской крови; рот, твердый, бесстрашный в своей силе, но закаленный бесшабашным весельем - рот, способный ожесточиться в порыве презрения, вздрогнуть от вздоха молитвы страсти или разразиться смехом в зубы молящегося. Ее глаза - призрачный омут света, в котором человек мог бы утопить свою душу и, погружаясь, благословить своего мучителя.

Еще мгновение Менон стоял, глядя на девушку, пока юмор не охватил его, и он, откинув назад голову, расхохотался.

"Клянусь Асхуром, - воскликнул он, - поцелуй будет платой за твою милую дерзость!"

Он стремительно преодолел расстояние и протянул руку за выбившимся локоном волос, но не успели его пальцы сомкнуться, как девушка отпрыгнула назад, повернулась и нырнула в озеро. В мгновение ока она исчезла, чтобы снова подняться и стремительно понестись в сторону храма Дагона на другом берегу.

"О! - рассмеялся Менон, - вот так рыба! Да будет так, нахальный, ибо двое будут играть до конца!"

Не останавливаясь, чтобы сбросить с себя одежду и кожаные сандалии, надетые на ноги, он последовал за ними, погрузился и выстрелил вверх, фыркая, когда тряс головой, чтобы освободить уши и глаза. Сильными, свободными взмахами он начал гонку, счастливо улыбаясь от того, что она быстро закончилась. Какой шанс был у нее против его великолепной силы, у того, кто преодолел вздыбленный Евфрат или Тигр, когда его воды пели под удары шипящих стрел? Ледяная ванна придала бодрость его конечностям и заставила молодую кровь бурлить в жилах. Мышцы плеч запульсировали под кожей, а сердце забило быстрее в яростном предвкушении погони. Какая радость - сбить такую добычу, это сверкающее тело,двигающееся с легкостью, эти огненно-рыжие волосы, которые едва держатся за пределами его досягаемости!

Менон плыл все быстрее и быстрее, вкладывая в свои взмахи всю силу, а дева не отставала, то останавливаясь, чтобы бросить насмешливый взгляд назад, то устремляясь вперед, пока рябь не заплескала на ее груди. И так продолжалась погоня, пока озеро не было почти пересечено, пока храм, казавшийся мерцающим среди деревьев, не высился над ними, а изображение уродливого бога-рыбы Дагона в каменном молчании наблюдало за отставшими.

Затем темп стал сказываться даже на силах ассирийца. Его мышцы болели, горячее дыхание вырывалось из губ с трудом, на груди бронзовая полоса, казалось, выжимала из него жизнь, а пот от слабости капал в глаза. Теперь он набирал силу! С радостью охотника он увидел, что его жертва устала от работы. Ее удары становились все слабее, а пылающая голова опускалась все ниже среди среды волн.

"Клянусь Белитом, - прохрипел он, - поцелуй мой, или я упокою свои кости на дне твоего озера!"

Между ними было расстояние в длину копья, и дюйм за дюймом преследователь сокращал его, в то время как нимфа перестала издеваться над ним своим смехом и направила свои иссякающие силы на то, чтобы спастись. Для нее гонка была окончена. Запыхавшийся охотник шел за ней по пятам, неумолимый, жаждущий, жесткая рука тянулась к ее плавающим локонам. Она пригнула голову, уклоняясь от захвата на расстояние пальца, прыгнула, как прыгают дерущиеся рыбы, и вернула себе крошечный перевес. И снова преимущество ускользнуло от нее, и теперь она висела на волоске от гибели. Снова и снова ассириец вскидывал руку, чтобы схватить воздух или брызги в пустой кулак. Неудача злила его. Сжав зубы, он продолжал бороться, но брызги летели неуклюже, так как усилия теперь были чреваты мучениями.

"Поцелуй!" - вздохнул он. "Поцелуй, клянусь, или..."

Клятва внезапно оборвалась на его губах, потому что дева вскинула руки и исчезла. С криком юноша бросился за ней, забыв о своей боли в порыве самобичевания. Достигнув места, где утонула ее фигура, он попытался вынырнуть, но усталая природа оказалась властной над его волей. Он плыл, пытаясь восстановить силы, и осматривал озеро в поисках восходящего красного пятна; но только прыгающий карп делал круги по волнам, да рубиновое солнце поднималось вверх из тумана. Ветерок глупо гудел среди пальм, а голубой журавль бросал обвиняющий клич по воде.

Надежда Менона угасала все ниже и ниже, чтобы умереть и снова ожить под звонкий смех, приятный для его слуха. За спиной у него мелькнули огненные волосы, блеск горла, из которого вырвалась колкость, плечо, легко рассекающее рябь - озерная нимфа, свежая, неутомимая, коварная победительница в гонке!

Она хитростью заманила его, чтобы он потратил силы на погоню за той, кто плавает, как плавают мелюзга, и для Менона это знание стало ударом между глаз. Слабым движением он повернул его к берегу, стараясь удержаться на плаву, ибо тяжелые сандалии отягощали его, и томление охватило все его тело. Он был измучен, изможден. Перед глазами стояла непроглядная мгла, а в ушах стоял гул далекой битвы. Тысяча огненных голов дразняще танцевали за пределами его досягаемости, смеялись и хохотали. Мир катился в пропасть мрака, а за ним катился неуклюжий журавль - стально-голубой призрак, пронзивший его огненным клювом. Он задыхался; он боролся за жизнь, бешено размахивая руками, пока вздымающиеся пеной воды не взметнулись ввысь и не обрушились, чтобы раздавить его в своей ревущей мощи.

На мгновение на поверхности озера появилось белое лицо, а затем ассириец медленно погрузился в воду.

Теперь было легче! Казалось, он выскользнул из тисков боли на колышущуюся кушетку покоя. Мир наконец-то выскользнул из мрачной пропасти, покачиваясь сквозь лигу за лигой изумрудных облаков, а журавль исчез. Смех озерной нимфы тоже утих. Она больше не бежала от него, а, раскинув руки, прижалась к нему, положив его слабую голову на грудь. Она согревала его плоть

витками своих огненных волос, а ее детский голос то поднимался, то опускался в дремотной песне.

"Поцелуй!" - вздохнул Менон, и воды повисли над ним в дремоте.

ГЛАВА V

МОЛИТВА ДАГОНУ

Когда молодой ассириец погрузился в воду, служанка лукаво улыбнулась и отплыла в сторону, боясь попасть в ловушку собственного изготовления; но когда мгновения таяли одно за другим, ее веселье сменилось страхом. Она прекрасно знала, сколько времени пловец может оставаться под волнами, и когда наконец поднялись четыре крошечных пузырька, она сделала один долгий, глубокий вдох и нырнула.

Курс вниз пролегал по наклонной линии, до самого дна озера, где камни были покрыты склизкой тиной, а высокие серые сорняки плавно колыхались то тут, то там. Она кружила среди скользких камней с острыми краями, нащупывая руками и ногами места, где тени закрывали устья темных водоемов, и наконец нащупала его руку. Она попыталась схватить ее, но дыхание почти иссякло, и она с пружиной взлетела в воздух.

Минута отдыха - и она снова нырнула, теперь уже уверенная в том, где он лежит. Она настигла его, замерла на мгновение, пока ее пальцы искали точку сцепления и сомкнулись на его поясе. Она приподняла его вес, затем согнула колени, чтобы придать пружинистость, и начала борьбу за жизнь незнакомца.

Медленно, слишком медленно продвигалась она вперед, потому что тело, облепленное водой, тяжело тащилось за ней, а пловчиха, у которой была только одна свободная рука, мешала ей. Но все же она поднялась, хотя легкие готовы были разорваться, а сухожилия на груди напряглись от боли. Поднималась, поднималась, пока молодость и воля не перестали выдерживать двойную нагрузку. Она перестала двигаться. Она уже тонула, но вдруг ослабила хватку и помчалась к жизни одна. Она взмыла вверх, пока ее тонкая талия не скрылась за линией воды. Еще один долгий, радостный вздох, и она снова погрузилась, чтобы тело снова осело среди водорослей; и вот она уже под ним, плывет осторожно, чтобы не соскользнуть с ноши.

Как далеко, казалось, было это волнистое пятно света над головой, и как он тяготил ее! Как медленно ползли мгновения, каждое из которых было надеждой, ускользающей по мере того, как вода проносилась под ее руками! Его руки следили за скоростью, а халат порвался и запутался в ее ногах; но через ее плечо висела его голова, его щека прижималась к ее щеке.

Клянусь Иштар, она спасет его сейчас или будет покоиться рядом с ним на его кушетке из травы!

Наконец-то! Молитва благодарности Дагону пронеслась по ее губам с первым сладостным порывом затаенного дыхания; затем, схватив ассирийца за локоны, она перевернулась на спину и поплыла к мраморным ступеням храма.

Однажды она видела, как ее приемный отец вернул жизнь мальчику-пастуху, чья искра едва не погасла в бурлящем горном потоке; так и она поступила с Меноном, сначала перевернув его на лицо и выгнав своим весом воду из его легких; затем она била его пульс, колотила кулаками по его телу и ритмично двигала его руками туда и сюда. Она делала это и даже больше, ибо, как женщина, когда надежда улетучилась, она взяла его на грудь и пыталась вернуть к жизни успокаивающими, детскими словами.

"Живи! Живи!" - дышала она. "Как молод ты, чтобы умереть! А я - дура, дура, дура - причиняю тебе зло! Вернись, милый мальчик, и я поцелую тебя! Да, сто, если хочешь, но приходи!"

Она обняла его и заглянула в его повернутое лицо. Как он был прекрасен, но как неподвижен! Как глубоки были его глаза, которые смотрели на нее, но не видели ее слез жалости и боли! Он был благороден, возможно, находился в свите Менона, могущественного правителя, который, несомненно, продаст ее в рабство за ее злой поступок. Но зачем юноше совершать глупости? Почему он отважился войти в воды ее озера, где плавают только рыбы или дети рыб? Неужели столь юная, столь драгоценная жизнь должна быть оплачена безрассудством? Глупость поцелуя! Ах, он мог бы получить его сейчас, хотя его губы были холодными, бессознательными, под давлением ее губ.

Снова и снова склонялась пылающая голова, цвет переходил от щек к горлу, и кровь озерной нимфы пробуждалась - пробуждалась с пламенем, которое однажды вскипятит котел Ассирии, когда пена зашипит от страстного волнения, - с пламенем, которое испепелит тысячи земель и доведет их полчища до безумия в неутолимой жажде войны.

С силой отчаяния дева подняла тело Менона, втащила его по ступеням храма и положила у подножия алтаря Дагона; затем, опустившись на колени рядом с ним, она воздела руки и взмолилась, в страстном желании женщины.

"Смотри, Дагон, - громко вскричала она, - смотри, что держат в плену духи твоего озера! Видишь, как он затих - тот, кто был согрет и наполнен дыханием юности! Подношение? Нет, нет, милый бог, это не подношение от рук твоей дочери. Плоды, гирлянды и зерно - твои; самые жирные дети и первые овцы, но он - мой! Перечисли, могучий! Почему ты молча смотришь на озеро и не слышишь моего крика? Разве я не приношу тебе финики и цветы, козье молоко и почки с самых высоких пальм? Я не просил у тебя ни одного блага, но дай мне его сейчас! Ах, сжался, сжался и верни его мне!"

Подательница склонила голову и ждала, но бог-рыба не подавал никаких знаков. Он возвышался высоко над землей, отвратительное чучело из грубо отесанного камня, с человеческим лицом и руками, с чешуйчатым телом рыбы, а под его человеческими ногами виднелись искаженные, наполовину скрытые в кучах увядших цветов, принесенных в жертву его пастухами-поклонниками. Позади него лежали резной плуг, олицетворяющий искусство земледельца, серп, пастушеский посох и сосуды с вином из самого лучшего сока винограда.

Прошли долгие мгновения. Озерная нимфа переводила взгляд с Дагона на незнакомца, лежащего рядом с ней. Его тело лежало в уродливой беспомощной позе, руки были раскинуты, темные глаза устремлены в пустоту, такую же пустую, как у самого идола. Дева вновь обратилась к богу, который, казалось, насмехался над ней своим ледяным спокойствием, чьи каменные уши были закрыты для голоса молитвы. Она ждала, и детское благоговение таяло, как растворяется туман, а ярость разрывала сердце. Она вскочила на ноги и стала бить по чучелу сдвоенными кулаками, глаза ее пылали, распущенные волосы хлестали по обнаженной груди.

"Проснись! Проснись! Ты спишь, Дагон, и не слышишь? Проснись, говорю я! Это я зову *Шаммурамат*! Разве я тоже не дитя богов, о котором добрая ведьма Шела говорит, что однажды оно будет править миром? Слушайся, или я разрушу твой храм и поставлю вместо тебя Молоха! Проснись, глупец! Проснись!"

[#] Имя "Шаммурамат" греки превратили в Семирамиду, под которой великая ассирийская царица более известна.

Пронзительный голос затих. Бледная девушка с ужасом слушала, пока эхо не затихло в куполе храма. Она снова упала на колени и, хотя в душе ее все еще бушевал гнев, смягчила свою речь, как в последующие годы она побеждала лестью там, где гнев не мог заставить ее повиноваться своей воле.

"Прости, дорогой Дагон, - шептала она, прижимаясь к его ногам, - мой язык - это язык Деркетто, моей матери, которую ты проклял за справедливое несчастье. Но послушай! По ошибке ты заставила этого юношу утонуть в водах твоего озера, ибо он тоже любит тебя любовью, столь же великой, как и моя. Подари мне его жизнь, божественный, а в уплату я украду богатое вино из самых старых шкур моего отца - пальмовое вино, Дагон, сладкое и крепкое. И еще, моя коза - твоя. Я зарежу ее здесь в жертву и положу ее сердце в ложбинку твоей руки".

Она остановилась в глубокой задумчивости. Взятка была велика, но весы бартера требовали еще одной гири, и она хорошо знала, что боги требуют в жертву расставания с дарами, которые вызывают самую острую боль. Из всех ее сокровищ два были самыми дорогими: собака и нитка жемчуга; и теперь, когда она смотрела в невидящие глаза Менона, ее сокровища, казалось, уменьшались в цене. Но прежде чем она растратила все на алтарный камень, голос мудрости прошептал ей на ухо и заставил спрятать улыбку.

"Услышь меня, Дагон, - кротко прошептала она, - знаешь ли ты моего доброго пса Хабала, который в дни отдыха приходит к дверям твоего храма? Его я тоже могла бы отдать в жертву, чтобы обратить сердце твое, но это было бы глупо и несправедливо по отношению к тебе; ибо разве не следит он за стадами моего отца, не смотрит верным оком за ягнятами, которых закалывают только для тебя? Если бы Хабал умер, кто бы тогда мог спасти твоих ягнят от хищных зверей? Зубы Хабала могут послужить тебе лучше, чем кровь Хабала".

Она бросила взгляд на Дагона и, увидев на его лице спокойное выражение удовлетворения, решила завершить свою сделку мастерским ударом. В углу храма лежал ее халат из тонкой пряденой шерсти, сброшенный во время утреннего купания; теперь из-под его складок она достала ожерелье и протянула его жадному богу.

"Смотри! Смотри, милый бог", - вскричала она. "Это я предлагаю тебе - сокровище, подаренное великим армянским князем. Смягчи сердце твое, и я брошу его в самые глубокие воды твоего озера, где никто не сможет найти его и лишит тебя моего дара".

Правда, Семирамида и сама могла нырнуть и достать его при желании, хотя и надеялась, что столь пустяковый предмет ускользнет от бога. И все же, чтобы он не подумал, она поспешила продолжить:

"Не знаешь ли ты, какова ценность такого жемчуга? За одну бусину ты мог бы купить сотню хабалов для нужд своего алтаря. Подумай, что все это значит - их вдвое больше, и я отдаю их за жизнь этого бедного юноши, который, как я думаю, простого рода и низкого происхождения. Внимай, мудрейший, и поспеши, чтобы мудрость не искусила меня и я не оставил себе жемчуга".

Солнечный луч пробился сквозь густые листья пальм, дрогнул и пополз по полу храма; на мгновение он остановился на клубке пылающих волос, а затем медленно поднялся по чешуйчатому боку бога-рыбы. Пока дева смотрела на это с приоткрытыми губами, с трепещущей от учащенного пульса грудью, пламя солнечного света замерцало и погасло. Но при ее захлебывающемся крике оно снова ожило, забрызгав лицо Дагона коварным сиянием счастья, и Менон застонал и зашевелился.

Пока можно было считать счет, девушка опустилась на алтарный камень Дагона, хромая и лишенная нервов; затем она отбросила покрытую мозолями кошачью лапу божественного

призыва и поставила на ее место быстрого, более энергичного бога силы. С рвением надежды она навалилась на тело своего подопечного со всей силой, которую заложила ее дикая, свободная жизнь, пока веки Менона не дрогнули, и хмурый взгляд полубессознательного протеста не оправил ему лоб. В сумерках понимания он представлял себя плохо используемым пленником в руках врагов, которые терзали его от шеи до пяток; а когда с возвращением жизни пришла агония наполненных водой легких, которые пытались освободиться, он повернулся на бок и забормотал проклятия, глубокие, пылкие, тронутые огнем поэзии.

И только тогда труды Семирамиды уступили место праздности. Положив подбородок на колени, она слушала музыку его клятв - музыку куда более сладкую, чем жидкие ноты пастушьих флейт или отзвуки овечьих колокольчиков, звенящих в сумерках. Семя любви проклюнулось из странной, нехоженой почвы, и бутон раскрылся, чтобы взглянуть на своего бога.

Со вздохом умиротворения она поднялась, облачилась в халат из тонкой пряженной шерсти, туго застегнула пояс и завязала на ногах ремешки сандалий; затем положила голову Менона на свои колени и зажала между его зубами ободок кубка с вином, которого она по неосторожности лишила великое святилище Дагона.

"Мы с Дагоном, - пробормотала она с коварной улыбкой, - многого достигли; но Дагон один, без моей помощи..."

Она остановилась, потому что молодое облако скользнуло по солнцу и бросило тень на пол храма, тень, которая ползла и ползла, пока лицо бога-рыбы не потемнело от ее мрака; тогда Семирамида вспомнила, поднялась и бросила свой жемчуг далеко в озеро.

И снова она сидела рядом со своим подопечным, терпеливо поглаживая его по вискам. Долго, долго наблюдала она за ним, вырисовывая в воображении кружевные паутины судьбы, а сердце радостно отмечало его борьбу с неохотно уходящей жизнью, пока вскоре дыхание его не стало ровным, а на лбу не выступил пот от боли.

Менон встретился с ней взглядом, и на его щеках вспыхнул румянец стыда - стыда за поражение его, испытанного солдата, от рук девушки-пастушки. Но в ее улыбке мужчина мог забыть о поражении - забыть и радоваться, забыть все остальное, кроме улыбки и улыбающейся девушки.

Цвет его лица разгорелся, но теперь в нем не было и следа от уязвленной гордости. Он попытался поднять руки, но они показались ему непосильным грузом и слабо опустились рядом с ним. Пальцы его ослабли, он лежал беспомощный, как младенец, которого не кормят грудью, но глаза победителя смеялись ему в лицо и были добры.

"Поцелуй!" - вздохнул Менон, и дева, склонившись, отдала свою душу в плен его губ.

ГЛАВА VI

ДОЧЬ ДЕРКЕТО

Медноватое солнце взошло на свой облачный холм; южный ветер утих, и озеро лениво дремало в лучах утреннего солнца. Ассириец все еще лежал, положив голову на колени Семирамиды, ибо вначале она не позволяла ему тратить силы на речи. Она просила его отдохнуть, пока она рассказывала свое имя и историю своего рождения, а он, довольный, просил только смотреть и слушать, пока его сердце голодало, а пульс пел в такт радости. Так дева лепетала о богах и людях, о доме пастуха Симмаса, ее приемного отца, и о своей простой жизни с овцами, которые паслись на холмах, а рыбы плавали в водах Аскалона.

Ее мать, Деркетто, была богиней, которой сирийцы поклонялись в ее храме у озера, пока она не навлекла на себя роковой гнев Дагона за свою красоту и глупое тщеславие. Она совращала сердца смертных с их ровных путей, сжигая их безумными желаниями, которые были бесплодны и неисполнимы; играла со страстью, но не упивалась ее пламенем - безрассудная дева, насмехавшаяся над адом, пока танцевала на нити, протянутой через его горло.

Тогда Дагон, обеспокоенный ее нечестием, вызвал из далекой восточной страны юношу-воина, который вздыхал и пел перед святилищем Деркетто. Он был стройным и подтянутым, с глубокими синими глазами и локонами, сияющими, как золотисто-рыжее пламя; богиня вышла к нему и обрадовалась сладости его песни. Всю долгую синюю ночь он пел и шептал ей на ухо, пока своими искусствами и тонким языком не заставил ее упасть, а затем сразу же исчез.

Родился младенец, и Деркетто в стыде и печали ушла ночью на холмы и оставила ребенка умирать среди скал; затем, рыдая, она скрылась в своем храме, спрятавшись от людских глаз за тенью алтаря. Днем она спала, а ночью стояла у кромки воды и изрекала пронзительные проклятия в адрес Дагона на берегу озера.

Тогда Дагон, разгневавшись, послал молнию, которая полностью уничтожила богиню и ее храм, так что Сирия больше не знала ни ее красоты, ни ее козней.

Один крестьянин, живший в Аскалоне, сильно огорчился из-за кражи, но так и не смог наложить руки на вора, хотя и наблюдал за ним вместе с женой и сыновьями. Козье молоко, оставленное в бочках у его двери, пропадало среди бела дня, а через некоторое время и его сыры начинали страдать. Изумившись, он снова принялся наблюдать, и на рассвете перед его дверью опустилась стая голубей. Они клевали его сыры или наполняли клювы молоком, а затем улетали в дальнюю точку на склоне холма у озера. Крестьянин и его сыновья наметили место и отправились туда, чтобы найти младенца, укрытого среди камней - того самого, которого Деркетто оставил погибать, а теперь его выкармливали эти священные птицы[#].

[#] Такова общепринятая легенда о происхождении Семирамиды.

Крестьяне бережно принесли ее в дом Симмаса, главного надзирателя царских стад, доброго человека, который вырастил ее как свою собственную; и они называли ее Шаммурамат, что на сирийском языке означает "голубка".

Так отпрыск богини, приемное дитя голубки и смертного человека, быстро вырос до силы и красоты самих богов. С раннего детства она любила озеро, где резвилась среди волн, пока никто не мог сравниться с ней в скорости и изяществе ударов; но, правда, рожденная от Деркетто, богини рыб, что ж тут удивительного? Как ее отец-мистик охотился в далеких восточных землях, так и девушка вскоре стала охотиться на холмах Сирии, причем с такой страстью, что ее лук и копье стали диковинкой среди простых пастухов.

"И вот, - говорила Семирамида, играя с рукой Менона, - и вот я уже взрослая женщина, с любовниками, которые приходят толпами, как скот, но не смеют высказать тоску своего сердца. Великие, глупые юноши, сыновья земледельцев и ухаживающих за нашими стадами, они смотрят на меня с завязанным языком; да, они подобны годовалым телятам, чьи мысли мы не можем понять из-за их глупости".

Ассириец рассмеялся и притянул ее к себе, пока ее губы не встретились с его губами и не прижались к ним; она присоединилась к его веселью, потому что он казался таким не похожим на тех телят, о которых она говорила. Вскоре ей пришлось в голову спросить его имя.

"Менон", - просто ответил он, и тогда она вздрогнула, оттолкнула его голову со своих коленей и отстранилась.

"Менон-ты!" - вскричала она. "Ах, нет, милорд! Это шутка! Этот человек - всего лишь дьявольская пиявка, которая вцепилась в горло Сирии и облагает ее налогами, облагает, облагает, пока не высосет всю ее кровь в виде налогов! Ты...!" Она сделала паузу, чтобы рассмеяться. "Губернатор уродлив, толст, а ты..."

Она снова остановилась, внезапно покраснев.

"Нет, послушай, - сказал Менон, - по правде говоря, я губернатор; и мне пришло в голову, что я буду облагать твою страну еще большими налогами, пока не отниму у твоего приемного отца, Симмаса, его самый лучший из всех запасов".

"Что?" - спросила она, возмущенная его словами. "Мой отец - этот добрый старик? Позор! Позор, милорд!"

Менон поджал губы и сурово нахмурил брови.

"Я хотел бы ограбить его, как я сказал, да, даже твоих священных голубей и самих богов, жемчужину Сирии - Шаммурамат".

Девушка ничего не ответила, но молча смотрела на озеро, и улыбка мягко играла в уголках ее рта. Ей не было неприятно, что ее называли жемчужиной Сирии, хотя она и сама уже давно знала, что это не так. Кроме того, для девы неприлично перечить могущественному правителю, и в душе она не испытывала никакого ужаса перед этим весомым налогом на птиц и богов Сирии. Поэтому она ждала его дальнейшей речи, которая, наконец, прозвучала со всей серьезностью:

"Что же касается этих налогов, из-за которых меня называют дьявольской пиявкой, то меня очень огорчает притеснение простого народа, и от этого моя душа неспокойна днем и ночью".

Дева снова рассмеялась.

"Да, правда, - ответила она, расстилая свои локоны, чтобы их высушило солнце, - я вполне могу поверить твоим словам, ибо никогда еще я не видела столь меланхоличного юношу или того, на ком горести скакали бы тугим коленом. И все же скажи мне, о Принц Горе, каково твое положение и имя на самом деле?"

Менон развел руками, но не мог не улыбнуться тому, что дева сомневается в нем.

"Нет, поверь мне, - убеждал он, - я говорю правду. Я клянусь в этом на алтаре твоего рыбьего бога. Я действительно правитель, посланный сюда по приказу царя, чтобы исполнять его волю, а не только мою. Царь Нинус строит для себя город на берегу далекой реки, город, похожий на огромное пожирающее чудовище, поглощающее людские запасы, плоды земли и детей всех земель. Поэтому я и пришел, чтобы отнять у твоих честных соседей их богатства".

Он рассказал ей о стенах города, о том, как они поднялись из песка; о храмах, дворцах, башнях и парящей цитадели. Он рассказывал о миллионах людей, трудившихся ночами и днями, об армии, опоясавшей стены, а Семирамида сидела и слушала, впитывая его слова.

"Ах!" - вздохнула она. "Ах, теперь я понимаю! А как называется этот город?"

"Ниневия - опал Востока".

Семирамида вновь приблизилась к Менону и, вняв его мольбам, снова взяла его голову к себе на колени.

"Этот твой монарх, - сказала она, задумчиво кивнув, - прав. Он мудр и силен. Мой народ глуп, если ропщет против справедливости его налогов. Послушайте! Я тоже когда-нибудь построю город, более великий, более обширный в своем размахе и великолепии, да, даже чем этот Опал Востока. Его стены будут выше твоих самых высоких башен, его сады будут висеть между землей и небом. Ах, смейся, если хочешь, но Шела видела все это - как видел и я, - как оно поднимается на дымке ее чайника".

На удивленный взгляд Менона она рассказала ему, что Шела - это ведьма, которая жила в пещере среди холмов, творила странные заклинания, предсказывала судьбу и исцеляла болезни с помощью своих искусств и трав.

"Она иссохшая крона, - сказала дева, - уродливая и с кривыми конечностями, самого имени которой боятся крестьяне; и все же она не злая ведьма, а добрая и ласковая с теми, кто понимает. Я боюсь ее не больше, чем..."

"Чем я?" - спросил Менон с улыбкой.

"Чем ты, - радостно кивнула она, - и я *тебя* совсем не боюсь. Но Расскажи мне еще".

Он рассказал ей о битвах, которые видел; об осаде Зариаспы, когда Нинус, подавив желание, отступил, пока не была собрана более мощная армия и не придуманы механизмы для разрушения стен. Он рассказывал ей о других войнах, долгих, ожесточенных, но в конце концов победоносных; и пока он говорил, Семирамида видела все это, как когда-то видела тусклый и призрачный Вавилон, восставший из дыма котелка старого Шелаха.

Она видела бескрайние равнины, где армии встречались с грохотом и ревом; где воины, зажатые в тисках ярости, отчаянно сражались и умирали; где колесницы неслись, как на утес, чтобы опрокинуться, а пески были красными от крови. Она слышала крики людей и звон ударов, ликующие возгласы победителей и вопли тех, кто бежал, грохот колес и копыт, сотрясавших землю, шум шеренг, пронесившихся сквозь клубы пыли. Грудь ее вздымалась, щеки и губы стали пунцовыми от прилива крови, темные глаза загорелись, и она задрожала, как в ознобе.

"Иштар!" - воскликнула она, поднимая голову и сжимая протянутые руки. "О, если бы я могла хоть раз спеть боевую песню! Бороться, бороться...!"

Менон прервал ее богатым, полновзвучным смехом, который эхом отразился от купола храма.

"Бороться?" - спросил он. "Во имя всех богов, с кем сражаться?"

Она не обратила внимания на его веселый тон, потому что искра загорелась, пламя разгорелось, и топливо должно было сгореть.

"*Пуф!* Мне все равно, лишь бы это был враг - враг, который будет стоять и бояться летать!" Она снова подняла руки, и ее богатый голос зазвучал пронзительно в такт лихорадочному желанию: "Пронестись на колеснице и промчаться сквозь изгороди из мечей и копий! Пить вино войны! Завоевать и царствовать - королевой! И вот, - вскричала она, поймав свои огненно-рыжие волосы, - я отрежу их, чтобы никто не узнал во мне девицу. Тогда, тогда ты позволишь мне следовать за тобой, как юноше, который идет в твоём обозе. Говори, повелитель, я жду".

Менон улыбнулся и покачал головой, ибо путь девы, сказал он ей, не лежит среди полевых опасностей; но она взяла его щеки в обе ладони и наклонилась, пока ее дыхание не смешалось с его собственным.

"Нет, один раз, - умоляла она своим призрачным, жидким тоном, - одна *маленькая* война - не больше! Ах, Менон, милый, ты отпустишь меня?" Она наклонилась и прильнула к его губам, ее странные глаза пылали страстью, а прекрасные руки сжимались в любовной ласке. "Менон! Менон!"

Он затрепетал, ибо сердце его громко кричало и жаждало отдать этой деве все, что она попросит; а она еще крепче прижимала его к себе, шепча ему на ухо то, что, возможно, шептала ее мать, Деркетто, когда сбивала людей с их ровного пути.

"Послушай меня, - негромко попросила она и коснулась его щеки бархатом более мягкого изгиба, - неужели ты не захочешь обложить налогом моего отца из Жемчужины Сирии? Что тогда? Неужели ты оставишь меня в своем доме - в одиночестве - тосковать по любимому человеку вдали от дома, плакать, слушать его шаги в усталой ночи? Нет, Менон, это было бы жестоко, а ты добр".

На чело правителя легла тень. Он встал и зашагал по полу храма, сцепив руки за спиной. Мрачный долг звал его, и до него дошло, что скипетр Ассирии воткнут между его сердцем и женщиной, ради которой оно бьется в одиночестве.

"Что беспокоит тебя, мой господин?"

Некоторое время он ничего не отвечал, но продолжал задумчиво расхаживать взад и вперед.

"Дева, - начал он наконец, - есть государственные дела, которые решаются, а женщина не может их понять из-за их странной сложности".

Девушка подняла голову, в ее глазах появился блеск, который боролся с чувством смутной тревоги в ее сердце.

"Может быть, милорд, язык ученого губернатора, к счастью, имеет ту особенность, что делает такие вещи простыми даже для женского глупого ума. Молю вас, попробуйте".

Менон рассмеялся и принялся рассказывать о своей беде, как мог, хотя задача казалась ему более весомой, чем заключение перемирия; и скорее он встретился бы с скимитаром Боабдула, чем с глазами этой рыжеволосой девушки, которая наблюдала за ним, ожидая, что он скажет.

"Царь Нинус, - сказал он, - прислал ко мне гонцов, которые пришли вчера. Они принесли мне свиток, в котором мой повелитель благоволит восхвалять мои деяния лестью и похвалами. По его приказу я обложил налогом твой народ до самых травинки и тем самым завоевал вражду всей земли; но царь рад, ибо благодаря мне он получает огромные запасы для строительства своего города. В награду" - тут Менон запнулся, отвел глаза и уставился в пол - "в награду он предлагает мне руку своей дочери Созаны, когда будут возведены стены и дворцы Ниневии".

"Ах!" - вздохнула Семирамида. "Ах! Я вижу!" Она присела на ступени храма, обхватив руками одно колено, на которое задумчиво опирался ее розовый подбородок. "Продолжай, мой господин".

"Это предложение, - продолжал Менон, хмурясь, - горький плод на моем языке, ибо служанку любит мой лучший из друзей - Меметис, египетский принц, которого Нинус держит в заложниках при своем дворе, чтобы его народ не восстал на..."

Он остановился, ибо Семирамида холодным приказом остановила его речь.

"Нет, пусть Меметис отдохнет! Что за девица эта Созана?"

"Она смуглая и маленькая, - медленно ответил правитель, - доверчивая, мягкая и добрая". Девушка рядом с ним рассмеялась, но веселье не было ее тоном, и Менон промолвил: "В детстве мы играли вместе, она и я - дерзкий маленький плут, весельчак и песенник, ребенок, которому я скорее отрублю руку, чем причину страдания".

"Так, - прошептала Семирамида, - принцесса прекрасна на вид. Я так и предполагала. Ну? Ну что, мой повелитель?"

"А теперь, - вздохнул Менон, - король хочет заставить это прелестное дитя задушить любовь и жениться там, где она не желает".

"Не так", - заявила Семирамида, щелкнув крепкими белыми зубами. "Будьте уверены, мой господин, нефрит подговорил его на это. Что! Разве она не видела тебя? Разве ты не обольстил ее своими хитроумными уловками? Как же может быть иначе?"

Озерная нимфа снова рассмеялась, беззлобно, с пронзительным, насмешливым звоном.

"Нет!" - сказал Менон. "Нет! Она не тоскует по мне, и я не тоскую по ней. Втайне она обручена с Меметисом, которого безмерно любит; и если бы я склонился к желанию царя, то причинил бы боль той, кого взял в жены, и тому, чье счастье мне дороже собственного".

Ассириец снова приостановился и с тревогой посмотрел на дверь храма. В водах озера он, казалось, видел лица своего монарха и друзей: царя с улыбкой на бородатых губах, Меметиса, печального и молчаливого в упреке, и милую Созану, удивляющуюся горю, слишком глубокому для слез.

"Тогда почему, - спросила Семирамида, дрожа от волнения, - почему, во имя Бэла и Молоха, ты совершаешь это злодеяние?"

Правитель стоял перед ней, погруженный во мрак, и угрюмо отвечал:

"Приказ короля - это приказ короля, и один-единственный раз подданный может нарушить его волю".

"Ах!" - снова вздохнула Семирамида. "Ах, я вижу! Более того, я вижу, что Менон склоняется к этой ниневийской девушке, смуглой и маленькой, доверчивой, мягкой и доброй. Не качай головой, обманщик. Шаммурамат не глупа. Что же остается выбрать моему господину?"

Менон вздохнул, но ничего не ответил, а она сидела и смотрела, как он мечется в глубоком волнении. Вскоре она заговорила снова, медленно, мягко, но тон ее был холоден:

"Я заметила, мой господин, что те, кто обладает наименьшим умом, требуют наибольшего времени для принятия решения. Мудрый человек действует! Любовь и жадность он не взвешивает на одних и тех же весах. Что! Могушественному правителю еще предстоит выбрать?"

Ассириец прислонился к колонне храма, мрачно смотрел перед собой и размышлял о поручении царя. Воин внутри него шептал ему на ухо, призывая, умолая, как труба. Другой голос говорил о любви к власти, о радости управлять слабыми людьми, и место Менона было рядом с королем. Они тащили его, эти голоса, как на бронзовой цепи, но сердце его взывало: Шаммурамат! С ней он мог бы жить в мире вечно, изгнанник из своей земли, странник, в нужде и бедности - поклонник, который умер, довольный славой ее улыбки. И все же...

"Мой господин все еще молится своим коварным богам или дремлет из-за усталости и меня?"

Озадаченный губернатор не заметил ни мурлыканья в ее тоне, ни блеска в глазах, когда она присела, как приседает леопард, бесшумно, готовый к своей весне.

"Клянусь великим повелителем Асхуром, - пробормотал Менон сквозь зубы, - мое соображение подверглось серьезному испытанию". Он встряхнулся и повернулся с победной улыбкой. "Может ли друг доброй ведьмы Шела оказать помощь тому, кто страдает духом и умом?"

"Да!" - вскричала Семирамида, вскочив на ноги в порыве ярости. "Да!" Глаза ее пылали, а пальцы сжимались до тех пор, пока ногти не впились в ладони. "Уходи, похититель поцелуев! Уходи, когда ты испепелишь мою страну налогами! Возвращайся к своей ниневийской служанке - этому скулящему нефриту, чей отец всего лишь дикарь и глупец! Но скажи ей, что ты смотрел на жемчужину Сирии! Скажи ей - и она поймет!"

На мгновение Семирамида замерла, как царица, пылая гневом и презрением; затем она рассмеялась - хрипло рассмеялась в насмешку над весельем, - спустилась по ступеням храма и ушла.

Менон последовал за ней, крича, умоляя ее вернуться, пока искал ее среди деревьев и запутанного подлеска.

"Шаммурамат! Шаммурамат!" - звал он вслух, и только эхо его тоскливого голоса возвращалось к нему. Долго искал он, но поиски были тщетны, и когда надежда совсем покинула его, он повернул домой и вялым шагом пошел по берегу озера.

Тут из тени среди деревьев выскочила девушка и села на ступени храма. Опершись руками о колени, положив подбородок на руки, она смотрела, пока поникшая фигура Менона не скрылась из виду.

Снова откинула она свое одеяние, сорвала сандалии и бросила их вниз, а затем, в дивной красоте своего обнаженного облика, предстала в гнев перед богом-рыбой Дагоном, глаза ее пылали, рыжие волосы в беспорядке рассыпались по шее.

"Что!" - вскричала она. "Неужели я, Шаммурамат, вытащила этого лжеца из озера, чтобы спасти его для распутницы в Ниневии?"

Она презрительно щелкнула пальцами и повернулась на пятках; затем она нырнула за своей ниткой жемчуга.

ГЛАВА VII

ПОЦЕЛУЙ ХОЗЯИНА

Вот уже год, с момента своего назначения, правитель Сирии жил в Азапе - центральном пункте, где стояла его армия, и откуда его агенты и шпионы отправлялись во все племена. Однако Азапа была домом только по названию, потому что Менон постоянно следил за работой своих подчиненных. Он скакал из пункта в пункт, в неуточное время спускаясь к тем, чьи обязанности дремали в летаргии, или к тем, чьи пальцы случайно прилипали к определенным налогам короля. И как Нинус приводил примеры на стенах Ниневии, так Менон расправлялся с теми, кто не подчинялся его воле; ведь тело нечестивого и ленивого слуги ценилось выше, когда его отделяли от головы, которая вела его по ложному следу. Так Менон приобрел славу жестокого хозяина, хотя время от времени до него доходили слухи о том, что налоги многих бедняков были полностью оплачены из кошелька самого правителя.

Он постоянно путешествовал на своем благородном барбарийском коне, которого звали Скимитар, в честь клинка Боабдула, и с ним также ездил индийский раб, который был вторым подарком араба. В Хузиме он нашел драгоценность и друга, чье сердце он завоевал с помощью политики. С самого начала губернатор был добр к нему, и когда границы Аравии были пройдены, Хузим получил свободу, чтобы вернуться, если захочет, в свой дом на Инде; индеец же упал на колени, чтобы поцеловать руку хозяина и покрыть ее слезами. Свою свободу он принял с благодарным сердцем, но молил остаться на службе у своего господина, которому он до конца оставался верным стражем. Его могучий лук и древко принесли много плоти на стол Менона, а ночью его тело лежало перед дверью хозяина, где никто не мог пройти и выжить, чтобы снова ускользнуть.

Менон простоял у Аскалонского озера дольше, чем ему полагалось в любом другом месте, но никто не откладывал его отъезд и не платил налогов. Голос долга нашептывал ему на ухо предостережения, указывая на неотложные дела вдали; но долг, клялся он, может спать с Гибиллом, пока не увидит Семирамиду снова.

Много дней искал он ее среди холмов, с рассвета до захода солнца, но не нашел; и сердце его, жаждущее служанки, заняло в нем и жаждало пищи, в которой ему было отказано.

Семирамиду тоже преследовала некая неугомонность ума и ног, которая постоянно заставляла ее двигаться. Притаившись в какой-нибудь куче деревьев, она из часа в час наблюдала за бесплодными поисками охотника. В ее глазах застыла тоска, а в бурлящей крови разгорался жар, хотя гордость, гордость демона, не позволяла ей терпеть пленение от его рук. Если искатель приближался к ее укрытию, она тут же отползала в другое место и угрюмо наблюдала за ним. Но из-за его неумения поймать ее, горячая злость достигала высот глупости, заставляя ее бормотать проклятия в его адрес, горькие, глубокие, и выплескивать свой гнев на неодушевленные предметы. В конце концов она оставила любовника на произвол судьбы и с копьем и стрелами отправилась на охоту, находя облегчение в дикой радости от убийства зверей - больших, маленьких - ей было все равно, каких, лишь бы убивали.

Тогда Менон, отчаявшись, пустил по ее следу Хузима, ибо в мастерстве погони или в умении подстерегать настороженные вещи не было ему равных во всей земле. Так Хузим обошел вокруг и нашел то, что искал его хозяин.

В конце одного длинного красного дня, когда солнце опустилось низко, а пурпурные облака уперлись в край ночи, индеец сообщил, что Семирамида возвращается в Аскалон по определенной дороге; тогда Менон спрятался и затаился в ожидании. С лиственной ширмы он наблюдал за ее приближением, дыхание его становилось все более горячим и быстрым, а она приближалась, не сознавая, что попала в ловушку. При каждом медленном шаге лук и колчан звенели у нее за спиной; копье она использовала как посох, а огненная голова была склонена на грудь. В пыли она тащила за хвост тело леопарда, а по пятам за ней рысил ее овчар Хабал.

Внезапно Менон переступил порог ее дома и, сложив руки, с улыбкой преградил ей путь. С испуганным криком Семирамида отпрыгнула назад, а Хабал встал между своей хозяйкой и мужчиной, его густая шерсть вздыбилась по позвоночнику, а в хриплом, глубоком рыке слышалось отвратительное урчание.

Губернатор говорил умоляющим тоном, но девица ответила на его мольбы потоком оскорблений. Он стойко переносил это, а когда она переводила дух, старался добиться своего с помощью разума, не зная, что разгневанная женщина презирует его так, как не презирует ничего другого ни в раю, ни в аду. Этому он научился к своему горю, но когда он хотел одолеть ее, схватив за руку, она ударила его острием своего охотничьего копья и натравила на него своего пса.

Черный пес прыгнул ему прямо на горло, но Менон поймал его за шею и удержал в челюстях, хотя сила его была велика и он сильно сопротивлялся. Некоторое время они боролись за власть, но в конце концов зубы Хабала оказались бесполезными, ибо Менон сжимал его до тех пор, пока его кости не начали трещать, а сам он снова обратился к Семирамиде и призвал ее к ответу.

Влюбленному предстоит нелегкая задача - лепетать на ухо деве и в то же время держать в руках пенистую, разъяренную собаку; поэтому дева насмехалась над ним из-за его печального разочарования и разжигала его гнев. В сумеречной тишине раздавались раскаты веселого хохота, пока Менон не выругался и, сжимая в руках Хабала, не отвернулся в ярости.

Тогда веселье девы быстро угасло на ее губах, ибо она увидела, что он украл ее собаку; с криком ярости она нацепила древко на лук и потянула его к голове. В одно мгновение губернатор перестанет облагать ее землю налогами, и Хабаль с ее сердцем будут свободны. И все же она замешкалась, приостановилась, а затем бросила оружие на землю и упала рядом с ним, горько плача.

Так Менон носил на руках сопротивляющегося Хабала, пока не добрался до своего дома, где приручил зверя и сделал его своим другом. Долго, долго трудился он над этим, поднося лакомства и нежные ласки, пока наконец пленник не завилял хвостом и не лизнул руку хозяина.

Менон побеждал, но не мог успокоить грусть в глазах Хабала и заставить его перестать ворчать у наружной двери, где он царапал лапами и скулил.

Наконец, когда прошел третий день, любовник застегнул на шее Хабала золотой ошейник и прошептал ему на ухо, но Хабал смотрел ему в лицо, недоумевая, ибо не понимал.

"Шаммурама!" - резко крикнул Менон, и обрадованный зверь бросился на него, поскуливая от радости. Дверь открылась. Хабал с лаем влетел внутрь, чтобы сжечь землю ударами своих лап. Но на гребне дальнего холма он остановился, оглянулся и снова залаял, а потом исчез. А любовник, наблюдая за ним, понял и улыбнулся.

Так Хабал нашел свою хозяйку, когда она склонилась в дверях отцовского дома, и опрокинул ее в чистом восторге от того, что она принадлежит ему. Он ластился к ней, громко выкрикивая слова любви; он ласкал ее лапой и языком, чтобы доказать преданность, куда более глубокую в своей чистоте, чем все, что смертный держит на алтаре своего сердца.

Семирамида тоже обрадовалась возвращению своего пса, взяла его на руки и, странно плача, спрятала лицо на его лохматой груди; но когда она увидела ошейник, в который был одет Хабал, ее ярость вскипела с новой силой. Она сорвала его с шеи и отдала нищему, забредшему в Аскалон.

Нищий с благодарностью принял безделушку, а затем зашагал прочь так быстро, как только могли его нести ноги, но то и дело оглядывался назад, как тот, кто дивится и не может понять. Принесло ли это упорное обращение добро или зло - вопрос, скрытый только в душе нищего, потому что вскоре по ветру пронеслась лошадь, а на ее шее низко склонилась дикая девушка, увеличивая скорость бешеным голосом и пятками. Она настигла странника внезапно, нагнала коня, пока тот не взвился на дыбы и не забил лапами воздух, широко разинув рот, с красными и трепещущими ноздрями. Тогда девушка сошла с коня и потребовала назад свой подарок.

Нищий запротестовал и, что-то бормоча, отвернулся, но она угрожала ему своим охотничьим копьем и наверняка пригвоздила бы его к земле, если бы он не послушался. Медленно он достал из мешочка золотой ошейник и бросил его к ее ногам.

"Гончая!" - вскричала Семирамида, - "Подними его и отдай мне в руки!" Снова взмахнула копьем, и нищий поспешно опустился, чтобы исполнить ее просьбу; затем, когда огненный ястреб ускакал, он задержался, глядя ей вслед с разинутыми от удивления челюстями.

Семирамида сделала большой крюк, чтобы миновать озеро, где бросила ошейник бедного Хабала далеко в глубину, раскаялась, а наутро нырнула и снова достала его. В ту ночь она уснула с безделушкой, прижатой к сердцу, но сон не приходил, ибо плоть ее, казалось, горела от каждого золотого звена. Она со злостью отбросила его от себя и некоторое время была счастлива, а затем поднялась с дивана и стала искать, пока не нашла его в темноте.

Когда он был у нее, она ненавидела его; когда же его не было, она жаждала его с неистовым желанием, которое все возрастало и возрастало; отсюда видно, что Семирамида, хотя и рожденная богиней, все же была человеком и женщиной.

Тем временем государственные посланники терпеливо ждали ответа Менона царю в Ниневии; правитель же просил их задержаться еще ненадолго, а сам отправился на охоту с выгодного места на своем добром коне Скимитаре.

Однажды утром его внимание привлек лай Хабала, и он пошел на звук, пока не достиг вершины соседнего высокого холма. В центре равнины он увидел Семирамиду, безоружную и медленно идущую, и сердце его забило, когда он погладил Скимитара и отпустил поводья. Ночью он поклялся больше не отстаивать свою правоту смиренным видом, а сломить дух этой ведьмы, пусть даже кулаками.

Семирамида увидела его приближение, и сердце ее замерло. Озеро было слишком далеко, чтобы можно было отступить, а на равнине не было ни куста, ни зарослей, через которые она могла бы скрыться от преследования. Должна ли она стоять и смотреть ему в лицо? Да! Клянусь Иштар, *нет!* Он может подумать, что она ждет его - она, Семирамида! Поэтому она повернулась и убежала.

Дева была легка на ногу и неслась по земле с быстротой испуганного олененка; но, увы, ее скорость была ничтожна по сравнению с великолепной поступью Скимитара. Позади нее слышался стук его копыт, но еще громче звучали нотки смеха Менона, когда его радость вырывалась наружу. Теперь он был ближе! Он наседали на ее фланг! Тогда Менон наклонился и подхватил девицу на руки. Она кричала и кусала его за руку; она царапала его, осыпая лицо и грудь бутонами; но он только еще больше смеялся и целовал ее в губы и глаза.

Они мчались все дальше и дальше могучими прыжками, ибо Скимитар не знал, что за колдуны сражаются у него на спине, поэтому он взял долото между зубами и бежал так, как никогда не бегал, а труженик Хабал пыхтел далеко позади.

Спустя некоторое время Семирамида перестала сопротивляться и безвольно лежала в руках всадника. Ей было приятно, что ее вырвали из корней ее собственного горячего своеволия. Радостно было ей биться о сердце победителя, упиваться болью руки, зажатой в ее локонах, и чувствовать, как ее силы сдаются под его жестокой властью. Ибо так было написано, что Семирамида должна любить в бурной страсти, где смиренную молитву попирают ногами в презрении.

Так и случилось: внезапно она обняла завоевателя за шею и зарыдала так, словно душа ее разрывалась на две части, а он, чтобы успокоить бурю ее слез, наклонился и поцеловал ее губы. И снова, и снова он наклонялся, пока Семирамида не подняла голову и не уставилась на него в изумлении.

"Во имя богов! - воскликнула она, - скольких ты хочешь взять?"

"Ни одной, - рассмеялся Менон, - которую ты отдашь мне не по своей воле, ибо я лишь отвечаю на твои любезности на ступенях храма".

"Что?" - пролепетала она, пунцово покраснев от его слов. "Нет, правда, я вспоминаю только три..."

"Да будет так", - сказал Менон, снова рассмеявшись и еще раз поцеловав ее. "Я помню, что когда мое тело было утоплено и лежало беспомощным в твоей власти..."

"Чудовище!" - вскричала она, мучительно сомневаясь, прижать ли его к сердцу или лишить жизни; но Менон жил.

Правитель повернул своего коня на обратную тропу и ехал до тех пор, пока не показался Аскалон; тогда он соскользнул со спины Скимитара и пошел рядом, чтобы праздные пастухи не удивлялись странности необычного; однако он все еще крепко держал руку девы.

Семирамида со своего возвышения смотрела в глаза возлюбленного, и дух ее пел от кипучей радости, ибо теперь он принадлежал ей - ей! до самой смерти звезд; но вдруг она дернула за уздечку.

"Подождите! Что же тогда с этой распутницей, Созаной?"

Менон нахмурился, но смотрел на нее неотрывно.

"О ней, - ответил он, - ты не должна бояться, ибо я не люблю ее. Завтра я оставляю службу моему королю и улечу с тобой в Аравию. Там мы останемся с принцем Боабдулом, ибо его любовь защитит меня даже от гнева Нинуса".

"Вот так, - задумчиво произнесла Семирамида, - поступил бы птенец и глупец". Еще мгновение она размышляла и наконец подняла глаза. "Скажи мне, сможет ли Нинус покорить Зариаспу или его снова постигнет неудача?"

"Зариаспа?" - рассеянно переспросил Менон, гадая, как это связано с его бегством в пустыню с женой. "Зариаспа?"

"Да, Зариаспа!" - повторила она в нетерпении. "Город... город! Что! Мой господин - лягушка? Ну-ка, пошевели мозгами. Неужели Нинус в конце концов завоюет Зариаспу?"

"Нет, - ответил Менон, - ибо стены его высоки и крепки, а пища для гарнизона доставляется каким-то таинственным способом, загадка которого не разгадана ни мыслью, ни поиском, ни бдительностью. И снова, и снова Раман-Нирари потерпит неудачу".

"Ах!" - вздохнула Семирамида, кивнув в манере почтенного судьи. "Тогда напиши царю твоему следующее: Я, Менон, губернатор Сирии, приветствую моего господина и повелителя, как сын приветствует отца, с любовью и почтением. Из-за чести, которую он мне оказал, мое сердце переполняется радостью, и, повинувшись воле монарха, я принимаю его дочь..."

"Стойте!" - гневно вскричал Менон. "Сейчас, борода..."

"Нет", - рассмеялась Семирамида, - "но дождитесь конца". И снова она позаимствовала мимику престарелого судьи. "- Я принимаю руку дочери твоей. А теперь, о Лучезарная, я прошу милости - не для себя одной, а для моего царя. Когда Зариаспа будет свергнут, а в боевой короне моего господина появится еще один драгоценный камень, пусть будет объявлено об этом бракосочетании. И тогда люди будут удивляться, говоря между собой: "Воистину, царь Нинус

божественен, ибо кто, как не бог, разделит славу своего имени со скромным воином, недостойным столь высокой награды". Семирамида сделала паузу, чтобы улыбнуться. "Завершая свое письмо, восхваляй царя за город, который он построил на песке. В словах твоих есть доля правды, и ты затронешь его тщеславие. Лишь слегка, не более. Но, прежде всего, будь краток и не слишком скромн".

В глазах Менона забрезжил свет понимания, но тут же возникло облачко, омрачившее его совершенное счастье.

"Но... но, - заикнулся он, - если вдруг царь Нинус завоюет этот город, то..."

"Пуф!" - насмехалась Семирамида. "В худшем случае мы будем любить друг друга в течение двух спокойных лет, а за это время многое может случиться".

В ответ Менон, не заботясь о том, что его увидят тысячи пастухов, счастливо рассмеялся, а затем привлек ее к себе и поцеловал ее смеющиеся губы.

Через холмы Сирии влюбленные пронесли ползком: Семирамида восседала на спине Скимитара, а Менон, крепко сжимая ее руку в своей, медленно шел за уздечкой.

Они достигли дома Симмаса, и танцующая собака выбежала на них и с радостным лаем бросилась навстречу.

ГЛАВА VIII

ТЕ, КТО УЕЗЖАЕТ, И ТЕ, КТО ОСТАЕТСЯ

Симмас, главный надсмотрщик за царскими стадами и отарами, был почтенным человеком, мудрым и сильным, но сердце его, как вода, текло перед волей приемного ребенка. К нему влюбленные принесли дело о своих клятвах, не скрывая ни опасности для себя, ни гнева Нинуса, если он узнает, как они пытаются льстить ему и затуманить его взор. Снисходительно слушал Симмах, улыбаясь снисходительной улыбкой, хотя сердце его болело от страха за ту, кого он так нежно любил; и вот, когда рассказ был закончен, он вздохнул и покачал своей мудрой старческой головой.

"Сын мой, - сказал он, - есть доблестные люди, которые отправляются на ловлю хищных зверей со стрелами и копьями; другие, более безрассудные, идут, вооружившись веревками и камнями, но я еще не знал ни одного, кто добился бы этой цели, щекоча львиный нос соломинкой".

"Откуда же нам знать, - спросила Семирамида, - что лев не может быть при этом очень доволен?"

Бедный Симмах был вынужден рассмеяться, ибо как же иначе, когда две круглые руки крепко обнимают его за шею, а розовая щека с любовью прижимается к его собственной? И так его приемный ребенок отвечал на каждый довод, скручивая нити мудрости в веревки глупости, пока, нехотя, не благословил их, улыбаясь сквозь слезы.

"Ложись, Хабал, - крикнула Семирамида, - и лизни руку своего хозяина". И пес лег.

Так случилось, что из Сирии отправились гонцы и преклонили колени перед Нинусом, сидевшим на своей сторожевой башне в знойный день. Они принесли ему послание, которое монарх прочел в седьмой раз, а затем снова в глубоком недоумении, расчесывая пальцами бороду. Оно умилило его тщеславие, как прикосновение пера к истине, и порадовало его ноздри пресным запахом собственной божественности - в последнее время его гордость была сильно уязвлена.

Из-за его неудачи в покорении Зариаспы просочился шепоток, что Нинус все-таки смертный; и благодаря его суровости по отношению к тем, кто трудился на стенах Ниневии, этот шепот становился все громче и чаще, пока не стал докучать над ним в часы сна. Голос народа угрюмо роптал или громко плакал из-за налогового ига; но еще более громкий шепот тревожил его сердце, ибо бог, в котором однажды усомнились, - это бог, которого не убили.

Поэтому в послании Менона король нашел хорошую пищу для размышлений; но, с другой стороны, в нем было что-то призрачное, что-то, что заставило его осторожно попробовать, прежде чем проглотить целиком.

"Сейчас, когда я живу, - размышлял Нинус, - мой Менон любит меня любовью, которая редко встречается среди сынов человеческих; или же, полный крик, он идет по следу женщины, отличной от Созаны. Женщина с умом! Страшная женщина - коварная и мудрая".

Некоторое время монарх глубоко размышлял, расчесывая бороду и глядя на стены Ниневии; затем он вдруг нахмурился и перегнулся через парапет.

"Зомар!" - позвал он стоявшего внизу конного оруженосца, - "поезжай к начальнику рабочих у западных ворот и прикажи ему усерднее орудовать кнутом, ибо мне кажется, что голова этого негодяя чересчур сильно болтается на его шее".

* * * * *

Через сирийские холмы, под сиянием миллиона звезд, ехали бок о бок Менон и Семирамида. Их сердца были полны той радости, которая побеждает слова и заставляет их биться беззвучным пульсом покоя. Лишь глаза их рассказывали тайны, нежные, глубокие, ибо каждый из них охотился в пустыне за песчинкой и, найдя ее, радовался, ибо знал, что имя ей - любовь.

Перед ними, молча, ехал Хузим, низко склонив голову на могучую грудь, ибо червь ревности засел в нем от этой любви господина к своей невесте. Разве раб не человек? Разве его скромный разум должен быть защищен от яда забывчивости? Раб! И все же рука хозяина освободила его от цепей, а он сам вновь сковал их. Что же теперь? Разве не странны и не многообразны плащи любви? И вот благодарность поднялась, чтобы задушить червя ревности; затем Хузим снова поднял голову и запел песни тех, кто живет там, где течет Инд и греет солнце.

Лига за лигой шли они сквозь ночь, каждое сердце - раб, каждая мысль - звено в цепи любовного рабства. В фургоне ехал Хузим, тихо напевая на своем родном языке; за ним шли Менон и Семирамида, рука об руку, а в арьергарде похода - мудрый, невозмутимый Хабал, рысивший по пятам.

* * * * *

На холмах Сирии пастухи разводили костры, чтобы не замерзнуть в ночи, и многие юноши долго искали среди пламени глаза Шаммурамат - странные глаза, которые коварно выглядывали из углей, наполовину скрытые клубами дыма. Они танцевали! Они насмехались! То смеялись, когда сгорала какая-нибудь зеленая веточка, то падали во тьму с почерневшим пеплом. Как печальны они были, эти пепелища мечты - печальны, как блеяние бродячей овцы, доносящееся по ветру. И все же - какое отношение должна иметь богиня к пастухам бродячих животных, а они - к ней? Разве бык должен слизывать соль со звезд? Нет, не так!

Так мудрость пришла к наблюдателям за кострами, пока покой не навеял сонливость, и пастухи уснули.

* * * * *

В доме Симмаса старик бродил по тихим комнатам и не находил ни покоя, ни отдыха. Как голо и пустынно, когда любимый человек больше не приходит! Как они жалки, эти домашние вещи, к которым так часто прикасалась ее рука - сломанное копье, отброшенный в сторону колчан, старая и изношенная сандалия!

Он бежал на крышу дома от призраков, но они следовали за ним, цепляясь за его мантию руками памяти. Он искал в пустыне песчинку, но не нашел ее, ибо песок его был пылью. Тогда Симмах упал на колени и протянул иссохшие руки к звездам.

"О, Иштар, Иштар, - взывал он вслух, - сжался над немощным стариком!"

ГЛАВА IX

ОРЛЕНОК, ВЫХАЖИВАЕМЫЙ ГОЛУБЯМИ

В смутные времена управление Сирией не было игрой, в которую мог бы играть ребенок; и хотя Менон жил со своей женой в Азапе, он должен был объехать множество беспокойных племен. Из Ниневии бесконечно требовали зерна, чтобы накормить толпы рабочих, волов, ослов и водяных буйволов, чья сила теперь использовалась для перевозки тяжелых грузов. Поезда за поездами изгонялись с земли, и как только их хвосты переставали переливаться в Сирии, раздавался крик о том, что нужно еще. Так сирийцы шептались между собой, как другие шептались далеко в Ниневии; и вскоре шепот нарастал, пока каждый не высказал свои мысли вслух, а мысли были горьки против правителя.

Так Менон ходил туда и обратно, укоряя, успокаивая, наказывая. Рука его была тяжела, когда жезл поднимался по необходимости; а когда он падал, на спине пораженного оставался след. Он был честен, справедлив и бесстрашен во всем, кроме одного - Семирамиды. Он не смел допустить, чтобы она разделила с ним опасности пути, и не хотел, чтобы весть о его супружеском состоянии просочилась за границу, ибо из всех быстрых вестников, земных и воздушных, ни один не поспевает за болтовней праздного языка, а уши короля были остры.

Правда, Менон мог жениться и на Созане, и на Семирамиде, и на десятке других жен, но супруг дочери царя должен лелеять только одну жену. И все же тому, кто разделит свою любовь между кем-то другим и Семирамидой, лучше сразу же отправиться в бушующие пожары Гибилы, чтобы обрести душевный покой. Так ехал Менон, размышляя о том о сем, и терзался страхом.

Семирамида в отсутствие своего повелителя волновалась до тех пор, пока в ее сердце не поднялось шумное волнение. Она любила его, как тигрица любит своего товарища, и не знала покоя, пока он снова не пришел к ней.

Хузим тоже был оставлен в доме губернатора в качестве сторожевого пса, слуги, который вместе с Хабалом служил часовым для защиты от тревог. Если индеец любил своего хозяина, то хозяйке он отдавал идолопоклонство, и не было ничего, чего бы он не сделал для ее счастья. В погоне, которую она любила, он научил ее искусству охоты в джунглях, когда рука следопыта - брат его глаза, а глаз должен потеть от постоянного движения туда-сюда. Он научил ее пользоваться луком не так, как сирийские лучники, которые прицеливаются вдоль древка, а стрелять от бедра, не отрывая взгляда от цели, и тем самым обеспечивать быстроту, идущую по пятам за мыслью. Кроме всего прочего, он обучил ее владению копьем с тяжелым наконечником, на который можно насадить тело набросившегося зверя; и за свое терпение Хузим нашел повод благодарить богов.

В одно прекрасное утро они отправились в путь по холмам, индеец и Семирамида, а Хабал радостно вынюхивал любую пакость, которую ему удавалось найти. Долго они охотились, но

безрезультатно, пока вдруг в середине дня собака не подняла яростный лай в глубоком овраге. Семирамида, случайно оказавшаяся в горловине долины, пока Хузим охотился далеко наверху, первой подошла к тому месту, откуда доносился яростный лай дичи. Сначала ничего не было видно, только Хабал плясал в ярости, губы его были откинuty назад, густая шерсть щетинилась; но вскоре сквозь спутанную завесу из колючек и лозы она увидела льва, сидящего на теле козла, из пасти которого капала кровь его жертвы. Это был могучий зверь, недовольный тем, что его потревожили, и теперь, при виде Семирамиды, он зарычал от ярости и бросился на своих врагов.

Когда лев прыгнул, сердце Хузима словно замерло от страха. С воплем страдания он бросился вниз по крутому склону, не обращая внимания на камни и шипы, которые рвали его плоть, когда он прокладывал себе путь сквозь переплетенные кустарники. Он увидел, как его хозяйка приседает и упирает в землю приклад охотничьего копья. Он видел, как хвостатое тело пронеслось по воздуху, чтобы приземлиться на острие копья, которое под действием собственного веса зверя глубоко вонзилось ему в шею; затем чудовище пронеслось над головой женщины и с рычанием упало среди камней. Охотница изо всех сил вцепилась в рукоять своего оружия, пытаясь удержать добычу на спине, а осторожный Хабал, с тем избытком шума, который иногда покрывает недостаток смелости, злобно огрызался на кисть львиного хвоста.

Задышавшись от усилий, индеец помчался к месту происшествия, на ходу выбивая стрелу, но Семирамида не желала его слушать.

"Стой, Хузим!" - кричала она. "Под страхом жизни не смей пускать стрелу! Убийство - мое!"

Хузим не опустил руки, хотя ему было неприятно смотреть, как его госпожа, схватившись за копье, кувыркается, словно тряпка на ветру; но в конце концов лев перестал бороться, со вздохом протягивая свои великолепные конечности навстречу смерти.

Тогда Хузим, этот испытанный охотник, на счету которого немало схваток, более страшных, чем эта, совершил поступок, полный необычности для мужчины. Дрожа, он бросился на землю, чтобы прижаться к ногам Семирамиды, поцеловать их и заплакать, как плачет ребенок; но его госпожа рассмеялась и погладила Хузима по голове, как она обычно ласкала Хабала в знак любви.

Они отправились домой через холмы, Семирамида гордилась шкурой, которую носил Хузим, а Хабал шествовал перед ними с видом человека, который совершил этот подвиг в одиночку, и его ничуть не волновало, что весь мир узнает и изумится из-за необыкновенной собаки.

Так продолжались охоты, ибо Менон теперь был занят устранением возникавших со всех сторон неприятностей, но часто в часы досуга он присоединялся к спорту, а это Семирамида любила больше всего.

Тогда курды подняли яростный мятеж, и правителю пришлось надолго оставить жену, хотя она пролила немало горьких слез, когда он не позволил ей уехать. Она безумно хотела попробовать войну, безумно, как тогда, когда поцелуями уговаривала его на ступенях храма в Аскалоне; но Менон закрывал уши и от мольбы, и от тонких доводов. Так и вышло: она потупила глаза и смотрела, как он уходит один.

Курды были дикой и доблестной расой горцев, живущих среди скал, смельчаков, которые переставали жадать битвы только тогда, когда стервятники подкарауливали их туши; и Менон со своим войском отправился в путь и трудился ради этой цели. Он преследовал их через песчаные пустоши, через ущелья, по которым неслись потоки воды и громыали чудовищные камни; но через некоторое время он заманил их в центр равнины и попытался дать им еще раз попробовать бич Ассирии. Он укрыл за холмом сильный резерв, а затем, казалось бы, в беспорядке двинулся на врага, в то время как курды смотрели на него и радовались из-за большего числа своих воинов.

Курды не стали ждать нападения врага, а с воплями на своем варварском языке ринулись вниз по склону, чтобы настичь его в ложбине между холмами.

В общем, дело Ассирии казалось дурным, но по мановению руки беспорядок полностью исчез. Словно по волшебству, воины выстроились в тесную шеренгу в форме полумесяца: спереди - линия ошестинившихся копий, спереди - длинные рога коней, а сзади и с обоих флангов - тучи лучников, поджидающих свою добычу.

В тишине, предшествующей буре, с холма скатился всадник, свалился со своего измученного коня и упал к ногам Менона.

"Хузим!" - вздохнул губернатор, охваченный безымянным ужасом. "Что теперь?"

"Прости, мой господин, - умолял индеец, стоя на коленях, - и убей меня, если хочешь. Госпожа Шаммурамат ушла!"

"Ушла?" - вскричал Менон, побелев губами. "Во имя Белита, куда?"

"Нет, повелитель, я не знаю", - дико запротестовал Хузим, охваченный горем. "Ночью она ускользнула незаметно. Утром Хабал, Скимитар и она исчезли. Я выследил их, повелитель, и теперь..."

Его речь потонула в нахлынувшем вое курдов: первая шеренга разбилась, как волна о скалы, вторая - смялась, истекая кровью, отброшенная назад в груды убитых, третья - на мгновение оскалилась, опустив копыта, а затем умерла, как умерли их братья. Их становилось все больше и больше - нескончаемый поток безумцев, обезумевших от ярости, каждому из которых была безразлична жизнь, лишь бы он утащил за собой врага. Они рубили неуклюжими мечами наконечники копий и пробивались сквозь ноги нападающих, пока полумесяц не заколебался и не стал похож на разгром. И все равно они наступали, как волны из моря, наносили удары, падали, откатывались назад, поднимались и снова наносили удары.

Губернатор слишком легкомысленно отнесся к нраву своих врагов и теперь раскаивался в том, что опрометчиво дал им преимущество. Он искал своих всадников за холмом, но Кедах, их капитан, был не из тех, кто бросается в атаку без приказа своего вождя, и душа Менона тревожилась за судьбу своей армии.

"Резерв!" - прорычал он на ухо курьеру. "Скачите на крыльях ада! Смотрите! Милостью всех богов они идут!"

Так оно и было. Туча всадников пронеслась по хребту в виде сплошного клина, острие которого целилось во фланг врага. Впереди, в трех шагах, низко припав к земле, неся барбарийский конь, а на его спине сидела дикоглазая боевая кобылка без шлема, рыжие волосы развевались сзади. В руке она размахивала охотничьим копьём и призывала своих людей высоким, пронзительным криком, который возвышался над грохотом битвы, и люди наступали, как злые духи. Они устремились вниз, поражая курдов ударом грома, прокладывая неровный путь сквозь кипящую массу, а затем поворачивали и снова устремлялись назад.

И вот сердца курдов замирают, и начинается беспорядочное бегство; но не успели они скрыться, как всадники снова прорвались через их фланг, обогнули и зашли им в тыл. Полумесяц выпрямился, снова выстроился в линию и потянулся, чтобы отрезать курдам путь к отступлению; но Менон, выкрикивая слова, хриплые и странные, бросил мудрость на семь ветров и бросился в атаку.

Страшные разрушения могли обрушиться на врага, но пока он видел эту пылающую голову, качающуюся на прибое обезумевших от крови воинов, он не знал других мыслей, кроме одной - добраться до Семирамиды и стать ее щитом. С Хузимом за спиной он пробился сквозь клубок несущихся коней и людей, но в конце концов остановился, чтобы тщетно биться о человеческую стену, которую он не мог пробить.

Так случилось, что курды оказались между двумя сомкнутыми челюстями, которые зажали их, как в тисках; но еще целая треть вырвалась справа и слева, чтобы скрыться среди далеких скал, куда никто, кроме змей, не мог последовать.

Наконец битва была закончена. Там, где грохот и рев резни разносился по холмам, воцарилась тишина. Ассирийские пехотинцы выстроились в три шеренги, а Менон вызвал своих всадников, которые понеслись галопом, нанизывая на острия свои коней. Наконец они появились, Семирамида впереди, а за ней скакал душевнобольной всадник с опущенным на грудь подбородком. Его звали Кедах - капитан, под чьим командованием был вверен резерв, и тот, кто вступил в бой без слова своего вождя. В молчании он сошел с седла, достал веревку, которую обвязал вокруг шеи, а конец передал в руку Менона.

Правитель мрачно нахмурился, и в его глазах вспыхнул гнев: не из-за того, что офицер без приказа бросился в атаку, а из-за того, что этот недоучка посмел привести Семирамиду в бушующую, забрызганную кровью лужу смерти.

"Говори, Кедах, правду! Будь краток!"

"Мой господин, - отвечал тот, думая, что вот-вот умрет, - мои уста говорят правду, ибо Белит наблюдает за мной. Я сидел за холмом и ждал, когда мне скажут ехать. Я слышал, как зашумела битва, и хотя мне очень хотелось броситься на собак, я сдерживал свою волю". Преступник сделал паузу, оглянулся на Семирамиду, улыбнулся и заговорил снова: "Внезапно, мой повелитель, эта богиня спустилась к нам с облаков, ибо, клянусь, я не видел ее, пока она не схватила меня за руку и не прокляла на ухо. "Глупец! - кричала она, - зачем бездельничать здесь, когда великий повелитель Менон потеет в труде. К ним, свиньи, или, клянусь живыми богами, я пойду одна!"

Кедах сделал паузу, пожал плечами и развел руки ладонями вверх.

"Мой господин, я пришел. Я не знаю, зачем я пришел, но я пришел".

Снова наступило молчание. Разгневанный правитель перевел взгляд с Кедаха на Семирамиду. Она сидела на своем коне во всем блеске дорогой ему красоты; щеки ее покраснелись, глаза горели боевым огнем, рыжие локоны ниспадали на грудь, ибо одеяние ее было изорвано и разорвано. Губы Менона не шевелились; тогда Кедах поднял голову, нервно теребя пальцами петлю.

"Мой господин, я не вижу в поле зрения никакого дерева, но, возможно, дальше..."

Он остановился, потому что Семирамида разразилась звонким смехом и спрыгнула со спины Скимитара, чтобы подойти к вождю, не испытывая ни страха, ни стыда.

"Мой господин, - сказала она и указала своим охотничьим копьем, - если этого крепкого воина действительно нужно повесить, то сначала повесь Шаммурамата". Она сорвала петлю с шеи Кедаха и накинула ее на свою. "Слушай, о принц справедливости, - громко вскричала она, - этот парень лежит в горле! Да, даже если бы ты избавил меня от своего упрека! Это я ослушалась, а не он, ибо я сказала ему, что пришла по твоему приказу".

Госпожа ничего такого не говорила, и, действительно, все было так, как сказал Кедах; но эта сладкая ложь очень обрадовала сердца всадников, и улыбка пробежала по рядам. Вскоре

Семирамида заговорила снова, смиренно, печально, крепко сжав руки, как приговоренная к смерти рабыня:

"Мой господин, я не вижу вдали дерева, но, может быть, дальше..."

И тут по всем рядам прокатился рев смеха, который так и рвался наружу, так и жаждал, чтобы эти люди вырвались из своих стройных рядов, подняли королеву войны и понесли ее на своих запряженных спинах, чтобы громко прокричать ей хвалу.

И Менон перестал хмуриться, ибо как мог он сдержать свой гнев на покорительницу врагов и друзей? Разве не она спасла его армию и саму его жизнь? Что же теперь! И он прижал ее к сердцу, хотя сердце его было печально. Пройдет немного времени, и по миру разнесется весть об этой царице-воительнице, ставшей его женой, и от любви душа его потемнеет и испугается.

Во время похода на родину Семирамида пыталась разными хитростями прогнать его уныние, но он все вздыхал и качал головой.

"Ах, любовь моя, - пробормотал он, - теперь мы вырвали звено из нашей цепи счастья, ибо когда мой господин узнает об этом..."

"Пуф!" - рассмеялась она. "И даже если царь Нинус прижмет меня к своей стене, я все равно буду греметь по этому склону и хоть раз отведаю вина войны. Улыбнись, Менон моя!"

И Менон улыбнулся - так она велела ему улыбнуться.

ГЛАВА X

ОТМЕНА НАЛОГА

Армия быстрым маршем вернулась в Азапу, ибо местность остро нуждалась в кулаке правителя. В его отсутствие народ, набравшись смелости, забросал камнями его представителей, убив многих в своей ненависти к царю Ассирии. Поэтому Менон сразу же поскакал от племени к племени, советуя терпеть, пока не будет отстроена Ниневия, когда на земле снова воцарятся мир и изобилие. Там, где мудрость и хитрость не могли умиротворить, Менон применял силу, подобно тому как Нинус держал под ударом рычащие полчища Египта. Царь был раздосадован сообщениями из Карнака о том, что дети Нила изнывают под их игом, поэтому он отправил быстрых гонцов, заявив, что в тот день, когда Египет обратится к оружию, он распнет их принца Меметиса на стенах Ниневии. И Египет перестал рычать.

Во всех своих делах с племенами Сирии Менон вскоре убедился, что остроумие Семирамиды острее, чем его собственное. Когда нити его политики закручивались в узлы, она накладывала пальцы на скрытые концы, ловко дергала, и моток снова становился свободным. Так, все больше и больше, правитель опирался на плечо совета своей жены, пока не наступил момент, когда, пораженный лихорадкой, он передал управление Сирией в ее руки.

Нежно Семирамида выхаживала своего повелителя в течение всей жизни летней луны, но ни разу не сомкнула глаз на бедах за пределами своего дома. Оттуда она посылала своих агентов с маслом на языке или договаривалась с Кедахом, в чьем подчинении находилась ассирийская армия, ибо Кедах любил ее такой же любовью, как и Хабал, хотя и редко огрызался на взмах львиного хвоста. В своей лучшей комнате она принимала вождей всех племен, которые приходили с жалобами или за большими и малыми милостями. Каждого она вдумчиво выслушивала, изучая его лицо на предмет изъянов под кожей, а затем поступала с человеком в

соответствии с его недостатками. С дерзкими она была смелой, с робкими - мягкой, с угрюмыми - успокаивала их и делала их снова цельными. Над тщеславным она улыбалась, не считаясь с его душой, а с веселым смеялась, а перед мудрым была трезва. Так каждый приходил и уходил, радуясь уходу из-за своего возвышенного понимания, но не зная, что колыхание смертной плоти для Семирамиды было искусством из искусств.

"Сок лести, - говорила она, - должен быть смешан с хлебом, а не с медовыми пряниками, ибо излишняя сладость приторна и тщетна".

Случилось так, что среди жителей Азапах нашли те, кто голодал и на хлебе лести, и на том малом, что оставляли им подати; они собрались в тайном месте и задумали уничтожить дом губернатора огнем, а тех, кто спал в нем, не выпускать живыми. Когда войско было совсем рядом, они не смели двинуться с места; когда же Кедах отвел свои силы, чтобы обрушиться на некий отряд недовольных, заговорщики перебили оставшихся за спиной стражников, перебили их, а затем пришли, чтобы довести свои злодеяния до конца.

В полночь Семирамида присела у ложа Менона, хотя лихорадка уже прошла и тело его шло на поправку, но ей доставляло радость быть его матерью и наблюдать за ним, пока он спал. Хабал лежал, зевая, у ее ног, но вдруг на его спине поднялась щетина, а в горле задрожало хриплое бормотание.

"Спокойно, Хабаль, спокойно!" - призывала его хозяйка, опасаясь, как бы рычание не потревожило ее господина; но пес не успокаивался. Присев у крепкой двери, он снова зарычал, и Семирамида, прекрасно зная, что Хабаль чует неладное в воздухе, позвала Хазима и поднялась на крышу.

Слева она увидела пылающие шатры своей стражи, а сквозь ночь к ней приближалась толпа людей, их уродливые лица горели в отблесках множества факелов. Это была отвратительная команда - отбросы и злодеи равнин, полуодетые и вооруженные шестами и камнями. При виде их сердце Семирамиды похолодело - не от тревоги за себя, а за того, кто спал внизу, - и, спрятавшись вместе с Хузимом за парапетом, она ждала, напряженно размышляя.

Надвигалась толпа, целых двадцать человек, которые, если бы захотели, могли в мгновение ока одолеть слабую силу губернатора, выбить двери и потащить заключенных на бойню. Но не успели они зажечь факел на стенах, как с парапета прыгнула женщина, улыбнулась им и подняла руки в радостном удивлении, как будто они несли ей драгоценные свадебные подарки.

"Приветствую вас!" - воскликнула она. "Что вы ищете в Шаммурамате?"

Печень убийцы - двоюродная сестра его хитрого ума, а эти пришедшие были убийцами. Наверняка, если бы они добрались до дома тайком, то сожгли бы его дотла, не пощадив ни правителя, ни его жену. Но когда это видение предстало на крыше дома, не как тот, кто умоляет о жизни, а как хозяин, знающий их как скот, которым они были, заговорщики дрогнули и остановились. Наступила тишина, и на мгновение ни у кого не нашлось языка.

"Что вы ищете в Шаммурамате?"

"Губернатора!" - крикнул кто-то из толпы. "Губернатора! Отдайте его в наши руки!"

"А!" - сказала женщина на крыше, приятно кивнув. "Ах, я вижу! Я бы с радостью вышла к вам, но моего господина нет дома". Она подняла руку, чтобы пресечь ропот несогласия, и улыбнулась. "Если друзья хотят поговорить с ним, прошу их подождать немного, ибо уже сейчас он возвращается со своими воинами. Слушайте!" Она заложила руку за ухо и посмотрела на север,

где на рассвете должен был появиться Кедах со своим отрядом. "Прислушайтесь к топоту его конницы и стуку копыт по равнине. Терпение, добрые друзья, он идет!"

Они слушали, обманутые на мгновение ее словами, но лишь кваканье лягушек и жужжание насекомых доносились с ветерком; затем бормотание трусов переросло в яростный рев. В дом полетели камни, один из них попал ей в висок, отчего она оступилась и упала на край крыши, а по ее щеке потекла струйка крови. Хузим заметил того, кто бросил этот камень, и, ругаясь, наложил стрелу на лук; но хозяйка остановила его.

"Опустись, Хузим! Я еще могу с ними разобраться. Не будь дураком!"

Она снова повернулась к хмурым мужчинам, которые остановили свой порыв, увидев рану того, на ком их месть не лежала так сильно; но теперь они висели на волоске, и вес волоска мог опрокинуть балку.

"Возможно, - громко позвала она, - у вас есть обида, справедливая, и я могу ее быстро исправить. Что же вы хотите от меня? Я всегда выполняла свои обещания, даже если это приносило мне раны, как сейчас я ранена от ваших рук. Говорите! Если в моей власти дать..."

Ее прервал целый лепет несогласных возгласов на языке каждого, кто стремился возвыситься над остальными, чтобы выплеснуть отдельное горе; Семирамида улыбнулась про себя, хотя и смотрела на них с мрачным недовольством царицы.

"Молчите, собаки!" - приказала она свирепо. "Что! Вы хотите разорвать мои уши воплями вашей своры? Смирись!"

Они устали на нее. Она заставила их изумляться, и так будет и дальше, чтобы праздные мысли не породили беду, пока она не подрезала им крылья.

"Пусть один выйдет вперед!" - позвала она. "Ваш вождь. Что! Неужели во всей этой доблестной толпе нет ни одного мужчины?" Она сделала паузу, чтобы поднять глаза и руки. "Дорогая Иштар, пожалей их!"

Поднялся мощный ропот, каждый подталкивал своего товарища, побуждая его говорить за всех, пока, наконец, вперед не протиснулся чернобровый злодей с волосатой грудью - тот самый, что бросил камень; пальцы Хузима сжались на его луке, и он сдавленно заскулил.

Вождь заговорил. Он обвинил губернатора, который, по его словам, давил на людей, пока их дети не стали громко кричать, требуя еды. Он лгал, но лгал с некоторой долей искренности, и, когда он отмечал каждый пункт, толпа аплодировала ему, в то время как их ярость готова была разгореться с новой силой. Он рассказывал, как его народ пошатывался под бременем несправедливых налогов, как Нинус построил ему дворцы, где он расточал богатства в диком разврате. Его народ, по его словам, с радостью подчинялся царю и платил ему дань по закону; но когда он попытался уморить их голодом по праву силы, Сирия обнажила зубы. Они просили справедливости - не более - и получали плеть.

"Стой!" вскричала Семирамида, видя, что толпа в бешенстве подталкивается к опасной черте. "Если ваши сердца пылают против одного лишь царя, зачем же вы пытаетесь причинить вред моему господину, который стоит между гневом Нинуса и вашими никчемными тушами?"

Это была безрассудная речь, и она прекрасно понимала, что приложила руку к открытой ране.

"Почему?" - прогремел вождь. "Почему? Потому что мы поразим хозяина через человека! В Сирии не будет больше правителя, кроме правителя мертвого!" Среди хриплых криков он снова

возвысил свой голос: "Если Менон хочет вырвать хлеб из уст женщин, пусть Менон выйдет один, чтобы считаться со своими сыновьями, своими братьями и теми, кто любит их, как они любят свою землю".

Поднялась суматоха. Свет факелов мерцал на море вздернутых лиц, черных от гнева, искаженных страстями свирепых людей, созревших для кровавого деяния. Они собрались для поединка; огромные камни были подняты ввысь, а пылающие камни крутились в нетерпеливых кулаках.

Но у Семирамиды в колчане еще оставалось одно древко, и, закрепив его на струне ремесла, она пустила его в полет. Вскинув руки к небу, она рассмеялась - пронзительный, насмешливый вопль, который эхом разнесся далеко за пределы отряда и на мгновение остановил его натиск; затем с крыши дома она презрительно указала пальцем на чернобрового вождя.

"Ты дитя!" - крикнула она. "Ты грудной младенец! Глупец! Для которого ослы в пустыне - как оракулы! Что! Неужели ты не слышал?" Она сделала паузу, чтобы дать слушателям возможность перевести дух, а затем во все зубы разразилась мастерской ложью.

"Слушайте!" - вскричала она, - "и преклоните колени в знак благодарности. *Царь Нинус снял налог с Сирии, и никто не должен платить!*"

В толпе воцарилась тишина, и в наступившей тишине Семирамида услышала шорох рядом с собой. Повернувшись, она посмотрела в огромные от страха глаза Менона, казавшиеся еще больше на фоне бледности его исхудавшего лица. Услышав шум, он поднялся с дивана и, дрожа от слабости, пополз к крыше дома.

"*Белит!*" - прохрипел он в ужасе. "Что за безумие ты творишь?"

"Нет, подожди!" - прошептала она. "Хузим, держи своего господина, чтобы эти безумцы не увидели его". Затем она повернулась к команде внизу. "О!" - насмехалась она. "Я вижу, что вы полны стыда; но послушайте, чем все закончится. По мольбам моего господина правителя царь Нинус внял вашему ропоту и даровал Сирии то, что не даровал ни одной другой стране. Он не только снимает с вас бремя налогов, но и повелевает, чтобы никто не платил сумму, которую он платит не по своему желанию; таким образом царь измеряет щедрость не силой, а любовью. Кроме того, он предлагает высокую награду в виде приза. Тому племени, которое поможет его нуждам наибольшим запасом, Нинус поставит выше всех других племен в богатстве и могуществе и примет его вождей в качестве своих почетных гостей в Ниневии". Ораторша снова сделала паузу, пока смысл ее слов не дошел до удивленных ушей. "Что же теперь, - спросила она, - король - тиран, а ваш губернатор - зверь, которого нужно убить?"

На мгновение в глазах изумленных людей воцарилось молчание, а затем они разразились мощным ревом, криками, скрежетом факелов, плачем, ликованием за Менона и короля. Однако Семирамида еще не закончила с ними. Она подняла руку, призывая их к молчанию, указала на дымящиеся руины лагеря и произнесла самым суровым тоном:

"То, что вы совершили этой ночью, мой повелитель прощает вам из-за вашего глупого невежества. Но будьте осторожны, ибо каждое злое лицо из вашей стаи запечатлено в моей памяти. Один раз, а не два, губернатор может простить, и в Сирии есть веревка для каждой шеи обидчика. А теперь идите! И благодарите богов за ту малость мудрости, которой вы научились".

Убийцы разошлись и, молча, разбрелись по домам, а жрица коварства, затаившаяся на крыше дома, смотрела им вслед и смеялась.

"Менон мой, - пробормотала она, с ликованием разглаживая подушки на его кушетке, - клянусь Иштар, это был более острый спорт, чем бросок против курдов!"

* * * * *

Менон и Семирамида размышляли вместе, долго и серьезно; ведь теперь, когда сирийцы узнают, как их обманули, пепел убийства снова вспыхнет ярким пламенем. Менон был за то, чтобы повесить каждого, кто пытался сжечь его дом, но Семирамида сказала "нет".

"Мы посеяли семя хитростью; хитростью мы будем возвращать его и есть плоды".

Так было сделано, что хитрое воззвание было разослано по всей земле, и простые народы радовались и пели хвалебные песни из-за снятия податей. Более того, многочисленные племена стали соперничать друг с другом за приз, который Семирамида предложила от имени Нинуса, пока в Азапу не принесли такие запасы металлов и продовольствия, что Менон собрал урожай, превосходящий все его мечты. Там, где племена обычно раздавали свою дань, сжав кулаки, теперь они приходили быстро и без приглашения, с сокровищами на спинах - ведь люди не смотрят, куда падают их шаги, когда гонятся за болотными мухами к цели жадности и власти.

И вот в Ниневию пришли огромные запасы зерна и вина, длинные вереницы овец и крупного рогатого скота, ослы, козы и водяные буйволы. Приходили и металлы: серебро, золото и медь; фрукты, мед в глиняных кувшинах. Все, чем владела сухая Сирия, Сирия посылала, пока Нинус, увидев этот поток богатств, хлынувший через его ворота, не сел на свой табурет внезапно и тяжело, в тисках глубокого изумления.

"Великий повелитель Асхур, - пробормотал он в бороду, - никогда еще мои глаза не смотрели на подобное! В мыслях я жестоко обидел моего Менона, ибо на самом деле он любит меня любовью, редкой среди сынов человеческих".

ГЛАВА XI

САНДАЛ И СОЛОМИНКИ

И вот настал день, когда Ниневия наконец стала Ниневией, и Нинус стоял на крыше своего дворца и радовался восточному опалу. У его ног лежал огромный коричневый город - город, построенный его сердцем, каждый кирпич которого был памятником другим сердцам, разбившимся при возведении храмов богам Ассирии. На улицах стоял оживленный торговый гул, где были открыты лавки и киоски для продажи тысячи товаров, где горожане в парадных одеждах входили и выходили из незнакомых дверей, где танцевали отряды детей в венках из цветов или проходили жрецы в белых одеждах, распевая свои глубокие песни и неся грузы в жертву к храму Нинеба и вверх по его извилистому зиккурату.

От ступеней дворца к западным воротам вела широкая гладкая дорога, вдоль которой стояли каменные чучела, огромные крылатые быки и львы, склонившиеся перед источником. Вокруг нее высилась мощная стена, вершина которой была такой ширины, что по ней могли проехать три колесницы, а выше возвышались тысяча и полторы тысячи башен.

Войско по-прежнему охватывало Ниневию со всех сторон, но царь не был расположен к войне. Он посмотрел на свою работу и вздохнул спокойно, а затем вытянул свои могучие конечности и приготовился к охоте на льва. Три долгих года его сердце жаждало охоты на льва, с тоской, которая знакома только охотникам; но из-за обета лук и копье оставались нетронутыми рукой монарха.

Посоветовавшись со своими оракулами, а также с пророком Азетом, чьи искусства предсказывали великие чудеса его оружию, царь назначил другого губернатора в Сирии и велел Менону присоединиться к нему на берегах нижнего Евфрата. Там, где Нинус в былые времена познал редкие удовольствия от погони, можно было в изобилии найти дичь, поэтому, улыбаясь, он отправился в путь.

Когда посланцы прибыли в Азапу, Менон покорился воле повелителя и с тяжелым сердцем удалился, отправив сначала Семирамиду с Хузимом в Аскалон, чтобы они пожили там немного, пока случай не приведет его снова в Сирию. Он достиг берегов Евфрата и ждал царского охотника до захода луны; но Нинус не пришел из-за медлительности своего пути к этому месту.

Царь, много сидевший в своей башне, пока строилась Ниневия, отложил много жира на костях, и утомительное путешествие раздражало его; к тому же на охоте его дыхание было короче, чем раньше, а лапы менее крепки. Однако разум часто может питать рвение, не подвластное телу, и царь Нинус накликал на себя беду - но беда была еще впереди.

* * * * *

Семирамида, расставаясь со своим повелителем, плакала горькими слезами; но и она склонилась там, где мудрость не оставляла лазейки для бегства, и вместе с Хузимом и Хабалом отправилась в Аскалон. И здесь ее горе получило новый удар, более острый, более глубокий, более печальный, чем расставание с тем, кто придет снова; в доме Симмаса лежал старик и спал - женская сандалия прижималась к его бороде.

Похоронили Симмаса далеко на склоне холма, где в давние времена стая голубей кормила младенца. Теперь малышка была уже женщиной, нежно любила своего приемного отца и превыше всего на свете, кроме одного лишь господина, и много дней плакала у могилы.

"Голубь он был, - шептала она своему одинокому сердцу, - такой ласковый, такой нежный в своих служениях - голубь, который взмахнул крыльями и покинул меня, только из-за тоскливого крика Иштар".

За два долгих года отсутствия Семирамида не раз мечтала об Аскалоне, желая вновь побродить по его холмам или искупаться в прохладном зеленом озере; но теперь все это казалось ей странно бедным и маленьким. Берега озера сжались за ночь; холмы были не такими высокими, как в былые времена, а деревья не такими зелеными; свод самого неба, казалось, давил на нее, чтобы задушить, а запах самой земли был не таким, как прежде. Ах, если бы она была похожа на Хабала, который не замечал изменений в движении времени; но Хабал был всего лишь собакой!

А вот в отношении этого пса хозяйка ошиблась, и очень сильно. Он заметил не только перемены в Аскалоне, но и большие перемены в самом себе. Он носился по деревне с высоко поднятым хвостом, как человек, совершивший большие дела за границей, пропуская старых друзей, не обнюхивая и не вилая, но презрительно поглядывая на чужаков. На них он обрушивался при малейшей провокации и оставлял память о себе на их шкурах; так что его имя стало диковинкой для других собак.

Семирамида не была похожа на Хабала и не хвасталась своими подвигами за границей, но все же память о них манила, и душа ее была полна великого беспокойства. Дома она бездействовала, печалась о том, что все так изменилось, бродила по дому, опустевшему из-за бегства тех, кого она любила. Старые друзья приходили - охочие пастухи, глядя на ее красоту глазами скота, бродящего по холмам, - задерживались, а потом ускользали, чтобы скрыть страсть в своих сердцах.

"Домой! Дом!" - вскричала она. "Нет больше дома, ибо голубь улетел, и мой господин не рядом со мной во мраке!"

Сквозь тишину ночи доносился шепот ветра - неумолимые призраки, пришедшие из внешнего мира, чтобы насмехаться над нами своими вздохами; приносить на своих одеждах запахи былых дней и надежды на грядущие; преследовать нас, пока мы не прислушаемся к их ропоту и не узнаем покоя.

Они зывали к Семирамиде, эти шепоты, во имя любви, когда Менон, казалось, простирал руки в одиночестве. Они зывали к Семирамиде через разрозненную толпу курдов, которые кричали и бились под копытами и каблуками; они зывали на языках безумцев, крутивших факелы по кругу, их злобные лица желтели в пламени и дыму. Они призывали ее к подвигам, к труду, к власти. О, Иштар, если бы она могла поехать под кнутом и шпорами в Ниневию и померяться силами с царем! Играть в жаждущую игру, где жизнь - ставка, а опасность - один бросок! Ах, если бы она могла скользить, как эти призраки скользят в ночи, далеко за грань одиночества, к кипящему полю битвы сердец и людей!

Несколько дней она блуждала, молчаливая, жаждущая уйти, а верный Хузим следил за каждым ее шагом. Хозяин велел ему зорко следить за своей подопечной, чтобы дух не возобладал над разумом и не склонил ее к безрассудству. Хузиму было неприятно быть тюремщиком любимой, но воля хозяина была законом, и индеец неотступно следовал по ее следу.

Не знала Семирамида ни покоя, ни отдыха, и наконец пришла она в храм Дагона у озера, чтобы возложить свои печали на колени бога-рыбы и попросить знамения.

Весь день и всю ночь она молилась, но когда с востока забрезжил рассвет, лицо Дагона было как каменное. Подательница сидела на ступенях храма, изможденная, борясь с отчаянием. Тоскливыми глазами она смотрела на жука, ползающего у ее ног, и вдруг в ней проснулась и ожила надежда. Она зажала жука между большим и безымянным пальцами, держа его над поверхностью озера и сомкнув зубы, как азартный игрок, когда он бросает в водоворот последнюю оставшуюся монету.

"Теперь это, - пробормотала она про себя, - расскажет мне о воле Дагона. Если жук поплывет, я уйду! Если он утонет, я сгнию в Аскалоне!"

Она бросила его в воду, улыбаясь, так как прекрасно знала, что жук должен плавать, но при этом отвернулась, чтобы Дагон не отметил ее осведомленность в таких вещах. Какое-то мгновение жертва приятно билась ногами и крыльями, а улыбка Семирамиды ширилась, чтобы померкнуть, угаснуть, умереть. Чудовищный карп стремительно взмыл вверх. Один щелчок - и соблазнительное лакомство исчезло, явив собой ясный приговор рыбьего бога за подолом мантии Искупления.

Семирамида сидела на ступенях храма, положив подбородок на руки, и смотрела на колесо ряби, расширяющееся от центра стремительного бедствия. Она долго размышляла, ее мысли были подобны кошкам на деревьях, а Хабал яростно лаял внизу.

"Он утонул, - вздохнула она. "Он точно утонул. Иначе и быть не может. И все же" - она сделала паузу, чтобы бросить взгляд на лицо Дагона, - "и все же этот глупец проплыл *еще немного*. Может быть..." Она снова сделала паузу, затем раскинула руки и призывно подняла глаза. "По правде говоря, мой жук ничего не доказывает. На какое-то время он поплыл. На какое-то время он утонул. Дагон, Дагон, что ты хочешь этим сказать?"

Ответа не последовало. Она снова задумалась, и на ее светлых бровях проступили морщины глубокого недоумения; но вскоре на ее щеках вновь заиграл прежний цвет, а огромные глаза загорелись огнем понимания.

"Ах!" - вздохнула она. "Ах, теперь я вижу. Ты хочешь сказать, о мудрый и лучезарный, что, *тонет я или плаваю*, я должна сделать это. Что! - вскричала она, - разве ты сам не сказал этого? И вот! Я всего лишь слабая и глупая женщина в твоей власти. Ах, Дагон, Дагон, ты действительно коварный бог!"

Поспешно вышла Семирамида из дверей храма и, громко распевая, направилась к своему дому. Ее бог послал знак. Теперь она вольна путешествовать, как пожелает ее сердце. Свободна! И все же сомнение преследовало ее - бдительное, бессонное сомнение, которое преследовало ее, даже когда Хузим выскользнул на ее след из своего укрытия за камнем. На холме она остановилась, чтобы пробормотать про себя успокаивающим тоном:

"Знак ясен. Если я задержусь в Аскалоне, меня может постигнуть какое-нибудь зло, как того карпа, который поднялся, чтобы схватить моего жука в свою жадную пасть. Если бы Менон знал, он бы настоял, чтобы я без промедления летела к нему".

Она пошла своей дорогой и снова принялась за песню, но остановилась, чтобы поразмыслить с маленькой коричневой жабой, которая перепрыгнула через ее дорогу.

"Маленький зверек, - сказала она, - ты пришел как предостережение о какой-то ужасной случайности, которая, признаюсь, наполнила меня соком страха. Поэтому я поспешу покинуть Сирию вовремя".

Она осторожно обошла жабу и, напевая, пошла дальше, пока не достигла дома, где в давние времена жил старый голубь Симмас. У двери она задержалась, прежде чем поднять засов, чтобы привести последний довод в пользу сердечного желания.

"Дагон, - размышляла она, опечаленная этой мыслью, - и впрямь беспечный бог в том, что касается его знамений. Если бы Иштар прокляла меня простым умом, я, увы, могла бы ошибиться в толковании!"

Затем Семирамида уснула, чтобы видеть сны о Меноне до наступления ночи, и во сне она нашла более веские причины, которые положила на весы суда бога-рыбы.

"Хузим, - спросила она, когда индеец принес вечернюю трапезу, - если бы я попыталась бежать из Аскалона, как бы ты поступил?"

"Госпожа, - ответил он ей, - мне как стрела в сердце мысль о силе с тем, чье счастье превышает моих надежд на мир; но воля хозяина есть воля хозяина, и слуга должен повиноваться".

"Ах, - задумчиво кивнула она. "А, понимаю! Но если я случайно ускользну во мраке ночи, как это было в Азапахе, что тогда?"

Индеец бросил тревожный взгляд на пол и вздохнул.

"Я бы шел за тобой, госпожа, как и раньше, пока не упал бы от усталости".

"Тогда иди!" - сказала Семирамида, - "ибо я отправляюсь к моему господину в Ниневию, чтобы пощекотать соломинкой львиный нос".

ГЛАВА XII

ГОРЕСТИ ЦАРЯ

Царь Нинус, повелитель всей Ассирии, лежал, ругаясь, в своем царском ложе, а рабы и слуги несли его на север по берегу Евфрата. Вскоре они отклонились от курса, двинулись на восток, пока не достигли Тигра, и снова повернули на север, после чего, после долгих передышек и вынужденных маршей в ночной прохладе, пораженный царь был наконец положен на диван в Ниневии.

Множество тяжких забот обуревало монарха, и бледный лечащий пиявка тщетно пытался унять жар своего пациента, который усиливался бессонной, кипящей внутри яростью. Днем король метался, а ночью буйствовал в своих снах и не находил покоя.

Сначала была его рана - рваная, полузажившая рана, распоротая львиным когтем и тянувшаяся от точки под мышкой до бедра. Не сама рана и не боль от нее разожгли гнев охотника, а то, что он, Раман-Нирари, величайший охотник с тех пор, как появились звери и охотники, упустил свою жертву и искал свою жизнь в бегстве. Свидетелей было всего трое: Шидур-Кам, воин, которому царь мог доверить свой язык за зубами, и раб, который был в большей безопасности, так как Нинус бросил его тело в Евфрат; а еще была девушка, рыжеволосая девушка, которая сидела в ветвях цитронового дерева и смеялась, когда царь проносился под ним, как раненый лев, прыгающий на подпругу его коня.

В другое время монарх мог бы хранить в памяти это лицо и отголосок заливистого смеха; однако насмешки, направленные на королевскую особу в момент бегства, вызывают воспоминания совсем другого рода. Так что издевательский смех преследовал Нинуса весь день и заставлял его просыпаться по ночам и скрежетать зубами от ярости.

"Аргол, - сказал он верной пиявке рядом с собой, - прикажи, чтобы тысяча коней отправилась в район нашей охоты на львов. Прикажи им прочесать всю страну в окружности тридцати лиг и привести мне всех рыжеволосых девиц, которых им удастся найти. Клянусь пламенем Гибилы! Они мне очень нужны!"

Пиявка печально вздохнула, постучала в бронзовый гонг, затем молча подождала, пока вошел офицер, отдал честь и опустился на колени. Отдав приказ и уведя солдата, Аргол выпил сонное снадобье и снова сел на свой усталый пост.

Но король не спал, ибо на сердце его лежало еще одно дело. Некий человек по имени Азет, почтенный провидец, пророчествовал неправду. Перед охотой он вскрыл туши семи журавлей, найдя в внутренностях каждого предзнаменование успеха. Целых тридцать зверей, сказал Азет, должен добыть царь, вернувшись в Ниневию триумфатором и со здоровыми конечностями. Так не был ли этот пророк виноват в наступивших бедствиях? Зачем ему пророчествовать о злых целях или заставлять женщин-колдуний смеяться с ветвей цитроновых деревьев? Неужели добродетель нельзя было найти в жилах семи священных журавлей? Или этот святой человек был всего лишь чудовищем и глупцом?

Темные брови короля еще больше потемнели от тревожных мыслей, когда он в сотый раз в раздраженных тонах спросил свою пиявку:

"Аргол, добрый Аргол, скажи мне, молю тебя, человек, как, во имя Асшура, я могу научить этого негодяя исправлять свои предзнаменования?"

"Мой господин, - ответила пиявка, подняв опущенные веки и мечтательно глядя туда, где протекал Тигр, - мой господин, дыхание человека исходит из его груди, но в его горле формируются его злые пророчества".

"Что?" - спросил царь. "Что это за речь, и как она связана с Азетом и его семьей журавлями?"

"Повесь его, мой господин", - сонно произнес Аргол и отвернулся.

Медленная улыбка озарила черты лица короля, некоторое время он размышлял, разрывая свое покрывало; затем, позвав офицера, он слабым, но бодрым голосом отдал приказ, одновременно приказав перенести свою кушетку в тенистое место на крыше дворца. Здесь, рядом со своей измученной часами пиявкой, он мог спокойно лежать и любоваться великолепием завершенной Ниневии. Через террасы садов, где сверкали на солнце фонтаны, он мог видеть храмы Асшура и Иштар на холмах, а также храм бога огня Гибилы, над куполом которого низко висел венок дыма, вырывавшийся вверх из пламени под ним. Он видел свои улицы, свои торговые ряды, свои могучие ворота и туманные равнины за ними, где протекали Тигр и Хузур. Он видел свою стену - щит, о котором мечтало его сердце и который превращал его город в крепость против всего мира; но мысли Нинуса были заняты не стенами и щитами.

Он видел, как тысяча всадников миновала западные ворота и быстрым галопом понеслась вниз по берегу реки, а затем исчезла из Ниневии на много дней. Вождь был человеком, который не любил ничего, кроме своего меча и коня, - он давал короткую смену дьяволам с огненными волосами, и сердце царя радовалось.

Внезапно с нижних улиц поднялся шум, собралась толпа, и до крыши дворца донесся плач. Сквозь толпу пробился отряд солдат, ведя пророка Азета к стене и отбивая толпу прикладами своих тяжелых копий.

Западные ворота были перекинута через чудовищную арку, на плече которой возвышалась самая высокая башня из всех, и солдаты вели свою жертву по винтовой лестнице. Когда они наконец оказались на краю башни, вновь раздался мучительный вопль, а толпа людей, снующих туда-сюда, устремилась вверх.

"Воистину, - усмехнулся Нинус, наблюдая за ними, - у этого парня есть удивительные последователи, которые по своему невежеству скорбят о том, чего не могут понять".

С башни воины спустили деревянную балку, на конце которой повесили пророка в петле, и, согласно надписи над воротами, "Пророчества Азета прекратились по всей земле".

Затем Аргол перевязал рану своего господина целебной мазью, и страдалец сразу же заснул на много часов; когда он проснулся, лихорадка полностью прошла, и он поправился душой и телом. Он назначил другого пророка, некоего Накир-Киша, человека мудрого и наблюдательного, чьи обещания добра и зла были подобны воздушным змеям, нити которых он держал в руке, пока его глаз не уловил нрав всех небесных ветров. Так выдержал Накир-Киш.

Царь Нинус послал за Бобардолом, известным скульптором, тем самым, который вырезал знаменитого быка, имевшего в общей сложности пять ног. Поначалу эта дополнительная конечность могла показаться странной и противоречащей замыслу природы, но, несмотря на это, у нее были свои преимущества. Наблюдатель, глядя на этот шедевр, где бы он ни стоял, всегда мог увидеть четыре ноги; "А это, - сказал Бобардоль, - искусство". Нинус был доволен и оставил скульптора у себя на службе.

Царь заказал чудовищную *стелу*, на которой должна быть высечена сцена охоты на льва, причем монарх изображен не в диком отступлении, а лицом к лицу с могучим врагом, наводящим на него великое смятение. Правда, позы царя Ассирии и царя зверей были бы совершенно противоположными, но Нинус был богом, чья передняя часть была более внушительной, чем

задняя; более того, все было бы так, как изображено, если бы Азет не пророчествовал ложь. Должен ли царь быть виноват в том, что глупые слуги заблуждаются по незнанию? Нет!

Скульптор Бобардол принялся за работу, а Нинус приказал приготовить роскошный пир, на котором он мог бы отпраздновать свои победы в погоне. Его солдаты и народ должны были пройти строем по дворцовому залу и с благоговением взирать на эту обнаженную скрижаль, установленную во славу верховного владыки Асхура и во славу царя.

В ожидании этого произведения искусства и одновременно отдыхая, чтобы его рана могла затянуться, Нинус имел обыкновение откидываться в своем ложе, которое несли по верху городской стены. Здесь он мог по своему усмотрению наблюдать за происходящим или отдавать распоряжения по поводу другого предприятия, которое занимало его ум и сердце. Прошло уже три года с тех пор, как его воины повернули хвост от Зариаспы; приближалось время, когда Нинус должен был скрепить свои обещания сгрести пепел этого города в мешки и напитать им воды моря.

Армия, расположившаяся в стенах Ниневии и за ее пределами, была вдвое больше той, что потерпела неудачу при прежней осаде, и Нинус долго обдумывал планы второй войны. На равнине была возведена стена, по высоте и толщине равная стене Зариаспы, и здесь ассирийцы отработывали методы штурма. У них были большие повозки с платформами в двадцать локтей над колесами, которые приводили в движение рабы, спрятанные под ними, а над платформами поднимались лестницы, наклонявшиеся к стене. По ним стремительно взбирались вооруженные люди, чтобы схватиться с защитниками наверху; и так велико было их рвение в этой имитации войны, что из-за этого погибло много людей. Существовали высокие машины, работавшие на шарнирах, чьи качающиеся ковши могли поднять на парапет десяток человек; были башни, облицованные латунными пластинами, с гребней которых можно было перекинуть широкие мосты, пока воины переправлялись через них, чтобы сразиться с врагом. Были построены огромные катапульты новой конструкции и мощности, одни из которых метали одиночные камни, а другие обрушивали на батарею залп камней поменьше. Множество странных машин хитроумной работы было придумано и запасено на случай отъезда, когда король снова поведет свои армии на Восток.

В низинах и на склонах за рекой Хусур, что течет между курганами Коюнджик и Небби-Юнас, на пастбищах паслись мириады волов и тягловых животных. Они были заняты на строительстве Ниневии, а теперь отдыхали для дальнейших нужд, ибо их последние силы должны были быть использованы для перетаскивания военных ловушек через пустынные земли и томительные пути, по губчатым лесным дорогам к холмам за ними, по тяжелым горным склонам к ущельям между вершинами Гиндукуша. Затем они спускались на равнины Бактрии, чтобы стать, наконец, пищей для голодного войска; и таким образом скот служил многим целям.

Ждущая армия находилась под единоличным командованием Менона, чье сердце теперь было разделено на две любви. Подготовка к войне доставила бы ему огромную радость, если бы не его обет жениться на Созане, когда Зариаспа падет перед царем; а этого он не мог сделать из-за Семирамиды, о которой он мечтал, как о мирно покоящейся в долине Аскалона. Если бы Нинус рассказал ему что-нибудь о рыжеволосом существе, которое смеялось с ветвей цитронового дерева, сердце Менона, возможно, выдержало бы двойную нагрузку; но случившееся не было той шуткой, которой монарх рад побаловать своих вождей.

В один из дней Менона вызвали во дворец на совет с королем, и, проходя через сады, он неожиданно наткнулся на Созану, которая сидела в одиночестве. Она была прекрасна, с красотой детской девочки, но в своем зеленом сямаре и серебряной вуали, обвивавшей ее горло, Созана

была принцессой, от ее вороных волос до украшенных драгоценными камнями сандалий на ее маленьких ножках.

С момента возвращения из Сирии Менон не находил возможности поговорить с ней, и теперь он радостно вышел вперед, протягивая руки. При звуке шагов Созана поднялась со своего места, но, увидев его, издала крик разочарования и боли, покраснела и отвернулась, не ответив на его приветствие, а когда он попытался расспросить ее о таком обращении со старым другом, она опустила на скамью и разрыдалась, словно ее сердце должно было разорваться.

На мгновение Менон замер в нерешительности, но когда он снова начал говорить, на его плечо легла рука, и, повернувшись, он посмотрел в глаза египтянину Меметису - юноше, которого он любил, как мог бы любить сына своей матери, но который теперь холодно отказался от его приветствия, отбросив предложенную руку и убрав свою за спину.

"Как же так, - спросил Менон, - Меметис ведет себя со своими друзьями?"

"Нет, - ответил Меметис, нахмурившись, - настоящих друзей я приветствую с любовью и нежностью, а ложные пусть отдохнут у Хатор, прежде чем я возьму их руки".

Тут до Менона дошло, что Меметис и Созана знают о поручении царя и с горечью думают о том, кто встал между ними и их счастьем.

"Меметис, - спросил ассириец, - не к стенам ли Зариаспы обращены твои взоры, боясь, как бы друг не плутовал с твоим доверием, как это мог бы сделать предатель?"

Черные глаза египтянина сверкнули гневом, который он тщетно пытался сдержать, а пальцы его играли с рукоятью кинжала на поясе.

"Да, - с горечью ответил он, - на стены Зариаспы я обращаю свой взор, ибо с их падением рушатся все надежды, которыми Исида осыпала мое глупое сердце. А ты, - воскликнул он, - лживый! Вероломный! Кто вырвал бы Созану из моих рук, да, как ястреб набрасывается на гнездо голубей!"

Менон пытался говорить, но египтянин не слушал его слов. Ассириец встал перед Созаной, протягивая руку, но Меметис вскочил между ними, выхватил кинжал и низким, свирепым шепотом произнес в гнев:

"Только тронь пальцем эту служанку или произнеси еще раз ее имя, и, как жив Осирис, я лишу тебя жизни!"

Менон посмотрел в глаза любовника и медленно развел руки.

"Ударь!" - печально прошептал он. "Нанеси удар и узнай из других уст, а не из моих, что Меметис - дурак".

Он ждал, но египтянин не делал никаких движений из-за печали на лице того, кто был ему дорогим другом.

"И неужели ты думаешь, - спросил Менон, указывая на плачущую рядом с ним девочку, - что я добровольно навлеку горе на это дитя? Послушайте оба, а потом судите меня, когда узнаете правду".

Рука египтянина опустилась рядом с ним, и его клинок был брошен на землю.

"Говори, - взмолился он, - но, о друг мой, молю тебя, не показывай мне мираж надежды, который тает, когда жаждущий путник хочет напиться".

Тогда Менон сел между ними на скамью и рассказал о Семирамиде. Он поведал о хитрости, с помощью которой пытался одурманить царя, будучи твердо уверенным, что Зариаспа не падет; и все же, если случай покажет обратное, он улетит с женой в Аравию, где принц Боабдул предложит им безопасное убежище. Он рассказал о своей жизни в Сирии, об удивительной любви к той, кого он оставил; и по мере того как рассказ продолжался, Созана осушала слезы и держала руку рассказчика в обеих своих, ибо они с Меметисом знали, что Менон не обманул его доверия, и их сердца радовались возвращенной надежде.

"Прости", - умолял Меметис, когда его друг поднялся; Менон улыбнулся, наклонился и поцеловал Созану, как подобает брату, а затем с тяжелым сердцем покинул их и отправился на поиски царя.

Нинус все еще лежал на своей кушетке - его рана еще не зажила - и отдыхал под тенью навеса на крыше дворца, с нетерпением ожидая прихода Менона, пока не настал час. Не стоит мешкать, когда раненый монарх ждет, поэтому Нинус разволновался, расчесывая бороду, как обычно делал, когда его что-то тревожило или поднимался гнев.

"Как же так, - спросил он, когда Менон торопливым шагом подошел к нему, - я хозяин или я сплю, чтобы, проснувшись, обнаружить, что я слуга - *ты* король?"

"Прости, мой господин, - взмолился Менон, падая на колени, - царь Нинус не спит. Это слуга задремал у дороги. В саду внизу я встретил Созану, с которой не разговаривал с тех пор..."

"Ах!" - сказал король, и гнев его угас, а на губах заиграла улыбка. "Значит, орел должен ждать, пока голуби будут клевать любовь. Говори, сын мой".

Менон покраснел и опустил взгляд в пол.

"Я сидел с ней, мой господин, и говорил о многом, не обращая внимания на то, как летят мгновения, пока..."

"Харк!" - сказал Нинус, подняв руку. "Может быть, я слышу, как Созана поет из сада?" Менон прислушался, кивнул, и король продолжил: "Странно!" - размышлял он. "Несколько дней она не вкушала пищи, вздыхала и опускала голову, а теперь при твоём появлении сразу же надулась и запела дерзкую песню. Посмотри, хозяин лис, что это за чудо?"

Менон снова покраснел и улыбнулся глупой улыбкой; однако он ответил хитро, не теряя надежды ухватиться за скользкую кожу правды:

"Мой господин, я... я шепнул деве на ухо".

"О!" - рассмеялся Нинус. "Клянусь своей бородой, я бы отдал хорошую сумму, чтобы научиться твоему искусству. Но послушайте, что за бремя повлекла за собой эта прекрасная речь?"

"Что касается этого, - смело ответил Менон в манере, которая всегда радовала его господина, - мой шепот - это тайна, хранимая только языком благоразумия и девичьим ухом".

"У'у'м!" - подумал Нинус. "Сколько же у нас сейчас воинов, готовых выйти на поле боя против нашего доброго друга Оксиарта?"

Некоторое время они обсуждали планы второй войны с бактрийцами, затем Менон отсалютовал своему господину рукой и удалился. Оставшись один, царь задумался о войне, как вдруг его

мысли нарушили ноты другой песни - уже не голос Созаны, а мужской, глубокий, нежный и приятный для слуха:

Как Любовь - хрупкий бутон Лотоса,
когда его целует сверкающий, золотой поток
света от сияющего Ра;
Она расцветает под теплыми, ласковыми лучами
На Ниле Жизни, и цветок его, кажется.
Сияет, как молочно-белая звезда.

Но вот, когда наступает роковой сезон,
и чахлая пустыня пылает и горит,
Мерцающая, иссохшая и сухая -
Как побежденный враг перед победителем склоняется,
Лотос поник и поблек.
И, засохший, он падает, чтобы умереть!

"Странно!" - размышлял Нинус, расчесывая бороду. "Египтянин сидит с Созаной в садах внизу и поет песню о любви; хотя, замечу, песня его печальна..... Но зачем ему вообще петь, дураку! Он тоже шепчет на ухо деве и..."

Монарх сделал резкую паузу и обратился к своей верной пиявке тоном, полным жалости:

"Аргол, погладь мне бок в области раны, ибо, говорю тебе, он чертовски чешется".

ГЛАВА XIII

ШКУРА ОДНОГЛАЗОГО ЛЬВА

Тронный зал дворца был возвышенным, просторным в глубину и ширину. Сзади, через арки, находился открытый портик, а за ним виднелась долина Тигра и течение реки на пути к морю. Внутри стояли резные колонны из мрамора и камня, привезенные сюда тяжелым трудом из чужих земель; другие колонны из малахита, серебра и кованого золота, задрапированные пурпуром и вышитыми тканями из сокровищниц далекой Финикии. Здесь было диковинное оружие, трофеи погони и войны, редкие подарки от покоренных князей, присланные в Ниневию из любви или страха, а также головы и шкуры зверей, павших перед копьём и древками самого царя.

Вход был украшен чеканными львами и крылатыми быками в миниатюре тех, что охраняли западные ворота, а стены были уставлены *стелами*, на которых были изображены битвы царя, его доблестные охотничьи подвиги, жертвоприношения на алтарях его богов.

На потолке висела мозаичная эмблема всех божеств, искусно украшенная кусочками крашеного камня и драгоценными камнями, - произведение искусства, настолько баснословное по цене, что даже расточительный Нинус затаил дыхание, узнав о его стоимости. В центре восседал великий владыка Асхур в своих божественных одеждах, его грудь украшал крылатый диск, украшенный жемчугом и сапфирами на основании из лазурита. Перед Асхуром преклонил колени царь Нинус, покорный одной лишь небесной воле, а вокруг них группировались низшие божества - Раман,

метавший молнии, Бел в рогатой шапке, красный Гибил, проглядывавший сквозь жертвенное пламя и дым, Белит, принцесса рассвета, Шала, Небо, Нинеб и Нерга из погони, Шамаши-Раман, отец короля - небесный сонм божеств, каждое из которых было дорого сердцу его особого поклонника.

На роскошном троне восседал Нинус, а рядом с ним - Созана, ибо царица скончалась еще до того, как Ниневия была завершена, и теперь его дочь занимала самое высокое место в сердце монарха. В зале собрались вожди, жрецы и добрые друзья царя. У ног Нинуса сидел Менон, а рядом с ним - арабский принц Боабдул Бен Хатт, которого царь призвал украсить его праздник. Были здесь цари Тира и Сидона, с берегов Моря Заходящего Солнца, чьи города отправляли за собой караваны с данью и налогами, бормоча проклятия; пришли также сыны Ханаана, гигантские вожди хатти, все еще не успокоившиеся под их игом, князья Вавилона, сирийцы, владыки пустыни и моря; мрачные горцы, сражавшиеся, как крысы, в пещерах своих скалистых домов; правители, властители, рой жен и дочерей этих людей - все они предстали перед царем.

Из-за колонны Меметис смотрел на лицо Созаны - его надежда, оазис, из которого его душа может пить воды его любви; но теперь он должен пить, чтобы Нинус не заметил его жажды и не огорчился. Итак, глазами египтянин смотрел на толпу, а сердцем видел одну лишь служанку.

В богатых нарядах, в доспехах и государственных одеждах, воины ста войн, гордые красавицы двора собрались, чтобы посмотреть на чудовищную скрижаль, высеченную в честь царя. Она была недавно установлена в стене, скрытая от глаз пунцовыми драпировками, а по обе стороны от нее стояли скульптор Бобардол и верховный жрец Накир-Киш: один отводил в сторону ткань, другой благословлял *стелу* во имя Асшура.

Придворные затаили дыхание; царь Нинус подал знак, и скульптор откинул драпировку. На *стеле* был изображен в *барельефе* чудесный подвиг царя, который, взобравшись на коня, сражался с царем зверей. Лев набросился на холку коня, пытаясь зубами и когтями сорвать охотника с места, а Нинус схватил его за горло и разможил череп древком сломанного копья.

Это был триумф искусства, отражающий скорее доблесть и редкость, чем точность фактов, касающихся этого славного события, и ропот восхищения поднялся на всех губах из-за смелости монарха и мастерства Бобардола.

Ниже была надпись, повествующая об этом подвиге на языке царей Ассирии, когда они отбрасывали одежды скромности и говорили на весь мир:

"Я, Раман-Нирари, сын Шамаши-Рамана и могущественнейший из всех царей Ассирии, по воле Асхура, владыки земли и неба, отправился побеждать львов в этот двадцатый год моего блистательного царствования. Много дичи я истребил, верхом на своем коне, а также на ногах одними стрелами и копьем. Так случилось, что я, Нинус, с которым никто не может сравниться в мастерстве и отсутствии страха, вступил в бой с могучим, одноглазым львом в зарослях вдоль Евфрата. Страшен был он в ярости, этот лев, из-за ран, нанесенных мною, и ревел до тех пор, пока мои слуги не разбежались в страхе. Но я один схватил его за горло и трижды поразил его, и тогда рев его прекратился и вышел из его живота со смертью столь великого зверя".

"Верховному владыке Асхуру хвала! А Нинусу - еще большая хвала, ибо Асшур наблюдал за тем, как Нинус совершает подвиг!"

Среди ликования *стелу* освятил верховный жрец Накир-Киш, а чаша с вином закружилась, и из укрытых жрецов послышался напев - напев, который теперь звучал в храмах огромной Ниневии, и боги почувствовали запах жертвы с тысячи алтарных камней. Затем раздался звенящий звон, и справа и слева в зал, спотыкаясь, вошли две шеренги танцовщиц, чтобы склониться перед царем,

подняться и скользить ритмичными шагами по меркам своего танца. Это была целая плеяда красавиц, собранных из разных стран и местностей, одетых в пестрые одежды, богатые головные уборы и браслеты из бронзы и золота. Они раскачивались в медленном однообразном ритме под печальные, мелодичные звуки цитр и флейт причудливой конструкции; затем, внезапно, под треск кимвалов, танцовщицы ожили, закружились, вскинули руки, понеслись в стремительном, обескураживающем лабиринте, со сверкающими телами, пунцовыми губами и умоляющими глазами. Все громче и громче звучал призыв музыки к страсти и любви, все быстрее и быстрее розовые ножки падали в бархатных поцелуях на пол из тонированного кирпича, пока, наконец, разбежавшись, девы не покинули зал, а за ними по коридорам прокатились крики аплодисментов и шум хлопающих рук.

Наступила тишина, в которой придворные с нетерпением ждали сигнала о том, что пиршество окончено, когда один из офицеров подошел к трону и склонился перед королем.

"Прошу прощения, повелитель, - замялся он, - но у дверей дворца хлопчет женщина. Она хочет войти без промедления, и ей не откажут".

Столь странным было поведение этого человека, что все, кто его слышал, удивлялись его причине, но Нинус нетерпеливо произнес:

"Пусть она уйдет, чтобы мои слуги не избили ее у городских ворот!"

Офицер, опустив глаза, отступил к двери, где все взгляды были обращены в острую ожидающую чужака, незваного на пир. Из зала послышался ропот протеста, прерванный твердым, властным приказом; затем офицер вернулся в зал.

"Господи, - трепетал он перед королем, - я отдал твой высокий приказ, повелевающий женщине уйти с миром, но она не уходит".

"*Не уйдет!*" прорычал король Нинус. "Клянусь дыханием Гибила, что это за девка, которая бросает мне вызов в зубах?"

"Повелитель, - растерянно заикался солдат, а его щеки попеременно то белели, то краснели, - повелитель, это не смертная девка, а дух из иного мира, столь прекрасный на вид, что..."

Рев смеха прервал его, и даже Нинус присоединился к нему, но вскоре король заговорил сурово, стараясь скрыть улыбку:

"Иди, обезьяна, и приведи ее сюда! Но учти, если она не окажется прекраснее всех женщин моей страны, клянусь, я повешу тебя на самой высокой крыше Ниневии!"

Поднялся шум, и покрасневший офицер удалился, чтобы вскоре вернуться с одним незнакомцем, а не с тремя. Во главе шла женщина, но такой женщины при дворе Нинуса еще не было. Она была одета в юбку из овечьей шерсти, край которой доходил ей до колен, ее конечности были обтянуты шкурой лани, подпоясанной ремешками; через грудь была перекинута шелковистая шкура леопарда, а из головных уборов у нее не было ничего, кроме короны из волос цвета пламени. В руке она держала охотничье копье, а за спиной у нее висел лук с колчаном и связкой древков. За ней шел индеец, скромного вида, но могучей силы, который, помимо копья и лука, нес полувысушенную львиную шкуру, а по пятам его неслась пастушья собака, словно дворец был псарней для собак меньшего размера, и, как ни странно, походка женщины была такой же.

На собравшихся придворных это произвело разнообразный и странный эффект. Женщины подняли брови, внешне презирая незнакомку и ее одеяние, но в глубине души они знали соперницу, которая намного превосходила их; поэтому они ненавидели ее и жаждали, чтобы ее

постигло какое-нибудь быстрое несчастье; но их мужья смотрели на нее более добрым взглядом. Воины, государственные деятели, да и сами жрецы на мгновение замерли в безмолвном благоговении, и на лице каждого отразилось то, что скрывала каждая душа: удивление, поклонение, низменное желание - ведь страсти людей настраиваются на разные лады, когда в них звучит красота.

Для Менона женщина явилась как лихорадочный сон, от которого он жаждал проснуться и узнать, что она в безопасности в Аскалоне; но собака была там, и Хузим-Хузим, который смотрел в глаза хозяина и опускал свои. Это была правда! Она пришла в самое логово льва, и голос Страху громко кричал, что Глупость взяла свое.

"*Шаммурама!*" - вздохнул Менон, опираясь на плечо Боабдула. "Пусть боги окажут помощь там, где я не могу оказать ее!"

"Мужайся, друг!" - прошептал араб, - "ибо в этом, как и во всем остальном, мой скимитар брат твоему мечу".

Король откинулся на спинку своего трона, сложив руки, сузив веки до щелей под хмурым взглядом, пальцами расчесывая бороду, а сердце его ликовало. Наконец-то это была она! Рыжеволосая дьяволица, которая сидела на цитроновом дереве и насмехалась над ним, когда он бежал перед раненым львом. Ах, теперь она должна заплатить за смех монетой слез!

Наступила тишина, и все с затаенным дыханием ждали, что скажет царь; но царь не говорил. Наконец Семирамида, устав от паузы, вышла вперед, не дав царю и слова вымолвить.

"Мой господин, - сказала она и указала на своего слугу и подарок, который он нес, - я принесла львиную шкуру из зарослей Евфрата. Могучего одноглазого льва, который..."

"Стой!" - вскричал Нинус, вскакивая на ноги, его крепкие руки сжались в кулаки, а вены на шее выступили от ярости. На мгновение он замер, глядя на женщину с мрачным, злобным выражением лица, а затем обратился к вооруженному человеку рядом со своим тронem: "Спуститесь с этой девицей в нижнюю тюрьму и дайте ей отведать плети!"

Для тех, кто слышал, эта глубокая несправедливость прозвучала как удар грома, ведь женщина не сделала ничего, кроме того, что принесла подарок королю и заговорила без его разрешения. По собранию пронесся ропот протеста, и Менон наполовину поднялся, держа меч наготове; араб остановил его предупредительным словом и схватил за руку, ибо еще не пришло время подвергать жизнь опасности.

Повинуясь воле своего господина, оруженосец шагнул вперед и положил руку на руку пленника; но при его прикосновении Семирамида сделала шаг назад, а затем сдвоенным кулаком нанесла ему сильный удар по яблоку горла. С воплем боли парень растянулся во весь рост, его доспехи со звоном упали на пол, а Хузим угрожающе опустил острие копья, и Хабал присел рядом с распростертым человеком, оттопырив губы и не сводя глаз с хозяйки, ожидая знака.

Снова наступила тишина, затянувшаяся до счета, и все в немом изумлении смотрели на царицу, осмелившуюся на гнев Нинуса, встретившую его взгляд глазами, не знающими страха, и его хмурый взгляд с безрассудной улыбкой.

"Мой господин, - снова начала она, ее низкий голос был ровным и гладким, словно растяжение воина на спине было всего лишь приятной вежливостью, - мой господин, я принесла львиную шкуру из зарослей Евфрата. Могучего одноглазого льва, который вскочил на шею твоего коня и..."

"Смирись!" - вскричал Нинус. "Что за колдовские глупости о львах в зарослях Евфрата?" Он сделал паузу, чтобы насмешливо рассмеяться. "Возможно, это даже ты сам завалил грубияна - ты, с твоей ничтожной силой".

"Тщедушной?" - усмехнулась Семирамида, указывая на упавшего мужчину с оружием. "Нет, спроси у этого грязного пса, кто посмел осквернить меня своим прикосновением. А что касается льва, милостивый государь, то его шкура у меня. Может быть, я убил его, а может быть, он отбросил свой плащ на манер борца, жаждущего новой схватки с Нинусом, который, увы, принимает дары лишь с жалким изяществом". Она снова улыбнулась и вновь взялась за прерванную речь: "Мой господин, я принесла львиную шкуру..."

"Мир! Мир!" - вскричал король, затем повернулся и злобно огляделся. Из горла какого-то затаившегося солдата вырвался смех, и, как пламя разгорается от искры, так и по залу пронеслось веселье.

Король, чье самообладание было ослаблено раной, оказался в затруднительном положении. Если бы он позволил ведьме рассказать свою проклятую историю о катастрофе во время погони, это заклеимило бы королевского охотника как хвастуна и лжеца - дело, далеко не соответствующее желанию короля считаться богом. С другой стороны, если бы он заставил ее говорить силой, нашлись бы те, кто остался бы недоволен поступком, которого не мог понять. Поэтому Нинус проглотил свою злость и решил встретить коварство коварством.

"Царевна, - смеялся он, вновь заняв свое место, - с гневом испытал я на прочность охотницу при моем дворе, и сердце мое радуется тому, какой дух она проявила. Говори же, ничего не боясь, и если рассказ твой окажется правдивым и приятным для наших ушей, потребуй у Нинуса все, что пожелаешь, в обмен на шкуру этого одноглазого льва".

Семирамида низко поклонилась и уже собиралась говорить, но монарх остановил ее поднятой рукой.

"Подожди немного, - попросил он. "Может быть, я сам расскажу эту историю и тем самым не потеряю ни кусочка ее вкусного мяса?" Он весело улыбнулся своим придворным и снова устремил взгляд на Семирамиду: "Львиная шкура принесла меня из зарослей в низовьях Евфрата - одноглазый лев, свирепый и сильный, который прыгнул на шею моего всадника и больно придавил меня. Я, Нинус, в ужасе перед столь странным зверем, бросил оружие, повернул хвост и скрылся в безопасном месте в своем дальнем лагере, а ты - вся хвала Асхуру за этот поступок - последовал за мной и сразил моего врага". Монарх снова рассмеялся и протянул руку к охотнице: "Скажи, красавица, это сказка о Нинусе и одноглазом льве?"

Король, рисуя кистью правды, искусно разложил краски, ибо ему пришло в голову, что украсть гром у обвиняющего языка куда лучше, чем щит защитной лжи. Придворные шептались между собой и улыбались приятному юмору своей Песни. Это очень обрадовало монарха, ибо тщеславие его было велико, и теперь, когда его остроумие дало ему преимущество, он повернулся к Семирамиде, готовый к нападению, но плохо подготовленный к своему хитроумному врагу.

На ее лице появилось выражение детского удивления и боли, а руки были подняты в знак протеста против столь несправедливой для короля мысли. Она стояла спиной к *стеле*, изображавшей охоту на льва, но, когда она вошла в зал, ее взгляд отметил ее, и память служила ей верой и правдой.

"Ах, нет, мой господин, - робко ответила она, медленно покачивая головой, - по правде говоря, слова твои - шутка, ибо я видела твою битву с ветви цитронового дерева, на которое я взобралась, желая взглянуть на короля".

Она опустила глаза, но снова подняла их, услышав улыбку и слова повелителя Ассирии.

"Говори, - сказал царь, - и не бойся, ибо мы желаем услышать эту историю".

"О лучезарная, - ответила Семирамида, - я мало умею рассказывать о столь великом деянии, но каждый день мои молитвы возносятся к Иштар за то, что я видела эту славную битву бога".

Царь облегченно вздохнул и перестал расчесывать бороду, а Семирамида начала свой рассказ об охоте. Сначала ее голос был низким, мелодичным и спокойным, но вскоре он возвысился до горячего тона оратора, чья аудитория - всего лишь арфа под его рукой, а каждая струна - сердце, которое трепещет и дрожит от прикосновения мастера. Слушатели, казалось, видели, как охотник набрасывается на царя зверей, и его крепкое копье дрожало от ударов. Они слышали яростный рев льва, вскочившего на плечо вздыбившегося коня, чтобы разорвать своего врага, пока оба метались в смертельной схватке. Они слышали, как рвутся бронированные одежды под ударами когтей, как кровь Нинуса окрашивает его одеяния в красный цвет, а его рука обрушивает удары на череп обезумевшего зверя. Они видели, как расслабляются могучие челюсти, как корчится в агонии тауновое тело, чтобы в конце концов упасть на землю и умереть. Тогда завоеватель попытался залечить свои раны и, потерпев неудачу, поскакал за подмогой в свой дальний лагерь.

Семирамида замолчала, и все слушавшие ее долго и глубоко вздыхали, удивляясь тому, что царю удалось спастись, и тому, что она рассказала эту историю так правдиво. Царь Нинус тоже вздохнул, но уже спокойно и удовлетворенно, ибо никогда с начала своего царствования он не смотрел на столь прославленного лжеца.

"Вот!" - воскликнул Накир-Киш и указал на *стелу*.

Семирамида повернулась и в изумлении уставилась на высеченное чудо. Дрожащей рукой она прикрыла глаза; губы ее медленно шевелились, не издавая ни звука, и все, кроме двух наблюдавших за ней, почувствовали, что здесь действительно истина. Царь Нинус поднял руку, чтобы пресечь аплодисменты, и заговорил мягким голосом.

"Что еще?" - спросил он. "Как случилось, что женщина принесла львиную шкуру в Ниневию?"

Семирамида раскинула руки в знак того, что совершает поступок, который слишком мал, чтобы тратить на него слова.

"О могущественный, - просто ответила она, - моя история правдива. Когда зверь лежал мертвый, я спустилась с дерева и наблюдала, как мой слуга снимает с него шкуру". Она взяла у Хузима львиную шкуру и положила ее к ногам монарха. "Мой господин, я приношу этот простой знак моей любви в Ниневию, надеясь, что царь всего мира исполнит мои малые желания".

"Говори, - вскричал Нинус, - и мечом Асхура я клянусь воздать по заслугам. Говори же, ибо мы внимаем твоему желанию".

Семирамида молчала. Она подняла на него глаза в удивленной невинности маленького ребенка и улыбнулась.

"Нет, повелитель, зачем мне называть желания, которые Нинус в своей мудрости хорошо знает?"

"Верно, - задумчиво ответил монарх, снова расчесывая бороду и размышляя, не готовится ли какая-нибудь ловушка, - верно, но все же было бы неплохо назвать твое желание вслух, чтобы эти мои друзья могли свидетельствовать о данном обещании. Говори, ибо Нинус слышит".

"Прощение!" - взмолилась Семирамида, стоя на коленях на львиной шкуре. "Об этом, о Отец земли, прошу я одна".

"Да будет так!" - вскричал царь, - "хотя, клянусь, я не знаю, велик или мал грех твой".

Семирамида прижала пальцы царя к своим губам, затем, поднявшись, с радостным криком бросилась в объятия Менона.

Все, кто видел это, вскрикнули от удивления, Менон покраснел, а его друг Боабдул улыбнулся. Созана поискала глазами Меметиса, но царь в гневе поднялся.

"Что теперь!" - потребовал он дрожащим от страсти голосом, но Семирамида со смехом остановила его и встала перед ним, держа Менона за руку.

"Три года назад, как ты хорошо знаешь, мой господин, он женился на мне в Сирии".

"Что?" - вскричал озадаченный король. "И правда, он твой супруг?"

"Да, - радостно кивнула она, - вопреки воле своего господина; и думал он, глупый мальчишка, ослепить глаза Орла Ассирийского. Что же касается меня, мой господин, то я смеялась, ибо хорошо знала, что суета людская должна превратиться в прах. Что! Я спросил его: неужели твой господин - глупец, чей глаз не видит ничего дальше своего носа? Нет, царь Нинус - бог, чья мудрость замечает дела низших людей, и он улыбается, глядя на них. Поэтому, поскольку Нинус все знает, он побережет эту шутку до того времени, когда Менон прибудет в Ниневию, и устроит ему разнос на глазах у всего двора. Говори же, о великодушный повелитель, чтобы твои придворные смеялись вместе с тобой".

Монарх ничего не ответил. Он был похож на человека, который стоит между двумя рвами, каждый из которых слишком широк, чтобы перебраться через него, но все же он должен перебраться. Признание факта неповиновения правителя означало бы прощение там, где его гнев был готов обрушиться; и все же отрицание ставило на нем клеймо не высокого, дальновидного бога, а смертного глупца, чье зрение останавливалось на кончике его царского носа. И вот Нинус задумчиво размышлял.

"Как же так, мой господин, - спросила Семирамида со своей колдовской улыбкой, - неужели ты с самого начала не знал об этом радостном событии?"

"Да, - злобно прорычал Нинус, - я знал об этом с самого начала".

ГЛАВА XIV

ПОВОРОТ ЖЕНСКОГО ЯЗЫКА

В течение многих дней в голове короля царило переменчивое настроение. Он старался затаить злобу на Семирамиду, но, даже когда он размышлял, его мысли уходили от обиды, которую она ему причинила, и задерживались на колдовстве женских глаз.

"Хех!" - пробормотал он с яростью. "Эту дрянь не забудешь за день!"

Бывали часы, когда он был склонен забыть о случившемся, простить этих любовников, уклонившихся от его воли благодаря остроумию, более тонкому, чем его собственное; но наступали моменты, когда он жаждал обнажить ее плечи и увидеть, как ее бьют плетью; и в таком настроении он вызывал ее к себе, когда валялся в саду в полуденный зной.

Его кушетка была поставлена у кромки фонтана, под увитой шпалерой беседкой, по которой карабкалась сирийская лоза с гроздьями черного винограда, выглядывающими из листьев и

предназначенными для уст одного лишь короля. Под рукой у него был драгоценный кубок и блюдо с фруктами, которыми он время от времени лакомился в ожидании Семирамиды, а у его головы стоял евнух, обмахивающийся веером из перьев и следящий за тем, чтобы на кожу монарха не село какое-нибудь жужжащее насекомое.

Царь Нинус, мрачно улыбаясь, смотрел, как Семирамида спускается по садовой дорожке, и ожесточался, ибо теперь, наедине с ней, он будет говорить все, что думает, как подобает владыке мира, и даже узнает, может быть, ее высокомерие сломается под ударами плети.

Вскоре она стояла перед ним, одетая в белый ситар, края которого были прошиты бледно-голубыми перьями какой-то крошечной птицы, скрещенными на груди и подхваченными серебряным поясом на талии; мягкие складки ниспадали к ее обутым в сандалии ногам. Ее волосы, ниспадающие с висков, были скреплены драгоценными булавками в узел сзади и прикрыты марлевой вуалью, которая сейчас была поднята с ее лица в знак почтения к царю.

В глазах Нинуса она была прекраснее всех его самых смелых женских мечтаний, но в то же время она раздражала его своей спокойной уверенностью в том, что способна очаровывать. Некоторое время он смотрел на нее и не произносил ни слова, пока Семирамида без приглашения не уселась на табурет и не осведомилась о здоровье монарха, словно она была его пиявкой.

"Женщина, - прорычал царь, - знаешь ли ты, зачем я привел тебя сюда - туда, где никто не может услышать ни моих, ни твоих слов?"

Она улыбнулась и заглянула ему в глаза, пытаясь прочесть в них мысли, затем сорвала с лозы у себя на голове гроздь его священного винограда и принялась задумчиво есть ее.

"Может быть, мой господин устал от себя и хочет, чтобы его развлекли?"

Король наполовину приподнялся на руках в гневном изумлении, ибо дерзость ее поступка и речи была выше всяких похвал. Спокойная и невозмутимая, она говорила с *ним*, повелителем всей Ассирии, как с равным, и клевала его царский плод с безрассудством какой-то распутной птицы. Рот его раскрылся, он тщетно искал слова, чтобы выразить свой гнев; но не успел он их найти, как Семирамида зажала сочную виноградину между большим и большим пальцами и сунула ее ему в губы.

"Ешьте, государь, - прошептала она, счастливо улыбаясь, - ибо никогда еще я не пробовала плодов, более сладких на моем языке".

И монарх, удивляясь непонятной ему слабости, съел виноградину и бросил ее кожуру в фонтан у себя под боком.

"Сирийский виноград!" - рассмеялась Семирамида. "Ах, добрый мой повелитель, их аромат, как воспоминание, ведет меня среди родных холмов к Аскалонскому озеру и увитому виноградом храму, склонившемуся на его берегу. Если мой господин захочет поохотиться, я поведу его туда, где хищные звери свирепы и сильны, где..."

"Нет, - сказал король, вольготно раскинувшись на своем диване, - я хочу услышать историю Шаммурамат".

Она склонила голову, повинувшись его воле, и, как прежде говорила с Меноном на ступенях храма Дагона, так и теперь снова поведала о младенце, которого выкармливали голуби, а она кормила своего царственного слушателя виноградом и наблюдала, как утихает его гнев. Она рассказала ему о своем доме с голубем-отцом Симмасом и о другом своем доме в Азапе, откуда она бежала ночью, чтобы принять участие в битве с курдами.

Глаза Нинуса блеснули, губы дергались в улыбке, а когда он узнал, как был увеличен налог на Сирию, то смеялся до слез, и боль в раненом боку мучила его до боли.

Неужели это та женщина, над спиной которой он жаждал услышать свист бича? Как он ни старался, ему не удалось затаить гнев на Семирамиду, но в его груди все еще звенела рана гордости. Кто-то должен пострадать за непослушание; если не женщина, то справедливость должна обрушиться на мужчину. Должен ли Менон быть благословеннее всех остальных мужчин, чтобы наслаждаться любовью Нинуса, да еще и той, что подобает спариваться с царями? Нет! Клянусь ожерельем пяти великих богов, этому не бывать!

И Нинус затаил тяжкую обиду на своего полководца, а сам лежал с полужакрытыми глазами и следил за словами жены своего полководца. Он следил за ее губами, глазами, изгибом округлой груди и крошечными прожилками на бархатной коже, в которых застыла кровь страсти. В почву его души было глубоко заронено семя, и, хотя он не знал его названия, оно должно было вырасти в могучую лозу, обвившую своими мягкими, коварными усиками сердце монарха, пока не притянуло его к земле тяжестью своих созревших плодов.

Дворцовые сады дремали в тишине полуденного зноя, нарушаемой лишь журчащей песней фонтана, трепетом птицы, опустившейся попить, и голосом Семирамиды, низким, мелодичным и сладким. Звуки на городских улицах затихли в час отдыха, и шепот ветерка был лишь шепотом среди пальм. Рокот сирийца становился все тише и тише, пока не показался царю безмянными голосами ночи, когда охотник, растянувшись у костра, слушает, слушает, слушает, переходя от усталости к покою, а Нинус спал.

Во сне он сидел на троне в Ниневии и смотрел на восток. Его взгляд пронзал заснеженную горную цепь и клубящиеся туманы, за которыми возвышались стены и цитадель Зариаспы. Он видел, как его войска взбираются на крепостные стены, отбиваются и падают головой вниз на землю, а его враги размахивают окровавленным оружием и кричат, хотя их криков он не слышал. Он пытался выкрикивать команды, но горячий ветер задувал их обратно в горло, и бактрийцы спрыгивали с крепостных стен, чтобы поразить детей Ассирии. Но вдруг они словно замерли в страхе, отступая к своим стенам перед натиском одной колесницы, пронесшейся по равнине. Ее запрягли три белых коня, которые бились копытами и зубами, а натянутые поводья держала в щитовой руке Семирамида. Ее распущенные локоны развеивались на ветру. Солнечные лучи озарили ее золотые доспехи огненной вспышкой, которая пронзила ряды бегущих врагов. Она неслась прямо на стены, а царь смотрел на нее и дрожал от страха. Камень из катапульты, вылетев, разорвался на ее щите, но она рассмеялась и погнала своих коней. Он увидел, как она пронеслась через кровавый ров, и, содрогнувшись, закрыл глаза; когда же он открыл их снова, то увидел, что городские стены рассыпались в пыль, а колесница мчится по огромным курганам дымящихся обломков. Она неслась на запад, через перевалы и дефиле, вверх, вверх, к вершинам Гиндукуша, чтобы с грохотом обрушиться на равнины за ним, стремительно повернуть на запад и помчаться к Ниневии! Она приближалась! Семирамида приближалась! Он ясно видел ее - огромные глаза, пылающие красным и золотым, белое горло, сверкающее сквозь паутину раздуваемых ветром волос. Она миновала городские ворота, лопнувшие перед ее стремительным бегом, и пронеслась на полном ходу между длинными рядами крылатых быков и присевших львов. Теперь король мог различить стук копыт, звонкий голос погонщицы, подгоняющей своих коней, и треск ее безжалостной плети. Он услышал удар колес ее колесницы о ступени дворца и треск статуи Рамана, опрокинувшейся на землю; затем массивные двери зала рухнули, и боевая королева с грохотом перемахнула через них, чтобы остановить своих пылящих коней у трона.

"Бактрии больше нет!" - воскликнула она и вскочила на ноги рядом с царем. Нинус широко раскинул руки, но не успел он почувствовать ее тяжесть на своей груди, как между ними пронеслась черная туча - и повелитель снов проснулся.

Семирамида ушла, а на ее месте стоял Менон и ждал, пока дремота его господина прекратится.

"Мой господин, - смиренно произнес Менон, преклонив колени, - армии Ассирии лежат за стеной, готовые по приказу царя выступить на Зариаспу".

Долгие мгновения Нинус хмуро смотрел на этого человека, который в давние времена был его другом в радости и горе, в мире, в победе и поражении.

"Тогда веди их на рассвете, - сурово ответил он, - и запомни, Менон, это только для твоего уха. От падения Зариаспы будет зависеть судьба тех, кто ослушается моей воли".

Менон быстро отвел взгляд, а король продолжал:

"Твой поступок в Сирии сильно огорчил меня, тем более что доверие было ошибочным, и поэтому твоя рука больше не должна окунаться в котлы с мясом в правлении твоего господина. Ступай же без любви Нинуса, которая была подобна любви отца к сыну, и проси прощения, когда наши враги перестанут быть врагами".

Монарх взмахнул рукой в знак того, что разговор окончен, но Менон все еще медлил.

"А она, мой господин?" - спросил он, стараясь подавить дрожь в своем тоне. "Если Бактрия падет, что тогда будет с моей женой Шаммурамат?"

Царь замолчал и некоторое время размышлял, пока наконец его темные глаза не засияли огнем мастерства. Родился план, как удовлетворить свои желания и в то же время удержать Менона в тисках неустанного усердия.

"Шаммурамат, - сказал Нинус, улыбаясь в бороду, - остается заложником здесь, в Ниневии, пока не закончится война. Моя армия, как только перейдет Гиндукуш, разделится на две части: одна половина будет моей, другая - твоей, хотя Нинус - главный из всех. Тогда каждый из нас осадит Зариаспу, один - с востока, другой - с запада; и как твоих людей побуждают к подвигам доблести обещания высокой награды, так и я буду побуждать своих. Смотри, мальчик, стены крепки, на них стоят крепкие враги; но тот, кто первым встанет победителем на вершине их цитадели, получит награду".

"А приз, мой господин?" - спросил Менон, дрожа от страха, которому он не смел дать названия.

"*Шаммурамат!*" - вскричал Нинус, обрушив на него свой раздвоенный кулак, отчего стол покачнулся, а кубок опрокинулся, и темное вино хлынуло на землю, как кровь сраженного воина. "Клянусь Асхуром, этот приз достанется победителю, будь то ее супруг или отпрыск хеттского крепостного. А теперь иди и возлагай надежды на цитадель Зариаспы".

На мгновение Менон застыл на месте, его взгляд был прикован к глазам Нинуса, горячая кровь бешено бурлила в жилах, рука с мечом нервно играла на клинке; затем он рассмеялся и повернулся на пятках без приветствия, хотя его смех был похож на крик задушенного волка.

"Подождите!" - позвал король, и, когда Менон приостановился, он предостерегающе указал пальцем на своего подчиненного. "Ни одно прощальное слово не должно быть произнесено с твоей женой, кроме как в моем присутствии и в моем зале для аудиенций этой ночью. И еще: если уста твои расскажут о том, что Нинус тайно передал твоему уху, то не удивляйся, если мои воины бросят жребий о наложнице!"

И Менон вышел из царских садов и, опустив голову на грудь, медленно поскакал к лагерю за городской стеной.

ГЛАВА XV

АРМИЯ НА МАРШЕ

С грустью на сердце Семирамида стояла на рассвете на крыше дворца и смотрела, как армия, подобно могучей змее, извивается в сторону востока.

Расставание с Меноном было очень странным: хотя его губы храбро говорили о грядущих днях, в его глазах таились тени беспокойной души. Какая-то тайна овладела им, которой он не смел поделиться с ней, и орлиный взгляд Нинуса неотрывно следил за ним, даже когда поцелуй мужа прижимался к ее губам; и Менон споткнулся, выходя из зала. Какая опасность для ее господина скрывалась за улыбкой повелителя, и почему он держит ее здесь, в плену, в Ниневии? Менон тоже просил ее остаться, хотя с самого ее прихода, в ту сладкую ночь, когда она лежала рядом с ним, он поклялся не расставаться с ней до тех пор, пока Иштар не оборвет нить. Что же теперь? Была ли его перемена настроения указом короля, по которому ее господин должен был тайно страдать за свое непослушание, когда открытое прощение было лишь замаскированной ложью? Клянусь Гибиллом, если он осмелится...!

Семирамида перегнулась через парапет, потрясая сжатым кулаком в сторону шеренги марширующих людей, поглотивших пурпурную поклажу раненого царя. Час за часом она наблюдала за движением армии, подобно беспокойным волнам на груди безбрежного моря, за солнечными бликами на их полированном снаряжении. Линия за линией мерно покачивались пешие, лучники, пращники, пикинеры, те, кто сражался топорами и посохами; огромные тучи всадников проносились над рекой Хузур, где расчищался путь для чудовищных катапульт, которые теперь разламывали на части и привязывали к телегам с деревянными колесами. Насколько хватало глаз, огромные вереницы ревущих волов тянули эти боевые машины, погонщики подгоняли их кнутами и остриями мечей, а в арьергарде грохотали колесницы, пробивавшиеся через восточные ворота города.

Медное солнце поднялось на арку, повисло над Ниневией, как краеугольный камень, затем опустилось к западу, а войска Ассирии все еще стояли перед высокими коричневыми стенами, как клубок из сотни народов, наступающих по воле раненого царя. За холмами низко повис шар тускло-красного огня; на Ниневию опустился пурпурный туман, и хвост армии исчез за излучиной реки. Тогда Семирамида бросилась на крышу дворца и разрыдалась, ибо в шуме поднимающегося ветра ей казалось, что она слышит вздох Дагона и стремительный бег карпа, утаскивающего ее жука. Лучше бы ей гнить в Аскалоне, чем жить пленницей в Ниневии, вглядываясь и вслушиваясь в тусклую вечность ночи в шаги любимого, который не вернулся к ней.

* * * * *

Ассирийское войско ползло на восток сквозь пыль и зной, огибая горные отроги и проходя по равнинам Медии, где младенческий народ оказывал слабое сопротивление продвижению царя. Четыре долгих луны они шли медленно, с многочисленными остановками, так как громоздкие военные машины снижали скорость из-за своего веса и поломки осей и колес. По склонам гор их тащили на веревках, привязанных к скоту и рабам, которые удерживали их, чтобы они не съехали вниз по склонам, хотя вскоре какая-нибудь более тяжелая повозка раскачивалась, падала и с грохотом падала на камни.

В фургоне, под охраной крыльев летящего коня, ехала армия рабочих, которые сглаживали путь, прокладывая широкие дороги через лесные массивы, переправляя небольшие ручьи или

сооружая баржи там, где нужно было переправляться через реки. Через пустынные пустоши они прокладывали деревянную колею, по которой могли катиться колеса катапульт и не погружаться глубоко в песок; и так Ассирия двигалась, опираясь на медленную, грубую силу, пока не достигла склонов Гиндукуша и не приступила к труду богов.

Царь Нинус мог бы поворчать на медлительность своего шага, но его рана зажила, и силы вернулись; и пока его двигатели и повозки с багажом медленно ползли по дороге, он рыскал по землям, покоря чужаков, присоединяя их к своему могучему войску или собирая дань и запасы еды на голодные дни осады. Там, где народы были спокойны или испытывали страх перед его мощью, он охотился с рассвета до наступления вечера, хотя со дня своего ухода из Ниневии Менон не участвовал в спортивных состязаниях своего господина и не опускал руку в котлы с мясом на царском столе; и в глазах людей это было странно.

Для воинов, подчиненных Менону, их вождь перешел из юношеского возраста в более суровый, ибо его смех уже не раздавался по лагерю, как в былые времена, а на его челе всегда сидела хмурая печаль. Там, где последователи Нинуса пировали днем и ночью, накладывая на свои кости огромные рулоны жира, люди Менона занимались ратным трудом, практиковали оружие и умеренно употребляли вино и пищу, пока не стали стройными и худыми, но при этом зоркими и твердыми, как скалистые дороги, по которым они поднимались.

Когда половина склона горы была преодолена и армия расположилась на отдых в долине, царь Нинус созвал совет своих вождей, на котором изложил планы, как застать врага врасплох. То, что Оксиартес чувствовал приближение, было ясно благодаря его многочисленным лазутчикам, которые, как горные козлы, шныряли среди скал; но должны пройти утомительные дни, прежде чем огромные военные машины будут перетащены на равнину, и это бактрийцы тоже прекрасно знали. Поэтому Нинус спланировал внезапный бросок колесниц и коней через самый высокий горный проход и стремительный спуск на Зариаспу, отрезав таким образом массу бактрийцев, пока они не нашли безопасного отступления за своими стенами.

Эта стратегия казалась мудрой, и вожди в один голос согласились с ней, кроме одного лишь Менона, который сидел в стороне и не произносил ни слова. Царь Нинус, заметив это, разгневался и велел Менону остаться за спиной во главе пеших и багажных обозов, и это упущение задело молодого воина до глубины души. На мгновение он посмотрел на своего господина, затем пожал плечами и молча покинул шатер совета, направившись по каменистой тропе к своему лагерю внизу. Он жаждал добраться до стен Зариаспы, но прекрасно понимал, что Нинус ничего не добьется без помощи лестниц и катапульт, а за ними нужно следить не сомкнув глаз, ибо в них заключалась надежда на пролом в стенах города или путь, ведущий на вершину цитадели. Один человек должен был встать на эту высокую цель и получить приз - Семирамиду, и Менон поклялся всеми своими богами света и мрака быть этим человеком!

Когда наступил вечер, царь Нинус со своими всадниками и колесницами незаметно двинулся по извилистой тропе, ведущей к вершине горы, а Менон задумчиво сидел у своего костра до самой ночи. В долине вокруг него воины спали, закутавшись в плащи, потому что горный воздух был прохладным; на скалах над ним виднелись призрачные дозорные на фоне звезд, бдительно следящие за тем, чтобы мародеры не спустились вниз, чтобы разграбить повозки с багажом или разбросать по пересекающимся полянам ночных зверей. Многочисленны и смелы были бактрийские горцы, которые не жалели сил, чтобы затруднить поход ассирийцев, хотя и были слишком слабы для открытого сражения; поэтому они цеплялись за фланги армии, как насекомые за коня, и из-за них Ассирия зудела днем и ночью.

Час тянулся за часом, и наконец Менон со вздохом поднялся и вошел в палатку, где улегся на свою кушетку из шкур, чтобы поспать хоть часок; но сон не приходил, ибо сердце его было тяжело, а

мысли постоянно возвращались к Ниневии и к ней, подвергавшейся неизвестной судьбе. Вскоре веки его опустились от беспокойной дремоты, и к нему пришли спутанные, полусонные сны, в которых он карабкался по стенам Зариаспа, а Нинус толкал его вниз, смеясь, что он падает. Вдалеке раздался женский голос, рыдающий оттого, что не может дотянуться до него; затем, внезапно, Менон выпрямился и прислушался, услышав оклик часового у палатки. Заслонка откинулась, и вошел Хузим, неся на руках тяжелую ношу.

Когда зажгли факел, его свет высветил бактрийского шпиона, которого Хузим схватил на окраине лагеря и чьи конечности были связаны кожаными ремнями, ибо индийцу стоило меньшего труда нести этого шпиона на своей могучей спине, чем вести его с трудом по утомительному ущелью.

Пленника допросили о его хозяине, Оксиартесе, но он отказался говорить. Его бичевали, но он молча терпел удары плетью, хмуро глядя на своих врагов, пока Хузим не раздобыл пыточное железо, зажал его на голой ноге бактрийца и закрутил винты; тогда дух несчастного сломался; он закричал о пощаде, обещая открыть все секреты, которые ассирийцы пожелают узнать. Менон кивнул и знаком приказал Хузиму держать железо у ноги пленника, затем сурово обратился к страдальцу:

"Говори, - приказал он, - но помни, парень, что нам многое известно, и за каждое ложное слово, сорвавшееся с твоего языка, этот винт будет на волосок погружаться в кость твоей лодыжки".

Угроза оказалась действенной; путем быстрых и ловких расспросов Менон узнал, что Оксиартес поджидал Нинуса у выхода из глубокого ущелья на гребне самого высокого горного перевала, где, благодаря возвышающейся местности и громадным скалам по обе стороны, он мог сокрушить ассирийцев, даже если бы это дьявольское железо впилось в ногу пленника.

Менон размышлял, ибо дело было злым и требовало всего его мастерства. Возможно, пленник солгал, пытаясь отвлечь еще один отряд от багажных поездов, когда скрытые горцы могут ворваться в долину, разбить боевые машины и нанести смертельный удар по планам осады. С другой стороны, если Нинус в своей самоуверенности запутается в узком ущелье, то судьба Ассирии будет предрешена.

Менон замешкался. В его ушах зазвучал навязчивый шепот:

"Пусть Нинус умрет! Зачем смертному защищать врага, который преследует его за жестокость? Оставь его на произвол судьбы! Мчись обратно в Ниневию, к цели, о которой мечтало сердце!"

Этот сладкий шепот был приятен, но другой голос внутри него взывал к славе Ассирии и к жизни тех, кто попал в западню. Должен ли он запятнать память воина убийством своих друзей - тех, кто вместе с ним сражался в Сирии против курдов? Клянусь дыханием Иштар, нет! Семирамида презирала бы его, как того заслуживала слабость малодушного!

Через мгновение в шатре Менона собрались офицеры и вожди, которым он быстро отдавал приказы. Лагерь в долине внезапно ожил. Дремавшие воины проснулись, откинули плащи и молча, с нетерпением стали собираться в группы; тяжелые доспехи остались позади, их спины не сковывал никакой груз, кроме оружия, мешочков для еды и кожаных фляг для воды и вина.

В долине телеги и повозки были выстроены в одну огромную овальную баррикаду, а волы и тяговая скотина были запряжены в нее. Под колесами лежали люди, которые спали, опираясь на оружие, а тройные дозорные стояли на аванпостах и высились над обрывами. Багажный обоз представлял собой крепость, способную продержаться до тех пор, пока Менон не доберется до своего короля, нанесет удар по врагу и поспешит обратно.

И вот войска двинулись в путь: Менон в фургоне, а рядом с ним - верный Кедах, служивший в Сирии и по мановению руки хозяина готовый перемахнуть через край пропасти. На три копыа впереди шел бактрийский шпион, который, выбирая между пыточным железом и мешком золота, обещал провести ассирийцев более коротким путем к месту, где скрывался царь Оксиартес; но, чтобы он не предал своего доверия, на его шее завязали петлю, и Хузим следовал за ним по пятам.

Тем, кто с наступлением рассвета мчался по скользким горным тропам, огибая глубокие пропасти, перепрыгивая с камня на камень, где их подстерегали потоки, непрерывные тренировки в лагере Менона теперь были как нельзя кстати. Прохлада высоты больше не ощущалась, и кровь солдат бурлила в жилах, а конечности становились влажными от трудового пота. Они поднимались все выше и выше, то отклоняясь к западу широким обходным путем в надежде зайти Оксиарту в тыл, то стремительно сбегая по пологому склону, то цепляясь, как мухи, за лицо головокружительного обрыва, то снова поднимаясь вверх по узким, извилистым тропам.

Наконец они добрались до места, где Нинус со своим отрядом прошел, когда вошел в ущелье, выходящее на вершину горного хребта; и когда Менон приостановился, до его слуха донесся отдаленный стук колес колесниц, которые арьергард тащил за собой по каменистой тропе.

Менон не мог не остановиться. Броситься в эту мрачную пропасть означало лишь стать частью ассирийской бойни, когда битва разгорится; ни один лазутчик не смог бы предупредить его, ибо за походом Нинуса, вне всякого сомнения, следовали бактрийцы, которые не дадут ему отступить. Советовать царю о надвигающейся судьбе было выше сил Менона и его стратегии; но что, если в конце концов его путешествие не принесет никаких плодов, кроме знаний глупца, которого призраки заманили отказаться от доверия? В воображении он представлял себе стаи волосатых горцев, которые спускались по склонам скал в долину, набрасывались на его повозки и били его людей под колеса. Он слышал их победные вопли, чувствовал запах дыма, когда огромное красное пламя с ревом бросалось на его бесценные военные машины, а обезумевшие скоты носились туда-сюда, топча его людей под своими бешеными копытами.

Менон бросил взгляд в сторону отступающих, и если суд послужил ему во вред, то на что надеяться той, что взирала на стены Ниневии, прислушиваясь к шагам любимого человека, идущего в ночи? Он запнулся, но, пока стоял в нерешительности, в памяти всплыло воспоминание о том, как Семирамида наставляла глупую служанку в их доме в Азапе:

"Ты, дитя!" - укоряла она. "Как только ты решишься на какое-нибудь дело, сразу же иди и делай его, оставляя оборванные нити последствий собирать в последующие дни".

Менон вытер бисеринки пота со лба и дал команду двигаться. Он разделил своих воинов, приказав Кедаху взойти на высоту справа от ущелья, а ему с равным отрядом - слева; таким образом, две длинные колонны разошлись в разные стороны от центра и вскоре скрылись среди жухлых скал.

Целый час они пробирались по неясным тропам, держась края щелевидного горного прохода, который обозначал поход Нинуса в глубину. Они двигались быстро, но осторожно, чтобы грохот оружия или камня не предупредил врага, а под ногами слышался стук копыт трех с лишним тысяч боевых коней, сонно понурившихся, и Менон со своими людьми мчался дальше, чтобы добраться до фургона.

Наконец ночной мрак начал рассеиваться. С востока подкралось серое пятно. И вдруг холмы проснулись: раздался грохот оружия, звон падающих камней, крики людей и вопли пораженных коней.

"Слишком поздно!" - вздохнул Менон, глядя вниз, в тенистую пропасть, откуда доносились звуки бури. "Слишком поздно! Но, возможно, рука Иштар задержала мою скорость!"

ГЛАВА XVI

ПЕРЕВАЛ КЛИНА

Для армии Нина ночь прошла без тревог, ибо впереди шли разведчики, которые следили за дорогой и подавали сигналы, что путь свободен от врагов. Вслед за лазутчиками двигалась масса конных копьеносцев, вооруженных мечами и щитами, - авангард царя, который покоился в своей царской коляске, которую несли рабы. За ними следовала еще одна орда всадников, дремавших на спинах своих неутомимых коней или ругавшихся на крутизну утомительного подъема. Позади катились тяжелые колесницы, лошади которых были почти измотаны трудом подъема и нуждой в воде для измученных жаждой глоток.

Медленно и еще медленнее ползло это могучее чудовище вверх по дороге, сквозь мрак, более густой, чем ночь, из-за возвышающихся скальных стен, которые закрывали его от ледяного ветра, ищущего щели в доспехах или швы кожаных плащей. Потом дорога стала еще труднее, потому что с приближением рассвета горный проход становился все более узким в своей расщелине, пока далеко над головами всадников скалы не уперлись в землю, оставив между ними лишь ленту неба, усеянного звездами.

И вот ущелье внезапно оборвалось, словно разорванное на части гигантами какой-то забытой эпохи. Земля по-прежнему клонилась к хребту Гиндукуша, но склоны холмов обрывались по обе стороны, их лица были испещрены черными оврагами, извилистыми хребтами, спутанными засохшими кустарниками и отвалами расколотых скал.

Это место было известно путешественникам как Перевал Клинка, из-за его странного образования, напоминающего по форме некий раскалывающий инструмент, который раздвигает две вздымающиеся горные спины. В самом узком месте перевала могли проехать шесть колесниц, а в самом широком - тысяча всадников, стоящих фланг к флангу; и здесь ассирийский авангард раскинулся как веер, радуясь, что наконец-то освободился от мрачного ущелья, сомкнувшегося над их головами.

И здесь коварный Оксиартес расставил свои ловушки: когда каждый ассирийский лазутчик проходил через проход, за его спиной возникала тень, и через мгновение петля обвивала его шею, а крик предупреждения замирал вместе с задушенным дыханием. Затем бактрийцы сами крались назад по тропе с сигналами, что дорога свободна, заманивая дремлющую армию к быстрому пробуждению от горя.

Так, в предрассветной дымке, передовые ассирийские всадники уперлись в барьер из наваленных камней, расщелины которых были заполнены живой изгородью из посаженных копий. Слишком поздно всадники остановили своих коней и повернулись, чтобы предупредить своих преследователей. Со скал сверху вспыхнул факел, и по его знаку битва разразилась глубоким, бурным ревом, в котором крики людей смешались со стремительной лавиной камней, шипением древков и воем свинцовых пуль, бросаемых из рогаток. Огромные валуны, срываясь с крутых склонов, ударялись о дно, прочерчивая кровавые полосы сквозь тесную массу всадников, или, разлетаясь на куски, сбрасывали с коней десятки всадников.

Последние лошади миновали горловину ущелья, и по сигналу тревоги длинные вереницы колесниц вырвались наружу, чтобы встретить нахлынувшую, отступающую назад волну охваченных ужасом людей, каждый из которых искал спасения от ракет своих невидимых врагов и находил смерть в спешке колес. Лошади на колесницах вздымались и падали под шквальным

градом дротиков, падали и запутывались в упряжи, а другие колесницы врезались в них и наваливались на обломки.

Вспыхнул еще один сигнальный факел, и обезумевшая от крови Бактрия, казалось, разорвет на части сами холмы. В горловину ущелья посыпался шквал камней, пока не возникла курган из раздробленных колесниц и умирающих воинов, заслонивший выход, отрезавший путь к отступлению и заперший Нинуса с остатками его сил в смертельной ловушке.

Позади, в центре толпы, царь, пробудившись ото сна, вскочил со своей подстилки и сел на проезжавшего мимо коня; полуодетый, без доспехов и шлема, он поднялся на дыбы Ассирии. Это был не слабак, трусящий перед серьезной военной ошибкой, а царь, который покорял народы, приучая их, как собак, лизать его руку; а когда они рычали, он ходил среди них с кнутом. Что ему до того, что враги его скрыты среди высот, а армия его корчится во мраке? Царь был царем, и опасность текла по губам повелителя людей, как материнское молоко.

В полусвете Нинус возвышался над своими приверженцами, его обнаженные руки были подняты вверх, его великий голос отдавал приказы, пока те, кто потерял рассудок от внезапной ярости нападения, не набрались храбрости в бесстрашном облике своего повелителя. Там, где метавшиеся, беспорядочные отряды бегали между собой, мешая обороне и раздувая факел паники, теперь они отступали назад со стороны долины и зоны отвесных скал, поднимая щиты, чтобы защитить свои головы от ливня стрел и мелких камней. Там, где всадники оказывались помехой, они распрягались, и пока одна группа отправлялась вперед, чтобы разрушить заслон из копий, другие устремлялись по склонам холмов, карабкаясь вверх с помощью выступающих корней, в доблестной попытке выбить врагов; но бактрийцы отбивали их дикими ударами копий и копьев. Стоило ассирийской голове подняться над каким-нибудь выступом, как дикоголосый горец разрубал ее топором и громко смеялся, когда труп падал вниз, сам превращаясь в снаряд, мешающий продвижению своих друзей.

Снова и снова штурм пресекался, пока альпинисты не оступались и не падали вниз по склону, а бактрийцы кричали о своем триумфе сверху, и гнев Нинуса не знал границ. Он неистовствовал, поражая мечом каждого летящего воина в пределах его досягаемости, проклиная их трусость и прыгая с коня, чтобы возглавить последний безумный натиск на своих врагов.

Были и те, кто хотел бы спасти своего короля, и они бросились на него и вцепились, как извивающиеся угри; но даже когда они боролись, среди скал поднялся еще более громкий крик, и борцы замерли в благоговейном страхе. Вместе с криками раздались резкие тревоги, а бактрийские валы были нацелены уже не на дно долины, а вверх, на скалы. Царь Нинус смотрел и удивлялся. Рассветный мрак быстро редел; огромные клубы тумана, плывшие среди вершин, разматывались и исчезали, рассеиваемые переменчивыми ветрами или всасываемые в жаждущие глубокие дефиле. Красное солнце поднялось над рваным отрогом, бросая свой факел надежды на заваленный смертью перевал, а на высотах по обе стороны теплый свет освещал руки Менона и Кедаха, которые вели своих людей.

Как раньше Бактрия наседала на войска Ассирии внизу, так теперь принц Менон с высоты своего полета громил бактрийцев, уничтожая их стрелами и пращами, камнями и стволами поваленных деревьев. Вместе с Кедахом пришли сирийские горцы, молчаливые и безжалостные, а Менон вел за собой раскосых горцев из страны Наири, для которых поединок был как пиршество с вином. Они пели, проносясь по скалам, глумились, издевались, убивали, хватали павших врагов там, где другие ракеты не помогали, и бросали их тела на головы тех, кто был внизу.

В ущелье люди короля снова карабкались вверх по склонам, хватаясь за ноги и ступни врагов, вытаскивая их из расселин и расщелин. Вскоре двое врагов сцеплялись на каком-нибудь узком

выступе, падали и падали, продолжая драться ногтями и зубами, пока удар смерти не освобождал их из яростных объятий. Бактрийцы, пытавшиеся улететь, с криками мстительной радости были настигнуты внизу на остриях копий, а те, кто держался на ногах с мужеством отчаяния, были убиты там, где стояли, ибо пощады они не просили и не получали.

В каменной преграде, протянувшейся через ущелье, был пробит пролом, и царь, чтобы ослабить давление внутри, вывел три тысячи всадников и ворвался на пологий склон; едва он освободил проем, как Оксиартес с тучей всадников появился в поле зрения и с грохотом обрушился с холма. Они намного превосходили ассирийских коней и имели заметное преимущество благодаря своему вихревому натиску; однако сердце царя сжалось. Это был не невидимый враг, бросающий камни с заоблачных высот, а противник, с которым можно было сразиться на ровном месте, меч на меч и щит на щит - противник, которого можно было победить во славу своей силы или освободить от тяжести королевского седла.

"На них!" - крикнул он и отпустил уздечку, а его последователи с радостным криком устремились за ним. С громогласным ревом всадники встретились, их лошади вздыбились от удара, бьют копытами или опрокидываются назад на тех, кто наседали сзади. На мгновение бактрийцы и ассирийцы отшатнулись, затем перевели дух и принялись за военное дело - смертельную, чреватую судьбой борьбу: победа доставалась то Нину, то храброму царю Оксиартесу, и так вожди состязались в ратных делах. Наконец они встретились, меч Нинуса звякнул о клинок бактрийца, и некоторое время они молча смотрели друг на друга через щиты, а затем поднялись в седлах для удара скипетром, который должен был ознаменовать падение царства.

Но судьба распорядилась так, что этому удару не суждено было состояться: вожди были сметены нахлынувшим потоком людей, и каждый был вынужден омочить свой клинок в крови более ничтожных врагов, а спутанная, сражающаяся масса снова двинулась вниз, когда тяжесть силы Оксиарта начала давать о себе знать. Медленно, нога за ногой, ассирийцы сдавали позиции, несмотря на Нинуса и его могучую руку, пока отстающие всадники не уперлись в каменную преграду или тщетно боролись в ее узком проломе.

Царь, конечно, был в тяжелом положении, но теперь со склонов холмов Менон и Кедах жалили бактрийцев в бока, доставая их полетами древков, которые пронзали подмышки, вонзались в шею или незащищенную спину, а сирийские пращники метили в своих и хрюкали от усердия. Свинцовая пуля угодила царю Оксиартесу в шлем. Он попятился и уже хотел упасть под копыта своего коня, но тут сзади вскочил воин, схватил его за шиворот и направил доброго коня назад, на бег.

Лишившись своего вождя, бактрийцы умилили ярость и, опасаясь, что день потерян, повернули назад и стали искать безопасное место для отступления. Горцы Наири преградили им путь, но были сбиты, как восточный ветер сметает озеро, хотя многие кони и всадники пали перед их копьями. Бактрийцы устремились вверх, а Нинус и его всадники наступали им на пятки, пока не достигли вершины горы, и избитая армия, словно лисы, бежала на равнину. Их царь доблестно боролся за победу, а Нинус стоял, как завоеватель, на хребте Гиндукуша.

И вот из кровавого прохода появился целый рой сражающихся - ликующие всадники, кричащие возницы, Менон и его воины, которые всю ночь бежали, чтобы защитить славу Ассирии и славу ассирийского царя.

Взгляд монарха упал на принца Наири, шедшего к нему сквозь толпу, и сердце его потеплело от старой, сильной любви, которая дремала, но не умерла. Ему захотелось забыть о глупостях этого юноши, взять руки Менона в свои и прижать их к груди; но улыбка внезапно исчезла с его губ, чело омрачилось, а протянутые руки медленно опустились на бока. На языках толпы раздался

крик - крик, который прокатился по дрожащим холмам, пока его эхо не отразилось от тысячи скал; и имя, которое он выкрикнул, было не имя повелителя Ассирии, а Менон! Менон! И царь похолодел от гнева. Змея ревности обвилась вокруг его сердца и, нанеся удар, ужалила его до глубины души.

"Как же так!" - спросил он. "Что это за хитрость, из-за которой ты наступаешь мне на пятки? Возможно, молча сидя в шатре нашего совета, ты знал об этой опасности на нашем пути, но не произнес ни слова, надеясь извлечь выгоду для себя".

"Нет, повелитель, - смиренно ответил Менон, глядя в глаза своему господину, - слишком поздно, чтобы предупредить тебя, я узнал от захваченного шпиона об этой ловушке за перевалом и поспешил более коротким путем через холмы, с таким большим отрядом, какой я осмелился отделить от армии, оставленной на страже."

"Правдоподобная история!" - насмеялся разгневанный монарх, хотя в глубине души знал, что Менон говорит правду. "Возвращайся к моим повозкам, которые оставлены как заманчивая приманка для наших бдительных врагов! И запомни, - крикнул он, сжимая кулак, - приведи мои склады и мои военные машины невредимыми к стенам Зариаспы или отчитайся перед Нинусом за преданное доверие!"

Принц Менон покраснел, затем снова побледнел, пытаясь сдержать разгоряченный язык.

"Да будет так", - надменно ответил он и повернулся на пятках; но Нинус вернул его обратно, ибо до него дошло, что его слова были поспешными и ранили умы тех, кто их слышал.

"Что ты хочешь, - спросил он, - в уплату за свой поступок? Где Ассирия должна, там Ассирия и заплатит, и не побрезгует ценой. Что же ты получишь от рук царя Ассирии?"

"Ничего", - ответил Менон, глядя на своего господина ровным взглядом. "Есть торговцы рыбой, которые продают свой товар на открытом рынке. Воин может купить, но воин не скажет, даже владыке Ассирии".

Он снова повернулся на пятках и, приказав Кедаху собрать своих воинов, зашагал по склону горы в обратном направлении, а царь мрачно смотрел ему вслед и не произносил ни слова.

Нинус мог бы простить неудачу, но триумф Менона раздражал его, как раздражает рану плохо наложенная повязка.

ГЛАВА XVII

В ТЕНИ ЗАРИАСПЫ

Со стен Зариаспы бактрийцы наблюдали, как осаждающая армия спускается на равнину. Сначала шли конные воины, остановившиеся у подножия горы: одна половина разбила свой лагерь и охраняла дорогу, которую выравнивали стаи рабочих, а другая половина прочесывала окрестности, чтобы захватить выгодные позиции или отбить конные и пешие отряды врагов, стремившихся войти в город и подкрепить его силы. Затем следовали длинные вереницы колесниц, пока глаза бактрийцев не заболели от блеска горделивого строя. Эта вторая армия, выйдя на равнину, тоже начала разделяться, растягиваясь на восток и запад, подобно двум огромным, ползучим рукам, тесно обхватившим город. День проходил за днем, пока военные машины не замерли в круге на расстоянии шестисот локтей от стен; затем появились пешие.

Как саранча опускается на землю, так и эта орда налетела с холмов, пока земля не скрылась, а травинки не погибли под их шагами. Как разделились конные и колесничные войска, так

разделились и пешие: они перебежали то на восток, то на запад, то садились за внешним краем осаждающего круга.

Ассирийцы не штурмовали стены, так как их боевые машины нужно было сначала спустить с гор, установить катапульты и башни; но армия не бездействовала. Отряды отправлялись на фуражировку, складывая запасы среди холмов, где был разбит лагерь припасов. Здесь скот откармливали на плодородных склонах, где в долинах поблизости была вода. Здесь срывали траву и уносили ее в качестве корма для колесниц. Здесь же под охраной сильного резерва вьючные поезда доставлялись в лагерь, ибо прокормить армию - задача не из легких. Под лагерем десять тысяч рабов непрерывно трудились среди скалистых пустошей, наваливая огромные камни на деревянные сани, оттаскивая их и снова наваливая для использования в ожидающих катапультах. Другие рабы наполняли водой шкуры, которые пристегивали к спинам ослов и гнали их в дальние места, где не было источников и ручьев; так продолжался труд людей.

На возвышенности среди холмов, где три долгих года назад царь сидел на коне и наблюдал, как армия разбивает свой лагерь, Нинус теперь сидел перед своим шатром, отдавая распоряжения своим войскам внизу. В то время как он строил Ниневию, этот великолепный город обороны, теперь он заложил тысячу городов для нападения. Подобно шинам колеса колесницы, его войско охватывало центр Зариаспы, спицы которого представляли собой длинные, широкие проспекты, сходящиеся к городским стенам и предоставляющие беспрепятственное пространство для передвижения его людей или для доставки продовольствия голодным хозяевам. Каждая спица была четкой линией, разделявшей заставы отдельного лагеря, которым командовал вождь, подчинявшийся вождю, а тот, в свою очередь, подчинялся царю.

Этот план войны показался Нину хорошим, и в своей радости он забыл обо всем остальном, кроме огня могущественного завоевателя; но когда его двигатели были вытаснены на равнину и установлены на выгодных точках в пределах его линии, он вспомнил о Меноне, и его сердце снова похолодело.

Этот человек спас авангард Ассирии от поражения, да, даже жизнь Нинуса он спас и тем самым завоевал любовь множества людей, которые были свидетелями этого поступка. Справедливость взывала к царю о прощении, но напрасно, ибо справедливость - лишь пушинка на весах ревности.

"Нет, - угрюмо пробормотал монарх, - его я не прощу; но, чтобы эти глупые вожди не роптали между собой, я выполняю свои заветы".

Поэтому он позвал Менона в свой шатер и, отпустив стражу, чтобы никто не мог подслушать его слов, произнес:

"В Сирии я поручил тебе дело и велел жениться на Созане, когда все дела в той стране будут завершены. Ты - слуга, а цена непослушания - самый тяжелый долг, который должен заплатить слуга. Если же ты осуждаешь меня за то, что я отказываюсь от своей любви, подумай о том, как я доверился тебе и как обманулась моя вера".

"Господин мой, - ответил принц, - молю тебя, позволь мне говорить так, как в другие дни твое ухо терпеливо внимало моим словам". Нинус кивнул, и юноша продолжил: "Во всем, кроме одного, я ставил желания короля выше стремлений своей воли. В детстве я носил его кубок с вином, повинуюсь его легкому кивку. От него я научился военному искусству и служил ему, завоевав четыре десятка земель, не жалея ни сил, ни крови, чтобы принести ему победу. Когда Ниневия поднималась из земли, я отправился в Аравию, померился мечом с принцем Боабдулом и заключил договор, по которому Ассирия получила мир на пограничных землях. Он принес тебе жеребцов с равнин Барбары и армию конных бедуинов; он принес тебе мир в сердце, ибо враги

твои теперь твои друзья. В Сирии я правил до наступления лета в третий раз и не жалел о непрерывном труде своих рук. Для нужд моего господина в Ниневии я опустошил богатства всех сирийских племен, кроме одних Сынов Израиля, чью хватку на сокровища еще не родился ни один смертный, чтобы ослабить ее с выгодой для себя."

"Ах, добрый мой господин, у меня нет желания разглагольствовать, но, как человек человеку, я говорю тебе простую правду, убеждая, что преданность всей жизни превосходит тяжкое неудовольствие моего царя".

Нинус был тронут. В душе он любил этого юношу так, как не любил никого другого во всем Ассирийском царстве, и теперь он сидел в задумчивости, положив подбородок на руку, и смотрел на армии у своих ног, но не видел их. Он прекрасно знал цену подвигам слуги; прекрасно знал, какой силой обладает Менон среди солдат, которые после битвы на горном перевале вознесли его на вершину славы. При осаде города меч Менона будет возвышаться как башня силы, но не затмит ли он меч короля? Что даст падение Зариаспы, если имя Менона будет звучать на языке победителей? Может ли одна колесница вместить двух богов войны? Нет, не может, ибо один должен ехать, а другой поражать врага. Кто же должен орудовать кнутом, а кто копьем? Клянусь Гибилом, лучше уж пусть виноград триумфа висит неощипанным, чем смотреть, как соперник веселится на его соке! Но Нинус был Нинусом, и чего ему было бояться безбородого вождя?

"Слушайте!" - сказал король. "Молитва твоя услышана, и гнев мой, вместе с твоим проступком, будет забыт, как мы очищаем наши клинки увлажненным песком. Во славу Асшура должна пасть Зариаспа, и Менон последует за Нинусом сквозь ее разбитую раковину".

На глазах принца навернулись слезы благодарности, и он хотел поцеловать мантию своего господина; но тот поспешно отстранил его, ибо сквозь пелену памяти заглянула женщина, и улыбка ее была насмешливой.

"Нет, не так быстро, - прорычал король Нинус. "Вьюк торговца облегчен, пока его кошелек не поглотил выгоду. Чтобы насладиться плодами любви монарха, сначала нужно устранить причину печали".

"Что ты имеешь в виду, мой господин?" - спросил Менон, поднимаясь с колен; король мрачно улыбнулся, расчесывая бороду.

"Оставь Шаммурамат - больше не мечтай о ней - и возьми дочь Рамана-Нирари в свою опочивальню".

При этих словах царя в глазах молодого ассирийца вспыхнул гнев, но он сдержал свой язык и молча стоял под взглядом тирана. Долго стоял он так, но наконец ответил:

"Господин мой, если бы Шаммурамат приказал мне вырвать память о Нинусе из моего сердца, я бы ответил так, как отвечаю сейчас, но этого может и не произойти. Твоя служанка - та, кого Созана не любит, а для меня она не более чем друг и дочь моего царя. Шаммурамат - моя по воле Иштар и по слову моего господина, данному в залах Ниневии. С ней, и только с ней, я буду делить ложе и пищу, пока богам не будет угодно расторгнуть наши обеты".

"Да будет так", - ответил Нинус и указал через долины на освещенные солнцем равнины.

"Обратите внимание на дорогу, которая идет от подножия холмов к южным воротам города! За ней на востоке лежит половина моей армии. Идите туда и примите командование. Запад - мой. Раз уж Менон пошел наперекор воле короля, то и он пойдет наперекор моей силе, и в падении Зариаспы окажется лучшим".

Принц Менон ничего не ответил, а только смотрел на дальнюю дорогу, которая разрезала осаждающих на две части, как нож делит буханку. На востоке лежали выжженные солнцем равнины, где было мало воды и камней, а на западе - плодородные долины, где паслись откормленные воны, и склоны холмов, изобилующие камнями, которыми можно было питать катапульты. Кроме того, на западе были установлены самые тяжелые штурмовые орудия, а на долю Менона выпали более легкие башни и слабые катапульты неуклюжей и старой конструкции.

Легко понять, почему Нинус выбрал запад, ведь все ресурсы были у него под рукой. Его форпосты контролировали все горные дороги, а лагерь снабжения располагался в пределах его линии, откуда продовольствие и вода должны были доставляться восточной армии через изнуряющие полосы. В случае контрнаступления, атака должна была осуществляться с пограничных земель вдоль реки Оксус, таким образом, восток должен был нести основную тяжесть каждого нападения, а скифские всадники были склонны наносить удары в часы сна.

Менон быстро отметил мудрость выбора монарха, но скрыл свой гнев и сказал с насмешливой улыбкой:

"Мой господин, здесь проявляется щедрость повелителя, ибо в восточном лагере солнце встает первым, и это дает мне более долгий день для борьбы с моими врагами. Я приношу тебе свою благодарность, о владыка земли и неба, и да улыбнется Иштар тому, кто первым встанет на цитадель".

Тогда Менон повиновался, сел на своего доброго коня Скимитара и поскакал на восток, а царь смотрел ему вслед, расчесывая бороду.

Когда Менон достиг своего лагеря, он вошел в свой шатер и сразу же позвал к себе Хузима. Индийцу он пересказал все, что произошло, и доверил ему то, чего нельзя было дать другому.

"Хузим, - начал он, - среди всех, кто служил мне, нет никого, подобного тебе в вере и любви; но теперь я должен прибавить к моему долгу еще одно опасное и трудное задание. Пойди тайно в Ниневию и там поговори с моей женой Шаммурапат. Расскажи ей обо всем, что я вдыхаю в твое ухо наедине, а затем организуй ее побег и вместе отправляйтесь в страну князя Боабдула, который даст вам обоим убежище. Когда это будет сделано, пришлите ко мне доверенного гонца, и я сам последую за вами".

Менон замолчал, и индеец некоторое время задумчиво смотрел на землю.

"Мой господин, - ответил он, - я сделаю это, как и во всем остальном, я служу своему господину, даже жизнью; но не лучше ли будет, если я подстерегу Нинуса, когда он будет охотиться среди холмов? Стрела в его горле..."

"Нет, - улыбнулся Менон, - мы не можем замышлять убийство против царя Ассирии, даже если мы будем жить из-за этого. Отправляйтесь к самым дальним заставам нашего лагеря, а с наступлением ночи скрывайтесь за холмами. Пересеките их, избегая всех дорог и проходов, которые держат наши воины, а затем так быстро доберитесь до Ниневии, как подскажут мудрость и ваше ремесло. Если богам будет угодно, чтобы Шаммурапат достигла Аравии, охраняй ее там, Хузим, пока я не приду, чтобы доказать свою благодарность".

Индеец Менон дал индийцу мешочек с драгоценным металлом для нужд по дороге в Ниневию и для бегства оттуда; затем Хузим обнял колени своего господина и исчез на юге.

* * * * *

За три долгих года мира, наступившего в Бактрии после первого нападения Ассирии, люди не лежали в бездействии, а усердно трудились против второго пришествия царя. Если Нинус шел на небольшие города, то находил их стены безлюдными, улицы - пустынными, если не считать забытых собак, дома - без жителей и магазинов. За рекой Оксус расположилась конная армия бактрийцев, но она была слишком многочисленна и быстроходна, чтобы преследовать ее до того, как будет разрушен их главный город; поэтому Нинус не преследовал их.

За годы мира Зариаспа также претерпела изменения: ее стены были усилены и увенчаны выступами, с которых осажденные могли смеяться над лестницами, которые устанавливали их враги, а многочисленные ворота были заделаны каменной кладкой. За исключением одного места на северо-западной стороне, где равнина спускалась в глубокий и сухой овраг, бактрийцы вырыли мощный ров вокруг своих стен, хотя откуда бралась вода, наполнявшая этот ров, было тайной столь же мрачной, как и источник пищи в городе. Никто не мог пить эту воду, чтобы не заболеть и не умереть с распухшими телами и обесцвеченной плотью, ибо на самом деле ров был отравлен из-за выбрасываемых в него отбросов.

Днем бактрийцы толпились на крепостных стенах, осыпая врагов оскорблениями, а ночью стены освещали мангалы, зажатые под камнями, и подавали смолу через щели, пробитые в кладке. Таким образом, парапеты были окутаны непроглядным мраком, в то время как внизу, на стенах, горел свет; и горе тому, кто пытался переплыть траншею и забраться наверх.

Со всех сторон ассирийцы начали засыпать эту траншею и трудились для этого, бросая камни и отходы лагерных материалов с помощью своих катапульт. Ночью за дело бралось множество рабов, и вдруг из темноты выбегала орда обнаженных мужчин, каждый из которых нес на голове мешок с песком, каждый сбрасывал свою ношу в траншею и стремительно отступал, хотя многие были убиты, и проходили утомительные дни, прежде чем тяжелая работа была закончена.

С западной стороны города царь Нинус сразу же начал ожесточенный штурм, и с рассвета до заката крепостные стены оглашались грохотом могучих камней. Огромные скрипучие башни из дерева, покрытого металлом, были придвинуты к стене, а с их качающихся вершин ассирийцы наводили мосты, сражаясь с бактрийцами врукопашную. Вскоре они закрепились среди своих врагов, которые отбивались от них мечами и копьями или разрушали их башни с помощью двигателей странной и дьявольской конструкции. Эти двигатели, установленные на колесах и перетаскиваемые в заданные точки вдоль парапета, были выполнены в виде могучего лука, чьими снарядами были стволы деревьев с заостренными остриями. Эти стволы пропитывали маслом и смазывали смолой или камедью, а перед запуском поджигали, после чего они врезались в неуклюжие башни, чтобы залить и окутать все пламенем, а задохнувшиеся ассирийцы прыгали вниз и погибали или жарились в обломках. Так, в течение целой луны, царь Нинус трудился, не испытывая ничего, кроме горечи поражения, тяжелой потери своих воинов и разрушения своих штурмовых орудий.

На восточные стены Зариасы Ассирия не нападала. Менон предвидел, что город должен быть завоеван стратегией, а не силой; поэтому он привел в порядок свои лагерь, заботясь о здоровье и комфорте своих людей, прежде чем жертвовать их жизнями в бесплодной осаде.

Чтобы не так тяжело было носить воду с дальних холмов, он велел вырыть колодцы в каждом лагере; и когда он вырыл эти колодцы, многие из которых достигали глубины тридцати локтей, его мудрость была вознаграждена щедростью Матери-Земли. К северу рытье было напрасным, а к югу из более мелких колодцев лилась прохладная, сладкая вода, и причина этого была в тяжком недоумении, хотя впоследствии решение загадки оказалось для Семирамиды простым делом.

Затем Менон выстроил свои колесницы в две линии и наклонил их на хвосты. От их вертикальных упряжных столбов он протянул широкие навесы из ткани и травы; таким образом, в полуденный зной, который с наступлением лета становился все более свирепым, его люди могли отдохнуть под благодарной тенью. Это очень обрадовало ассирийцев, и там, где не было колесниц, они всадили свои копья и придумали крышу из виноградных лоз и ветвей деревьев. Невелика была эта мысль для простых воинов, но она полностью купила армию, и на принца смотрели с гордостью.

Тогда Менону пришла в голову мысль, что если он один сможет видеть за городскими стенами, то сможет добиться заметного преимущества перед королем; много дней он перебирал в уме эту проблему, пока вдруг не рассмеялся вслух и не призвал к себе гонца. Вскоре этот гонец поскакал на юг, огибая городскую стену, пока не пересек разделительную дорогу и не подъехал к западному лагерю, где застал царя Нинуса в раздраженном настроении.

"О царь, - сказал гонец, падая на колени, - мой господин передает привет владыке Земли и Неба и говорит устами своего покорного раба. Из-за высоты стен Зариаспы владыка Ассирии не знает, что делают бактрийцы внутри; поэтому мой господин настоятельно просит поднять над равниной мощный курган земли на высоту сорока локтей".

"Как же так!" - гневно воскликнул Нинус. "Почему я должен совершать эту глупость?"

"Нет, повелитель, - ответил гонец, - я лишь пересказываю слова моего господина. С вершины этого кургана король мог бы расположить свои войска с более широким обзором и, кроме того, отметить самые слабые места в стенах врага. Вот, господин мой, и все, кроме твоего царского ответа, который мой господин поручает мне нести".

Если бы Нинус сам разработал этот план, он мог бы показаться ему хорошим; однако, исходящий от Менона в виде отеческого совета и произнесенный в присутствии целого ряда вождей, он вызвал гнев монарха. Его чело почернело от гнева, он поднялся и отшвырнул посланника ногой.

"Возвращайся, - прогремел он, - и скажи, что Нинус сражается на земле, а не так, как коршуны над облаками. Призови также этого болтуна попрiderжать язык, чтобы Ашсур не искусил меня и я не отрезал его. Сгинь!"

Так гонец вернулся к Менону, который улыбнулся гневу своего царя и сразу же начал возводить курган на востоке, в то время как Нинус с запада все еще бил по стенам тяжелыми камнями.

Много дней и ночей восточный лагерь был отдан потному труду, пока локоть за локтем поднимался чудовищный курган, который и по сей день можно увидеть на равнинах Бактрии. И в то время как этот труд шел полным ходом, на солдат возлагалась другая, еще более утомительная задача: с дальних холмов нужно было собирать камни для катапульт, и громко роптали те, кто совершал путь туда и обратно под солнцем.

"Мой господин, - заговорил Кедах, однажды подъехав к Менону, - наши вожди ропщут между собой, а люди восковые".

"Почему?" - спросил Менон, нежно положив руку на плечо своего друга.

"Потому что, - ответил Кедах, - они жаждут броситься на горло Зариаспе, но оружие ржавеет, и мой господин нанимает людей в рабы. Не следует, чтобы воины напрягали свои пальцы, перетаскивая камни через пески, или копали землю, чтобы воздвигнуть гору на равнине".

"Терпение, добрый Кедах, - сказал Менон, - гора уже почти готова, а что касается сбора камней, то мне приходит в голову другой план".

Он наклонился и зашептал Кедаху на ухо, и, пока он говорил, солдат ухмылялся, а потом громко рассмеялся и ударил себя по бедру. Кедах, посмеиваясь, поскакал прочь; и, как Менон шепнул ему на ухо, он в свою очередь шепнул на ухо начальнику каждого лагеря, который усмехнулся и потер ладони.

В ту ночь бактрийцы услышали за стенами мощный стук молота, а когда наступило утро, они с изумлением увидели возвышавшуюся в темноте линию строительных лесов странной конструкции. На вертикальных копьях висели куски тряпья, развевающиеся на ветру, как знамена, а через промежутки были установлены огромные чучела Оксиартеса и вождей Зариаспы в позах, уязвляющих их величественную гордость.

Ассирийцы вышли вперед с криками и таинственными знаками. Они танцевали, указывая насмешливыми пальцами на своих врагов на стенах, и склонялись в поклоне перед их уродливыми чучелами.

Бактрийцы не знали, какая стратегия скрывается за этими подмостками, поэтому они установили свои катапульты и обрушили на них шквал камней; тогда ассирийцы подняли вопль, крик ярости, и шум из их уст был велик. С горькими проклятиями они потрясали кулаками, атакуя врагов стрелами и пращами, но через некоторое время они угрюмо отступили за опасную черту. Когда наступила ночь, бактрийцы снова услышали удары молота, а утром обнаружили, что эшафот снова установлен на месте, хотя и на шаг или два дальше от стен. На этот раз зариаспийцы смеялись и разнесли работу в щепки камнями из своих метательных балок, а дети Ассирии проклинали их до тех пор, пока дело не было сделано.

Семь ночей отстраивались подмостки, каждую ночь на шаг или два удаляясь от катапульт, но каждый день враг находил расстояние и сбрасывал их на землю. На седьмой день чучела Оксиарта и его вождей были подвешены за шеи на веревках и поставлены на самый дальний прицел бактрийских машин. На эшафотах толпился целый рой солдат, которые то выкрикивали хвалебные песни, то бросали гнусные оскорбления своим врагам, доводя их до ярости именами невиданной доселе мерзости. Тщетно бактрийцы пытались поразить своих насмешников, они старались до середины дня, но их снаряды не попадали, и Менон сидел на вершине своего кургана, насмехаясь над Оксиартом.

Лазутчики Нина принесли ему весть о странных поступках Менона, и, не понимая причины этих событий, царь вспылал любопытством. На своей колеснице он поехал в восточный лагерь, за ним ехал раб, который держал над головой пернатый щит, ибо жара в этот день стояла такая, что многие погибли.

Издали монарх разглядел курган, на котором сидел Менон, и до Нина дошло, что его полководец отдыхает там, где дуют благодарные бризы, а он, владыка всей Ассирии, должен потеть на пекле, и это сильно раздосадовало его. Также он заметил на пол-лиги строительные леса, на которых сидело множество праздных людей. Зачем Менон тратит часы дня, когда перед его глазами лежит непобежденная Зариаспа? Должен ли Нинус трудиться, чтобы прокормить эту ленивую ораву, променявшую ратный труд на детские забавы? Клянусь славой Асхура, это позорное явление должно прекратиться!

"Спустись!" - крикнул он Менону, спрыгивая со своей медной колесницы; и Менон спустился и склонился перед царем.

"Что это за глупость, которая свершилась?" - спросил царь, указывая на отвратительные чучела, и с презрением произнес: "Неужели Ассирия должна ставить новых и ненавистных богов, чтобы поклоняться им на глазах у Бактрии?"

"Нет, повелитель, - смиренно ответил Менон, - мы не поклоняемся никому, кроме богов Ассирии и царя Ассирии".

Вокруг вождей поднялся ропот, и гнев Нинуса остыл под действием лести; но все же он нахмурился, и тон его речи был суров:

"Если это не поклонение, то почему вы должны трудиться семь ночей и смотреть каждый день, пока эти бактрийцы избивают ваши храмы до основания?"

"Мой господин, - ответил принц Менон, - наш восточный лагерь находится далеко от холмов, усеянных камнями, и чтобы облегчить труд перетаскивания камней через пески, мы одалживаем их у нашего доброго друга Оксиарта".

"Одолжить!" - вскричал царь. "Что ты имеешь в виду?"

В ответ Менон указал на землю за стенами, усеянную ракетами, которые бактрийцы бросали из катапульт.

"Посмотри, мой господин, что щедрые враги дают в уплату за наши колкости. Чтобы собрать такой запас камней, хватило бы двух изнурительных лун; однако Оксиартес бросает их мне за семь дней. Поэтому мы держим их в качестве временной ссуды, пока в скором времени не вернем их обратно".

На мгновение царь Нинус не произнес ни слова, но хмурый взгляд его исчез, и черты лица озарились призрачной улыбкой; затем он сел на колесницу и поехал на запад.

Веселые воины Менона подняли крик, и с наступлением ночи они собрали огромные груды камней, с помощью которых со временем они будут штурмовать стены Зариаспы.

ГЛАВА VIII

ИЗЮМ В УКСУСНОЙ ШКУРКЕ

По жарким коричневым улицам Ниневии торговал своими товарами финикийский купец. Его фигура, некогда огромная и величественная в своей силе, сгорбилась от старости, а седая борода спадала до пояса халата. Перед ним, на кожаном ремешке на шее, висел деревянный поднос, на котором были разложены его безделушки: безделушки из полированного металла, бусы из кораллов и резного дерева, кольца, амулеты и благовонные ароматы. Здесь же были браслеты, многозвенные цепи, платки из похожих на паутину тканей и аляповатых тканей, окрашенных секретными красителями из Моря Заходящего Солнца.

Из улицы в улицу пробирался купец, то и дело возвышая свой странным пронзительным криком, привлекавшим внимание к нему самому и к его товарам; так он торговался среди глупых жен Ниневии. Наконец, пройдя через рыночную площадь в более богатые кварталы города, он подошел к центральному кургану, на котором возвышался дворец царя. На западе террасы спускались до уровня улиц и ровных широких проспектов, которые тянулись до речных ворот; здесь же, где шел купец, стены кургана возвышались на двадцать локтей, скрывая царские сады, дремавшие в полуденном зное.

Снова и снова из горла старика вырывался его странный, резкий зов, похожий на крик испуганного журавля в полете; потом он приостановился, услышав радостный лай собаки и женский голос, резко напутствующий: "Мир, Хабаль, мир!"

Купец поспешил дальше, но у входа в узкий переулок свернул, еще раз крикнул и исчез, а в саду Семирамида прятала улыбку и пыталась успокоить скулящую пастушью собаку.

Когда наступил полдень, купец снова бродил за стенами сада, и теперь к нему вышел капитан стражи.

"Эй, старик!" - позвал солдат. "Иди за мной, ибо принцесса Созана желает взглянуть на твои товары".

"Нет, - улыбнулся купец, покачав головой, - мои безделушки украшают прелести простых девиц на рынке. Дочь короля презрела бы их, ибо цена их невелика".

Так говорил купец и, снова улыбнувшись, повернулся на пятки, но капитан грубо схватил его за мантию и прошептал на ухо:

"Глупец! Принцесса Созана просит лишь раз взглянуть на купеческий лоток. Идем скорее, чтобы я не заставил тебя идти, вонзив острие копья в твои окорока".

Старик вздрогнул от этой угрозы и покорно последовал за ним через бронзовую дверь, пробитую в стене. По узкой лестнице он попал в сады, которые царь Нинус разбил для удовольствия своих праздных часов. Здесь были пальмы и виноградные лозы из Сирии, цветы из сотни стран, диковинные для купца деревья и кустарники, благоухающие заросли, переплетенные крошечными тропинками. Здесь журчал фонтан, там бил искусственный источник, словно природа увлажняла землю, а бесчисленные птицы с блестящим оперением слетались попить.

Внезапно купец и его проводник оказались лицом к лицу с теми, кто их позвал. Под беседкой на каменной скамье сидела принцесса Созана в зеленом сямаре, усыпанном драгоценными камнями и золотыми нитями. Рядом с ней лежала Семирамида, облаченная в белое одеяние; но и без украшений ее красота намного превосходила красоту дочери царя. У ног Созаны лежал принц Меметис, египетский заложник, игравший с ее откинутой вуалью, а позади них стоял афганский немой, размахивавший чудовищным веером с плюмажем. Рядом не было никого, кроме Кишры, главного евнуха дворцовой стражи, которого Нинус оставил присматривать за своими домашними и пленниками, и который теперь в бдительном молчании сидел в стороне, устремив свой острый взгляд на лицо купца.

Старик опустился на колени, наклонился вперед, пока его лоб не коснулся земли, и посыпал голову пылью; затем, стоя на коленях, он выставил свои товары на обозрение женщин. Одну за другой он поднимал их с подноса, рассказывая об их достоинствах или силе священных амулетов; но ни одна из них не понравилась Созане.

"Видишь, - надулась она, дергая Семирамиду за рукав, - здесь нет ничего, кроме звенящего хлама, который могут носить рабы. Зачем ты привел этого торговца с улицы, чтобы утомить меня? Кишра! Прикажи ему уйти".

Евнух шагнул вперед, но Семирамида остановила его поднятой рукой.

"Нет, - умоляла она, - я просто хотела разбавить скуку этого часа, и эти безделушки мне нравятся, ибо много подобных я видела в Сирии".

Купец поднял голову, в его глазах зажегся огонек надежды; затем он пошарил в потайном уголке своего лотка и достал крошечную рыбку, вырезанную из малахита и подвешенную на кожаном шнурке.

"Ах!" - воскликнула Семирамида и захлопала в ладоши. "Смотри, Созана! Это символ Дагона, который сирийские пастухи носят на шее, когда бродят ночью по холмам. Купи его для меня, Кишра, ибо он будет оберегать от зла и принесет мир мне и тем, кому я служу".

Евнух нахмурился, но выполнил ее просьбу, а Семирамида вновь обратилась к подносу с безделушками.

"Ты знаешь землю Сирии, старик?"

"Да, госпожа, - ответил купец, сверкая глазами, - от склонов Ливана до Моря Смерти, от Иордана, где живут сыны Израиля, до Азапах и долины Аскалона..."

"Милая Иштар!" - вскричала Семирамида, вскидывая руки. "Мой дом, Созана! Он дошел даже до моего дома в Аскалоне!" Она рассмеялась и снова повернулась к купцу, ибо теперь она знала, что Хузим скрывается под одеянием финикийца. "Говори, - приказала она на сирийском языке, который был незнаком Кишре и ее друзьям, - говори, ибо они могут не понять. Какое послание от моего господина?"

Хузим ответил ей и рассказал об опасностях, которые подстерегали его господина повсюду. Он рассказал о битве на перевале, о гневе Нинуса и о том, как царь объявил, что приз достанется тому, кто первым встанет победителем в цитадели Зариаспа. Он рассказал обо всем, что повелел ему Менон, и хотя слова его были тяжелы от страха, Семирамида кивнула в знак счастья и захлопала в ладоши.

"Что он рассказал?" спросила Созана, и Семирамида ответила радостной улыбкой:

"Он рассказывает о моем озере, которое сверкает, как драгоценный камень среди холмов; о моих рыбах, которые плавают в нем, и о маленьком храме Дагона на берегу. Я вижу овец, которые пасутся днем, пока солнце не опустится за край пустыни, и один за другим костры пастухов проскакивают, мерцая, сквозь сумерки. Ах, Созана, моя, это сродни радости принца Меметиса, когда ему ночью снится серебряный Нил и могучие пирамиды".

Созана, повернувшись, с нежностью посмотрела на него, который улыбался ей в глаза, и позволила своей руке задержаться, когда египтянин поднес ее к губам.

"Говори, - вновь обратилась Семирамида к купцу, - ибо, говорю тебе, друг, когда я впервые услышала зов твоего охотника на нижних улицах, сердце мое забилося в груди, как Хабал распустил язык в искренней радости. Бедный Хабаль! Я закрыл его в своей комнате, чтобы он в радости не набросился на твою грудь и тем самым не обманул этого евнуха Кишру, который и сейчас смотрит на тебя с сомнением. Поэтому будьте кратки. Что еще о моем беспокойном господине?"

"Госпожа, - ответил верный индеец, - он требует, чтобы мы похитили Ниневию хитростью и отправились в страну принца Боабдула, куда господин последует, когда мой гонец принесет ему весть, что все в порядке".

"Да будет так", - сказала Семирамида, нахмутив брови. "Кишра, принеси вина этому пожилому человеку, который жаждет и хочет уйти".

Начальник евнухов ушел по своим делам, а Семирамида в его отсутствие быстро заговорила, хотя и улыбалась при этом:

"Иди, Хузим, и продавай свои товары через Ниневию днем, а ночью жди на дальнем берегу реки, где растут кувшинки. Если пройдет семь ночей, а я не приду туда, то пройди еще раз у стены сада, и Созана снова призовет тебя". Купи, Хузим, египетских безделушек, ибо ее возлюбленный из той страны, и пустяки покажутся ей ценными; если же Иштар улыбнется, я победу на берегу реки и отправлюсь в Аравию, как завещал мой господин".

Когда Кишра вернулся с чашей вина, принцесса с нетерпением выслушала рассказ купца о кольце, которое он видел и хотел бы найти. По его словам, оно было сделано из желтого металла в виде двух переплетенных змей. Оно было украшено лунными камнями, драгоценными камнями, священными для богини Исиды, которая проливала свой свет на землю фараонов далеко за морем; и Созана смеялась от счастья, уговаривая купить это кольцо, хотя за него просят цену в сто рабов. Купец обещал, пил вино, а затем, еще раз поклонившись, пока его лоб не коснулся земли, удалился, откуда пришел. На улицах внизу он улыбался, торгуя своими товарами, а те, кто был в саду, слышали его голос, то и дело возвышавшийся в крике испуганного журавля.

Прошло три дня, и Семирамида ломала голову в поисках путей бегства из Ниневии, но все было тщетно, ибо свобода казалась ей столь же далекой, как и цепи, сковывавшие ее конечности. На парапетах садовой стены с рассвета до рассвета стояли часовые, чтобы никто не мог пройти беспрепятственно или невредимым. Дворец был всего лишь тюрьмой на возвышенности, и хотя его залы по-прежнему кишели слугами и рабами, его порталы были запечатаны, пока царь вел войну с Бактрией. По ночам Семирамида делила покои Созаны, но не могла пройти мимо двери, потому что за порогом лежал евнух Кишра, веревка для занавесок была прикреплена к медному браслету на его талии. Если же ей и удастся по воле случая пройти через сторожевой пост в сад и спуститься по кирпичной насыпи, то все равно придется столкнуться с преградой городской стены или с медными воротами, закрытыми на ночь. Правда, подкупив дозорных, можно было бы пробраться к берегу реки, откуда переплыть Тигр было бы для дочери Деркетто все равно что ; но один неверный шаг - один добродетельный глупец, не пожелавший обменять честность на монету, - и Хузим могла бы напрасно ждать среди лилий.

Много бодрствующих часов Семирамида смотрела сквозь отверстие в крыше, не сводя глаз ни с мерцающих звезд, ни с колесницы Иштар, несущейся по небу. В ее беспокойном мозгу рождалась тысяча дерзких планов, каждый из которых был похож на надежду, а каждый заканчивался насмешкой, пока ее голова не раскалилась добела, а гнев не поднялся, чтобы поглотить ее в своей силе. Что! Неужели она, дитя богов, должна была упираться на каждом шагу, когда любовь вызвала к ней, а Менон сражался со своей судьбой в одиночку? Нет, клянусь дыханием Гибилы, этому не бывать! У нее не было ни золота, чтобы купить освобождение, ни драгоценностей, чтобы искушить жажду богатства похитителя, и все же... Внезапно Семирамида громко рассмеялась, и прекрасная Созана вздрогнула, проснувшись с криком.

"Нет, дитя, ничего страшного", - прошептала сирийка, поглаживая дрожащую руку. "Тише, милая, я лишь видела сон, и духи ночи принесли мне слова мудрости и мира".

* * * * *

Евнух Кишра сидел под пальмой, его разум был склонен к беспокойным мыслям. Он был отвратителен на вид: вздутый живот, толстый рот и хитрые глаза, выглядывающие из своих мешочков. Он долго служил в доме царя, а теперь был начальником дворцовой стражи и надзирателем за покоями, где жили женщины. Когда Нинус отправился в Бактрию, заднее крыло дворца было запечатано и вместе с садами отведено для Созаны и Семирамиды, а Меметис, египетская заложница, была заключена в дальнем дворе, под присмотром вождя. Царевна тосковала по любимому человеку и подкупом добивалась, чтобы его привели к ней; но Кишра боялся гнева Нинуса, и ничто не могло его сдвинуть с места. Тогда Созана через свою служанку Ниссу подкупила стражника, стоявшего перед дверью египтянина, и тайне эта дева передала ему много нежных посланий, пока наконец не пришла к печальному концу.

Однажды Кишра заметил, как она крадется из тенистого прохода, и на следующий день подстерел ее, следуя по пятам и подслушивая, пока Меметис шепталась со служанкой. Осознав, что его обманули, он пришел в такую ярость, что набросился на Ниссу и зарубил его мечом, запоздало

раскаившись в глупости своего поступка. Вместе с принцессой он попытался оправдаться, но Созана, забыв о своем кротком нраве, впала в ярость.

"Пес!" - вскричала она, - "ты заплатишься жизнью за убийство этого ребенка, и я клянусь Асхуром, что увижу тебя распятым на стене сада".

Евнух знал, что Нинус безмерно любит свою дочь и по ее мольбе непременно пригвоздит его к раствору между кирпичами; поэтому он со слезами и мольбами пал к ее ногам, умоляя не говорить ни слова о возвращении царя; но царица оттолкнула его ногой и не слушала, пока Семирамида не заговорила тихонько ей на ухо, тогда щеки девицы вновь окрасились розовым румянцем.

"Кишра, - ответила она, - я сохраню твою никчемную жизнь, но назначу за нее цену. Меметис будет приходить каждое утро в здешний сад и под твоим взглядом оставаться до вечера. Сделай это, и молчание завладеет моим языком. Откажешься - и бог тьмы заберет тебя себе".

Так и случилось, что евнух, боясь быть распятым, подчинился воле Созаны, хотя при виде египтянки кровь его стыла в жилах, как вода. Если Нинус узнавал, что Меметис каждый день приходит в женское жилище, то начальник стражи получал короткую смену, а Нинус был склонен с болью встречать уход человека. Так Кишра жарился между двумя кострами горя, и из-за всего этого он много размышлял о своей участи, и сон его был чреват дурными сновидениями.

Когда он сидел и размышлял под пальмой, Семирамида и Созана беседовали с царевичем Меметисом на дальнем сиденье в саду. Это случалось часто, но теперь в их манере было нечто такое, что раздражало евнуха, ибо они шептались, прижавшись друг к другу, и то и дело поглядывали в сторону Кишры и смеялись, как над какой-то веселой шуткой. Евнуху стало подозрительно их бормотание, но, когда он подходил к ним, они сразу же переставали улыбаться и начинали говорить о садовых птицах, цветущих растениях или о жаре полуденного солнца. Весь день они тайно советовались между собой, прикладывая пальцы к губам и делая множество быстрых, таинственных знаков, пока Кишра не вспотел от любопытства.

Всю ночь он ломал голову в поисках способа подслушать их разговоры, и перед рассветом ему в голову пришел план. За садовым креслом, на котором заговорщики имели обыкновение валяться, находился мутный пруд с рыбой, окруженный нависшими кустами; евнух погрузился в воду, уперся подбородком в берег, а его толстую голову прикрыла масса матовых лоз. В этом уединении он просидел довольно долго, но наконец заговорщики пришли, расположившись на расстоянии копыта от открытых ушей слушателя.

"Нашел ли ты гонца?" - спросил Созана. спросил Созана приглушенным голосом.

"С-с-с! Будь осторожна, - предостерегла сирийка, прижав палец к губам, - возможно, лиса подслушивает. Будь начеку, Меметис, чтобы он не подкрался к нам внезапно".

Кишра усмехнулся из своего укрытия в пруду, но не подал никакого знака; тогда Семирамида достала из своей груди маленькую рыбку из малахита, купленную у финикийского купца.

"Поистине, - сказала она, - гонец найден, причем под самым носом у Кишры. Две ночи он ждет на улице внизу, пока я не предупрежу его криком ночной птицы и не сброшу эту безделушку со стены сада. Видите! Я пометил ее тайным знаком, чтобы доказать моему господину в Бактрии, что бегун говорит правду".

"Ах!" - вздохнула Созана. "И, увидев это, он придет к тебе?"

"Да, - ответила Семирамида с радостной улыбкой, - так быстро, как только Скимитар сможет перенести его в путь. Когда он придет, тогда я убегу из Ниневии и вместе с моим дорогим господином перейду Тигр, где мы выкопаем из земли наше зарытое сокровище и..."

"Сокровища!" - вскричала Меметис. "Нет, об этом ты ничего не говорила раньше".

"Тише!" - взмолилась Семирамида, хватаясь за его руку. "Мне показалось, что я заметила движение в кустарнике. Пойди посмотри, Меметис, ибо Кишра отдал бы глаз, чтобы узнать о том, что я рассказываю".

Египтянин поднялся и пошарил в подлеске, но не обнаружил следов того, кто наблюдал, - евнух лежал в пруду как мертвый, почти не дыша, хотя сердце его колотилось в груди. Сокровище! Вот почему заговорщики тайно перешептывались. Глупцы! Зубы лисы, возможно, могут вонзиться под перья, когда он будет щелкать.

"Ничего страшного", - доложил египтянин, снова подойдя к креслу в саду. "Говори, Шаммурамат, ведь никто не может подслушать".

"Может быть, - рассмеялся сириец, - было бы лучше, если бы я попридержал язык, но вы, любящие меня, всегда будете осмотрительны. Когда мы ехали из Азапы ко двору Нинуса, я взял с собой в кожаном мешке запас драгоценностей ; и, не зная, улыбнется или нахмурится царь, я зарыл его на дальнем берегу реки на случай нужды. Ах, Созана, любительница драгоценных камней, взгляни на этот склад! Здесь жемчуг из Индии, рубины из-за моря Заходящего Солнца, голубые гиасолы и опалы Нила, цирконы, сверкающие, как глаза Белит, аметисты и кораллы, вырезанные в форме птиц и зверей. Тир, Сидон и далекий Гелиополис помогли собрать этот клад. За него можно было бы купить полцарства, но теперь оно лежит, спрятанное в русле речного ила".

Царевна вздохнула, и Семирамида ущипнула ее за румяную щеку, пообещав сохранить самый лучший из всех драгоценных камней в качестве свадебного подарка для маленькой дочери Ассирии.

"Нет, - улыбнулась Созана, - я вздыхаю не о драгоценных камнях, а о любимом человеке, который покидает меня. Почему, милая, ты так поступаешь?"

Семирамида задумчиво смотрела на землю и пошевелила ногой в сандалиии ящерицу.

"Помнишь финикийского купца, который был здесь три дня назад? Он рассказывал мне о моем доме в Аскалоне. С тех пор я тоскую по запаху моих влажных от росы холмов, по простору долин и по моему милому, прохладному озеру, сверкающему в ложе скал. Вода, Созана! - и вот я смотрю на теплый источник - фонтан, питаемый из цистерн на крыше дворца. Вода стекает вниз, слабо струится из земли, а евнухи собирают ее в шкуры и несут обратно на крышу. Дорогая Иштар, что за позор для гордости природы!"

Некоторое время все трое сидели молча, затем египетский заложник спросил:

"А если ты полетишь с Меноном в Аскалон, что тогда будет с Кишрой, когда хозяин придет со своих войн?"

Семирамида тихонько рассмеялась.

"Бедный Кишра! По правде говоря, он спит на рогатой шапке Бела. Господин знает о вероломстве своего слуги и поклялся повесить его на самой высокой башне Ниневии".

По пруду с рыбой прошла рябь, но заговорщики не обратили на нее внимания.

"Мне кажется, - снова засмеялась Семирамида, - что этот евнух соберет все сокровища, которые удастся вырвать у тех, кто ему служит, и улетит в дальние страны, прежде чем Нинус пригвоздит его к городским воротам. Злодей он, но никто не скажет, что Кишра - дурак".

Некоторое время они обсуждали стратегию побега из дворцовых стен и путешествия в Аскалон, затем все трое встали и, болтая, пошли по дорожке сада.

Из рыбного пруда выполз Кишра, зло усмехаясь, и незаметно пробрался вдоль стены, с его грязной мантии капала мутная вода.

Из увитой виноградом беседки у бассейна фонтана Семирамида наблюдала за ним, пробираясь сквозь деревья, и улыбалась.

"По правде говоря, - радостно прошептала она, - яд в его крови подействует; да, даже как изюм в коже с уксусом".

ГЛАВА XIX

СТРАТАГЕМА

С Кишрой случилось то, о чем пророчествовала Семирамида: яд действовал в его жилах, пока он не заболел и не знал покоя. Час за часом он сидел на корточках на земле, а слова сирийца горели в его сердце:

"Господин знает многое о предательстве своего слуги и поклялся повесить его на самой высокой башне в Ниневии!"

Поэтому разумнее всего было бы спрятаться в каком-нибудь укромном местечке, где топот ассирийских войск был бы лишь отголоском ветра, а Индия - надежным убежищем. Однако тот, кто обленился на властном посту, восстает при мысли о бедности и труде, ибо чаша и пикантное блюдо для евнуха - как мускус для носа. Если бы он только мог приложить руку к сокровищам Семирамиды! Жить в изобилии и легкости! Размахивать плетью над спинами сотни рабов! Ах, это был бы мир! Драгоценности лежали в кожаном мешке - мешке, спрятанном в русле речного ила. Может быть, если бы я проявил сноровку... Возможно!

Длинный Кишра сидел с горящими глазами, с пересохшими губами, которые он смачивал беспокойным языком, пока изюм работал в коже с уксусом. В его голове рождалось множество хитроумных замыслов, которые не дрогнули ни перед одним пятном крови, пока освещенный солнцем сад не закружился перед его глазами, а камешки на дорожке не превратились в миллион драгоценных камней, которые насмехались над его жадностью. Тогда Кишра уснул, чтобы увидеть сон о распятии на медных воротах Ниневии.

Когда наступила ночь, евнух выставил стражу на нижних улицах и приказал схватить всех, кто задержится в тени стены; затем он спрятался и стал ждать.

Через сад прокралась Семирамида, одетая в мрачное одеяние и неся в руках малахитовую рыбу, завернутую в вуаль и перевязанную шнурами. Обогнув фонтан, она направила свои шаги к востоку, где на парапетах было меньше всего дозорных, и здесь остановилась. Кишра порадовался, что Хабал не следует за сирийцем по пятам, ибо запах евнуха быстро вызвал бы предупреждающее рычание; однако теперь шпион снял сандалии, и его кошачья походка бесшумно опустилась на тропу.

В тени стены Семирамида возвысила голос, издав крик ночной птицы. Некоторое время она прислушивалась. В ответ раздался слабый крик, и она подняла свой пакет, чтобы перебросить его через стену, но позади нее поднялся Кишра, поймал поднятую руку и вырвал амулет из ее хватки.

С придушенным криком Семирамида бросилась на него, глаза ее полыхали яростью, а на губах кипела буря страсти.

"Гончая! Отдай мою собственность! Что! Неужели меня, супругу правителя Сирии, будут выслеживать по ночам, как вора? Ну что ж! Отдай мой пакет и уходи!"

Ее взгляд был столь пламенным, что Кишра сделал шаг назад, достал с пояса кинжал и выставил его острие против удара.

"Не так, - ответил он с издевкой. "Когда пленники посылают гонцов в Бактрию, дворцовый надзиратель рискует потерять голову".

Женщина вздрогнула. Что, если евнух подслушал ее шепот и обо всем догадался? Но как такое могло случиться, когда Меметис следила за всем со всех сторон. Кишра прочитала ее мысли, и гнев сошел с ее языка, а на смену ему пришел лукавый тон:

"Ничего страшного, добрая Кишра. Ничего, клянусь, кроме послания моему господину - знака, что в Ниневии все в порядке, - амулета - маленькой зеленой рыбки, которую продал финикийский купец. Смотри, Кишра. Молю тебя, сломай печать".

Евнух рассмеялся.

"Верно, - кивнул он, - это всего лишь рыбка, и, будучи ею, она может подождать луну, пока не будут отправлены запасы зерна царю в Зариаспу. Твое послание отправится вместе со стражей".

"Нет, - рассуждала она, - эти повозки идут медленно, а я очень спешу. Нужно ехать сегодня ночью или завтра, иначе мой гонец придет слишком поздно".

"Ах!" - усмехнулся Кишра. "Тогда, возможно, твой повелитель в Бактрии вознаградит этого бегуна за его поспешность".

"Да, - ответил сириец, - так же как и ты будешь вознагражден, если не перейдешь мне дорогу".

"Цена нарушенной веры велика", - хитро сказал евнух. "Сколько?"

"Кошелек, набитый до самого горла".

Он презрительно рассмеялся и отвернулся, но Семирамида быстрым движением схватила его за мантию.

"Послушай, - убеждала она, - если цена мала, то я добавлю к кошельку еще один кошелек и такие украшения, которые принадлежат мне, - даже жемчуг, которым оправлены мои сандалии".

Кишра покачал головой и, сняв халат, удалился через сад, а сирийка последовала за ним.

"Что же тогда?" - взмолилась она и вздохнула, надеясь увидеть его паузу.

На мгновение он задумался, затем, наклонившись вперед, чтобы она почувствовала его дыхание на своей щеке, хрипло прошептал:

"Кожаный мешочек с драгоценными камнями!"

Она снова вздрогнула, но сдержала свой голос и ответила тоном удивления:

"Кожаный мешочек с драгоценными камнями? По правде говоря, я ничего об этом не знаю. Пока жив Белит, твои слова - это слова глупца".

"Верно, - усмехнулся Кишра, - на берегу реки не спрятаны сокровища, перед нашими глазами нет ни садового места, ни рыбного пруда, где человек мог бы спрятать свое тело под отбросами и слушать шепот".

На его издевательскую речь Семирамида подняла кулак, чтобы ударить им по его злому лицу, но затем опустила его рядом с собой, а сама опустилась на сиденье в саду в горьких слезах. Евнух некоторое время стоял молча, ибо хорошо знал цену сдерживаемому языку, и ждал, когда ее сердце сразится с разумом и победит его.

"Отдай мне этот мешок, - сказал он наконец, - и твой беглец уйдет невредимым".

"Нет, - рыдала Семирамида, - только кошелек, не больше".

"Половину", - убеждал Кишра, но она покачала головой, снова повторив свое предложение о кошельке.

"Треть. Подумай, госпожа, тебе останутся огромные богатства, и трети будет мало". Она ничего не ответила, и в его глазах мелькнул лукавый огонек. "Я мог бы получить все, если бы захотел сослужить тебе дурную службу, ведь я знаю место на берегу реки, где..."

"Лжец!"

Сирийка снова стояла перед ним, дрожа от гнева.

"Ни один глаз, кроме моего, не может найти тайник, хотя бы он искал его до самого солнца. Кто же тогда укажет путь вору?" Она насмешливо рассмеялась. "Мне ли, Шаммурамат, идти, переодевшись, быть может, кухаркой, по пятам бесполого зверя? Нет, не раньше, чем Ниневия сгниет на равнине!" Она снова рассмеялась и щелкнула презрительными пальцами по лицу евнуха. "В безопасности у реки лежат мои сокровища - сокровища, за которые царь мог бы отдать половину своей власти, - но ни один драгоценный камень не попадет в твои руки. Отправляйся на поиски Тигра, от гор до моря. Копай! И пусть Гибил проклянет тебя за глупость!"

Она откинула халат, словно пропуская какую-то пакость, и зашагала прочь, а Кишра покорно шагал за ней. Его жадность зашкаливала, и неудача грызла его кишки зубами страха.

Они дошли до бассейна фонтана, где сквозь листву мерцали дворцовые факелы, отбрасывая на землю странные тени, и сад казался заполненным мириадами танцующих призраков. Тут Кишра протянул руку и ухватился за складку симара сирийца.

"Послушайте меня", - умолял он и, пока Семирамида гневно отмахивалась от него, снова принялся торговаться за драгоценные камни. "Потерпи, госпожа, ибо нужда моя велика, и я тоже хотел бы бежать из Ниневии, как ты и твой господин полетите в Аскалон. Отдай мне лишь малую часть этих сокровищ, и я клянусь помочь тебе так, как никто другой не сможет".

Семирамида задумчиво смотрела на него.

"Брось мой пакет со стены, и я обещаю тебе часть".

Но мужчину было не обмануть скользкими обещаниями.

"Нет; когда драгоценные камни будут в моей руке, тогда малахитовая рыба будет отдана твоему посланнику".

Их рога снова сомкнулись. А ведь еще мгновение назад, когда сирийка с презрением проклинала его, ее слова оставили в его сознании личинку. "Что!" - потребовала она. "Неужели я, Шаммурамат, должна идти указывать дорогу вора́м, переодевшись, возможно, какой-нибудь кухаркой?" Ах, если бы он только мог унять ее гордость, как просто было бы все остальное!

"Послушайте, - умолял он с глубоким смирением. "В трудную минуту мы опускаемся до многих вещей. Что плохого, если госпожа Шаммурамат скроет свою красоту под скромным плащом и отправится с Кишрой на берег реки? На лодке мы сможем переправиться, вернувшись еще до наступления ночи, и никто не будет удивлен, ибо городские ворота для меня свободны".

"Нет!" - с презрительным жестом заявила Семирамида. "Я не доверяю тебе и не покину дворцовый курган, хотя ты молился до рассвета".

Ее речь была твердой, но евнух заметил в ней признаки колебания, поэтому он с бьющимся сердцем стал настаивать на своем:

"Драгоценные камни, некогда зарытые в здешнем саду, мы спокойно ждем, пока Менон не придет, чтобы забрать их отсюда, и за третью часть этих сокровищ мы обретем друга там, где враг может преградить тебе путь".

Его слова были мудрыми, но сирийка нахмурилась в сомнении, а ее сандалии нетерпеливо постукивали по гравии дорожки.

"Что пользы, - спросил искуситель, - если ты будешь копить богатство, когда тот, кого ты любишь, умрет в далекой стране?"

"Что ты имеешь в виду?" - вскричала Семирамида, задыхаясь от страха, и Кишра вогнал гвоздь:

"Если малахитовая рыба с посланием, которое она несет, отправится в Бактрию и попадет не к Менону, а к самому царю, то, по правде говоря, твой повелитель может сильно пострадать".

От его тонко завуалированной угрозы женщина вздрогнула, а в глазах ее застыл ужас.

"Нет-нет, - умоляла она, цепляясь за его руку, - жестоко поступать так. Будь милостив, добрый Кишра, и я дам десятую часть".

Сражение было выиграно. Евнух едва сдерживал свою радость, но в его сердце зародился коварный план. Сокровища, выкопанные с берега реки, должны были заполнить тело Семирамиды; но, чтобы не возникло подозрений, он действовал хитростью, ворча на малое вознаграждение.

"А мой гонец, - спросила Семирамида, - что с ним? Два дня он будет ждать - не больше. Увы, мы опоздаем!"

"Тогда пойдем со мной сегодня ночью", - вздохнул Кишра, грызя ногти.

Сирийка колебалась, ее воля металась туда-сюда на щитах сомнения и любви, пока Кишра не намекнул Менону на новые беды; тогда ее дух сломался. Дрожа с головы до пят, она согласилась пойти, но дала ему клятву и попыталась связать его узами подкупа.

"Кишра, - замялась она, - я обещала тебе десятую часть. Будь верен, и я дам тебе большую часть. Поклянись оберегать меня от всякой беды и вновь доставить в целости и сохранности во дворец?"

Мужчина зло усмехнулся, но обещание дал, а затем прошептал ей на ухо:

"Иди в свои покои, а когда принцесса уснет, прокрадись и присоединись ко мне в саду. Пройдет час, и я пошлю гонца на берег реки, чтобы он нашел лодку. Плащ для тебя я приготовлю, и пигмент, чтобы окрасить твою кожу, чтобы стражники у ворот не дивились твоей красоте. Ступай, и рассчитывай на Кишру как на слугу, верного до конца".

Еще мгновение она медлила, колеблясь; затем склонила голову и усталой походкой вышла из сада.

В спальне Сазана усадила ее рядом с диваном и шепотом спросила:

"Ты слышала мой ответ на зов ночной птицы? Как тебе шутка с Кишрой?"

"Получилось, - вздохнула Семирамида в крошечное ушко, - ибо сын глупцов отправится на берег реки и будет копать сны. Спи, дорогая, а завтра мы сможем посмеяться вслух".

Долго лежала Семирамида, глядя в отверстие в крыше, ожидая, когда сон поцелует глаза Сазаны. Грудь ее вздымалась, дыхание срывалось с губ, горячее и нетерпеливое. Если все пойдет хорошо, город скоро останется позади, а сады Нинуса - лишь призрачным воспоминанием. Как приятно разорвать узы скучного плена и встретиться лицом к лицу с такими грозными опасностями, какие таила в себе тьма! И все же горе разделило сокровища ее радости. Принцесса и Меметис решили, что ее план - всего лишь шутка, призванная нарушить душевный покой Кишры, и завтра им придется оплакивать ее, как того, кто ускользает в великую неизвестность и не оставляет следов. И снова пришла острая боль по покинутому другу, который будет горевать так, как не горевал бы никто, кроме ее господина, - ведь Хабал тоже должен быть оставлен.

Ее рука опустилась на край дивана и прильнула к нему в нежной ласке, а Хабал лизнул руку, и его хвост радостно забил по плиткам. Затем Семирамида притянула его к себе и зарыдала, спрятав лицо на его лохматой груди.

* * * * *

Принцесса спала. Семирамида встала и крадучись направилась к двери; на пороге она остановилась, потому что по пятам за ней кралась собака.

"Лежать, Хабал, лежать!" - прошептала она, борясь со слезами, и пес повиновался, хотя и скулил от предчувствия надвигающегося зла - чутье, острое в сердцах зверей и странно проходящее.

В саду все было спокойно. Семирамида прокралась к назначенному месту, где ждал евнух, желая уйти. Она вымазала руки и лицо пигментом, надела симар рабыни и спрятала свои огненные волосы под потрепанным капюшоном; но когда все было готово, она попятилась, дрожа, пока терпение Кишры не лопнуло, и он не захотел побудить ее к этому ударами.

Бронзовая дверь, пробитая в стене сада, была открыта часовым, который увидел только евнуха и кухарку с корзиной на голове. Он уже не раз видел таких, когда Кишра отправлялся на поиски лакомств для своего изнеженного аппетита, поэтому, когда за их спинами раздался резкий стук двери, часовой снова кивнул на посту.

Выйдя на улицу, Семирамида едва не упала в обморок от радости и поклялась подарить Иштар подарок, если они пройдут городские ворота. В молчании стали они идти, как вдруг каждый из них вздрогнул от звука, словно с дворцового кургана упало тело. Они остановились, но ничего не было слышно и видно, и они снова отправились в путь.

Их путь лежал на запад, мимо множества лавок, где смеялись женщины, а хитрые торговцы заманивали их покупками; мимо кишашего базара, ибо Кишра смело шел привычными путями, чтобы мародеры не набросились на него из какого-нибудь темного переулочка. Здесь было шумно, светло, дурно пахло, толпились развратные люди, знавшие евнуха и охаивавшие его из-за женщины, которая была рядом с ним. Кровь сирийки пылала в ее жилах, и ей хотелось разорвать шуты ногтями; но мудрость подсказывала, и она рассмеялась, как легкомысленная кухонная девка, и пошла своей дорогой.

И вот, миновав будки, они подошли к городской стене с мощными медными воротами. И тут удача вновь благоволила к ним: в ворота ворвалась группа запоздалых всадников, дремавших на своих усталых конях; Кишра пошептался с начальником ворот, хитро вложив ему в ладонь монету, и, когда стражник отвернулся, оба проскользнули мимо и незамеченными вышли из Ниневии.

В молчании искатели сокровищ пересекли равнину, пока не вышли на берег реки. Здесь нашли лодку, за которую отвечал мальчишка-сторож, протянувший руку для оплаты и тут же исчезнувший. Кишра достал из-под плаща инструмент для копания, положил его рядом с собой на берегу и принялся отвязывать лодку; пока он этим занимался, Семирамида бросила тоскливый взгляд на городскую стену, вырисовывающуюся на фоне неба, такую черную, такую суровую, с ее чудовищными башнями, которые, казалось, стояли на страже, как гигантские ночные стражи.

По мере того как она смотрела на него, ее сердце снова становилось печальным - печальным из-за маленькой принцессы, спящей на своей кушетке, и из-за Хабала, следящего за хозяйкой, которая не вернется к нему.

Она вздохнула и повернулась, но, повернувшись, почувствовала, как холодный нос ткнулся ей в руку; тогда с криком радости Семирамида упала на колени, крепко обхватив руками шею верного пса. Она вспомнила звук падения тела с дворцового кургана: это Хабал спрыгнул на улицу, где некоторое время лежал, затаив дыхание, а затем захромал по ее следу со сломанной лапой. У городских ворот он проскочил между ног входивших лошадей и теперь, задыхаясь, присел у сирийца, чтобы получить ласку или упрек за свою непокорную любовь.

Приход Хабала помешал Кишре убить женщину, когда ее сокровища были в его руках, и он, ругаясь, выхватил оружие для рытья, чтобы зарубить зверя; но Семирамида встала между ними, яростная, как мать, защищающая свое дитя, а пес поднялся, рыча, жаждая крови Кишры.

"Только тронь его, - кричала хозяйка, - и ты будешь охотиться один на дальнем берегу! Смирись! Пес ранен, и он пойдет с нами!"

Кишра приостановился. Он прекрасно понимал, как рискованно идти на поводу у женских капризов. Лучше уж подшутить над ней в этой мелочи, чем рисковать всем, пока драгоценные камни не оказались в его лапах; поэтому, ворча, он бросил свой инструмент в лодку и приготовился к отплытию. Лодка была невелика и груба по форме, но она должна была благополучно доставить их на другой берег; когда Семирамида и Хабал уселись на носу, Кишра с веслом оттолкнулся от потока.

"Куда, госпожа?" - спросил он приглушенным тоном, словно опасаясь, что кто-нибудь из притаившихся на берегу может услышать.

"К кувшинкам, расположенным вдоль городских ворот", - с затаенной улыбкой прошептала сирийка, оторвав полоску от своего нижнего одеяния и перевязав ею сломанную лапу Хабала.

Некоторое время они молчали, и по мере того как лодка скользила вперед во мраке, до их слуха долетали неясные голоса ночи - до женщины слаще, чем самая тихая мелодия цитры. Она

слушала гулкий гимн реки, поклоняющейся на пути к святилищу Морского бога, и глубокое пение лягушек, доносящееся с камышового болота. Она слышала шелест весел в желтом приливе, эхо цапли и далекий, слабый зов дозорных с крепостных стен Ниневии.

На сердце Кишры эти голоса наложили чары страха, охладив жар его жадности, который до сих пор побуждал его к действию. Почему сирийка должна была радостно приветствовать свою собаку, если она собиралась вернуться еще до рассвета? Возможно, она заложила какую-нибудь ловушку, чтобы запутать его ноги, и полетит в Аскалон, обманом лишив его столь желанного богатства. Сокровища! Может быть, там вовсе не спрятаны драгоценные камни, а ее уловка - всего лишь хитрость, чтобы заманить его на верную смерть.

Тысяча ужасов хлынула из мрака; они проплыли по воде, забрались в лодку и навалились на него. Внезапно предатель остановился, положив весло на колени.

"Госпожа, - спросил он, - какие у меня есть доказательства, что рядом с кувшинками не притаился враг, чтобы напасть на меня, когда мы достигнем берега?"

"Никаких", - ответила Семирамида. "Тот, кто хочет копать кожаные мешки, должен отважиться на те опасности, которые посылают ночные боги. Но если сердце твое трусливо, поверни назад, ибо дошло до меня, что десятая часть - это ростовщичество". Она снова улыбнулась и наклонилась к своему неугомонному псу: "Лежать, Хабаль, лежать! Что тебя беспокоит?"

Лодка плыла по течению, и не успел Кишра снова начать грести, как его опасения подтвердились действиями собаки. Хабал поднялся, принухиваясь к воздуху. На западном ветру он уловил запах, и его лай раздался так, что эхо прокатилось от берега к берегу. Друг был совсем рядом, и пес радостно залаял.

С минуту Кишра сидел, глядя на Семирамиду, а в его злобном мозгу билось осознание собственной доверчивости. Она с самого начала обманула его, заманив лежать в мутном рыбьем пруду и внимать шепоту. Ни один бегун не ждал ее малахитовой рыбки. Ее дрожь и слезы были лишь маской. Даже в притворной ярости она питала его замыслами о том, как погубить его самого, а он, по своей грубой скупости, вкушал плоды глупцов. На берегу реки были спрятаны не сокровища, а враги, которые улыбались и ждали своего.

Обезумев от ужаса, Кишра крутанул лодку, но от переизбытка страха весло сломалось, и Семирамида громко рассмеялась. Он сидел беспомощный, жертва этой злорадной ведьмы, одурачившей его своим коварством, - Кишра, надзиратель царя, который не смел вернуться на свой покой. Тогда ярость охватила его целиком. Он схватил инструмент для копания, встал и взмахнул им высоко над головой, думая одним ударом выбить ей мозги.

"Дьявол, - прорычал он, - ты обманул меня ложью!"

Орудие обрушилось вниз, но не на сирийца, так как Хабал бросился на горло Кишры, а Семирамида опрокинула подброшенное судно.

На мгновение все погрузилось во мрак, полный страха; затем мужчина поднялся, задыхаясь и хватаясь за борт. В двух шагах от лодки он увидел пенящийся водоворот, где Семирамида взмахнула руками и исчезла.

Затем река вновь зазвучала своим гулким гимном, с дальних крепостных стен послышался зов дозорных, собачья голова покатила по волнам, указывая на западный берег, и лодка понеслась вниз по Тигру, а Кишра в ужасе вцепился в ее скользкий киль.

ПОЛЕТ

"Хо, Хузим!" - позвала Семирамида, когда она встала на речной ил и поплескалась на мелководе, где росли лилии; и Хузим с приветственным криком протянул руки, чтобы вытащить ее на берег.

"Ты в безопасности?" - спросил он. "Тебе не причинили вреда? По правде говоря, я обрадовался голосу Хабала, но тут раздался шум, и силы меня окончательно покинули. Видишь, госпожа, я все еще дрожу, ибо ночь вселила ужас в мое сердце".

От радости верный слуга, который, чтобы защитить Семирамиду, отважился бы на гнев самих богов, опустил перед ней на колени и заплакал, как плачет ребенок.

"Нет, - смеялась женщина, нежно глядя его прямые черные локоны, - это было не что иное, как погружение и радостное плавание, ибо воды облепили меня поцелуями старых, хорошо знакомых друзей". Вставай, Хузим! Неси Хабала на руках, потому что у него повреждена нога, бедный зверь. И поспеши! Вон тот евнух-апиш, несущийся вниз по течению, может поднять шум и привести на нашу тропу конный отряд".

Индеец встал и, подняв Хабала, как велела ему хозяйка, зашагал вперед сквозь тьму, а она, радуясь свободе, шла рядом с ним, вытирая воду с мокрого симара и шепотом рассказывая обо всем, что произошло. Лигу они шли на запад, пока не пришли к холму, увенчанному деревьями, и здесь индеец велел своей госпоже подождать, а сам отправился дальше, чтобы запрячь их коней, которые ждали в укромном месте в лесистой местности.

"Будьте начеку", - призвал он, затем наполнил легкие надеждой и исчез во мраке.

Оставшись одна, сирийка подняла глаза к небу и вновь прислушалась к голосам ночи. Гимн реки затих, из далекой Ниневи не доносился зов часового, а по равнинам гулял лишь глупый ветер, шелестящий среди деревьев. И все же в сердце Семирамиды поднимались другие голоса, чтобы с каждым учащенным ударом восклицать. Менон! Менон! кричали они, пока эхо не поднялось к горящим звездам, чтобы поймать их пламя и вернуться в сердце, которое его послало. Так кричала Деркетто, эта мать, чья страсть будоражила кровь дочери, пока ее глаза не потускнели от тоскливой нежности. Как песня, звучала она в ее ушах - песня огня и любви; но вместе с ней звучал и более суровый голос ее неизвестного отца - возможно, бога войны из Южных морей. Он возвысился в суровом повелении и был подхвачен языками марширующих толп, рычанием боевых рогов и грохотом колесниц.

На юге лежала далекая Аравия, куда мир мог прийти по нити любви; но Семирамида простирала руки к востоку, где на равнинах сидела непокоренная Зариаспа.

Из темноты появился Хузим на спине хорошего коня, ведя другого за уздечку. К седлу каждого из них были привязаны мешок с едой, оружие и шерстяной плащ, чтобы укрыть тело от ночной прохлады. Для Семирамиды он тоже взял храброе одеяние, ибо отныне ей предстояло путешествовать не как женщине, а как мужчине; поэтому, выйдя из-за деревьев холма, она сбросила свой мокрый симар и вскоре предстала в облике юной воительницы. С ее плеч свисала льняная туника, подпоясанная поясом и спадающая до колен, а конечности были обтянуты более тяжелой тканью, перевязанной ремешками. Руки у нее были обнажены, а на голове красовался медный шлем, который носили боевые вожди на сирийском побережье; его жесткий обод был покрыт вуалью из множества складок.

Засмеявшись, Семирамида вскочила на своего коня и усадила собаку на седельную шкуру, так как ехать предстояло быстро, а Хабал со сломанной ногой мог не успеть.

"Видишь, госпожа, - прошептал Хузим, подойдя к ней и вытянув руку в сторону юга, - там лежит наша дорога, ведущая извилистыми путями к пустынному дому принца Боабдула, куда мы отправимся по приказу моего господина".

"Да, - кивнул сириец, - так было еще две луны назад, но теперь мир как-то перевернулся, и Аравия больше не лежит на юге. Идемте же, спешите, чтобы поймать эту блуждающую землю, пока она снова не сместилась".

С новым смехом она повернула своего коня и помчалась на север, а Хузим некоторое время смотрел ей вслед, разинув рот от удивления; затем он выругался и пустил шпоры по ее следу. Некоторое время она держала поводья, пока индеец не оборвал их и, наконец, протянул руку, которая сомкнулась на уздечке.

"Как же так, - вскричал он, когда кони остановились, - что за безумие ты хочешь сделать? Давай, поворачивай на юг, ибо мы едем в Аравию, а Хузим должен быть убит первым".

Впервые со времени битвы с курдами она заметила на челе слуги гневную гримасу, но она мало рассчитывала на гнев любого мужчины.

"Хузим, - ответила она, и зубы ее блеснули в свете заходящей луны, - я не знаю, какой путь лучше выбрать глупцам, и не скрывается ли тебе в безделье под песками пустыни; но что касается меня, то, как Иштар слышит мою клятву, я иду в Бактрию".

"Но почему?" - спросил он в тоне острого отчаяния. "Зачем искушать богов, если мудрость указывает путь?"

Семирамида снова подняла руки к звездам, и кулаки ее сжались.

"Присоединиться к своему господину и разделить с ним все опасности; вырвать любимого из пут, которые окружают его, или вонзить свое охотничье копье в тело царя Ассирии!"

Напрасно индеец умолял, напрасно он молил и слезно просил ее отказаться от столь безумного плана, но она не обращала на него внимания.

"Что! - спросила она, - разве я рождена от крови труса? Нет; что может сделать мужчина, то и я, женщина, смогу сделать; а если не получится, то вина будет только моя". Подумай, - рассуждала она, - если укрытие покажется тебе хорошим, то мы спрячемся среди скал, возвышающихся над равнинами Бактрии, и тогда ты, добрый Хузим, сможешь ночью прокрасться в лагерь Менона и благополучно переправить его ко мне. Соединившись с ним, мы отправимся туда, куда он пожелает, хоть в Гибиль, хоть в грозовые чертоги Рамана".

В конце концов индеец сдался, и они поехали на север, хотя некоторое время он отставал в тревожном молчании, положив подбородок на грудь. Пока он ехал, до него дошло, что его госпожа и не помышляла о бегстве в Аравию, но сдерживала свой язык, чтобы мудрость не побудила его предотвратить побег из Ниневии. Теперь уже поздно пить вино, когда кожа содрана, поэтому Хузим стянул с себя гнев и с последним вздохом сомнения подъехал к Семирамиде.

Лигу они держались берега реки, потом перешли вброд на мелководье и быстро ехали на восток, пока не наступила ночь. И так они шли много дней, смело нападая ночью и отдыхая днем в тесных укрытиях, ибо не знали, не уцелел ли Кишра, чтобы послать охотников по их следу. Лапа бедного Хабала быстро зажила, и вскоре он уже не сидел в седле, хотя прошла не одна луна, прежде чем он снова побежал на четырех здоровых ногах; но даже с перевязанной конечностью пес служил верно, и многие затаившиеся опасности сходили на нет благодаря его предупреждающему рыку.

И вот они вошли в Медию, и страх перед преследованием пропал, и они двинулись вперед, избегая открытых дорог. Они проходили через бескрайние леса, через зеленеющие долины и снова поднимались на гребни лесистых холмов, где у их ног далеко-далеко простирались земли чужеземных народов, их жилища были отмечены витками дыма. Вскоре они обогнули лесные селения и, заглянув сквозь завесу листвы, увидели голых детей, резвящихся на солнце, их обнаженных матерей, колотящих камнями зерно, в то время как безрогие воины спокойно дремали под сенью. Однажды на склоне холма они столкнулись лицом к лицу с охотником, который нес на спине лесную свинью, а в руке держал копье. Некоторое время он тупо смотрел на них, потом бросил свою ношу, метнул копье в Хузима и с воплем понесся вниз по склону. Он прыгал с камня на камень, как прыгает горный козел, и при этом пронзительно кричал своим друзьям внизу; но в последнем прыжке он не получил ничего, кроме древка между лопаток.

"По правде говоря, - вздохнул Хузим, - жалко убивать глупца, но, возможно, и мудро, ведь его соплеменники не знают, армия мы или один человек". Идем, поспешим, госпожа, чтобы не проклинали его друзья любопытные умы".

Они поспешили дальше, и некоторое время их не беспокоила никакая другая беда, хотя ночью и днем их подстерегало множество опасностей; но они миновали их благодаря хитрости Хузима и смекалке Хабала, учявшего опасность издали. И вот, когда кожа Семирамиды загорела до румяного цвета, а кони были худы и утомлены трудом, путники приблизились к предгорьям Гиндукуша, и тут их постигло тяжкое несчастье. Они подъехали к опушке леса, где перед ними простиралась покатая равнина шириной в лигу, поднимавшаяся к горным кручам за горами; индеец посоветовал им затаиться до наступления ночи, но Семирамида не захотела этого делать.

"Нет, - убеждала она, - я хочу добраться до вершины горы, чтобы заглянуть в Бактрию и узнать, возможно, мой повелитель все еще сражается там. Пойдем, Хузим, чтобы я не оставила верного друга".

Слуга покачал головой и поскакал за ней галопом, но надежда вернулась к нему, когда он достиг середины равнины и ничего не было видно, кроме бдительного коршуна, парящего в голубой вышине. Тогда Хабал повернул на обратную тропу и залаял. Из леса, оставшегося позади, выехал десяток всадников, которые разбежались вправо и влево, затем распрягли своих коней и двинулись вперед неровной вереницей.

"Как я и боялся, - прорычал Хузим. "Поспеш, госпожа! Мы еще можем успеть добраться до холмов".

Но не успели они проехать и двадцати шагов, как Хузим поспешил натянуть поводья, потому что из чащи леса впереди показалась еще одна группа, которая, как и первая, стремилась настигнуть беглецов. Индеец отстегнул лук и стал искать место, где можно было бы остановиться и задержать врагов, но Семирамида улыбнулась ему и взяла командование на себя.

"Не будь ребенком, - прошептала она. "Твои стрелы бесполезны, ибо враги превосходят нас числом, а наши кони измотаны. Слушайся меня и не произноси ни слова".

Она натянула уздечку, прикрыла глаза от солнечных бликов, затем взмахнула рукой и на полной скорости помчалась к бактрийскому отряду.

"Во имя богов!" - закричал Хузим, устремляясь за ней, но она рассмеялась и снова взмахнула рукой.

Теперь всадники, удивляясь странности этого движения, пристроились на склоне и ждали, пока к ним не подъедет их добыча. Это были заставы, которые Оксиарт поставил за горами, чтобы

следить за всеми дорогами, отсекаль гонцов и приносить донесения о войсках или продовольственных обозах, идущих из Ниневии.

"Друзья!" - рассмеялась Семирамида, остановившись среди них и заговорив на бактрийском языке, которому она научилась у Менона во время пребывания в Сирии. "На мгновение я испугалась, что вы - стадо ассирийских свиней. Кто ведет вас?"

Бактрийский юноша сошел с коня и встал перед ней, а его товарищи собрались в тесное кольцо.

"Как тебя зовут?" - спросила она, глядя ему прямо в глаза.

"Дагас, - ответил он с поклоном и веселой улыбкой.

Женщина была красива на вид и легка в речи, но шпионы всегда склонны заявлять о дружбе с врагами в надежде обмануть их; бактрианец улыбнулся, и его не обманули.

"Ах!" - вздохнула Семирамида, протягивая ему руку. "Тогда принеси мне вина, добрый Дагас, самого лучшего, ибо сегодня я проделала долгий путь и изнываю от жажды. Позаботься также о наших конях и о моем слуге, который..."

Она сделала паузу, потому что теперь вождь громко смеялся над ее дерзостью, а окружающие присоединились к реву веселья; но веселье сменилось удивлением, когда порыв ярости зажег ее глаза, и она ударила по голове Дагаса древком своего охотничьего копья.

"Глупец!" - вскричала она, - "неужели сестра Оксиарта должна издеваться над безмозглым псом?"

Вал отправился домой. Смех утих на их устах, но не успели они опомниться, как Семирамида набросилась на них:

"Что! Разве вы не знаете, что Вавилон взбунтовался? Что Тир и Сидон сбросили иго? Что Сирия взялась за оружие и посылает свои армии, чтобы сокрушить царя Нинуса, как зерно кукурузы? Спит ли Бактрия, как спит владыка Ассирии, когда Ниневия рухнула на землю - пятно грязи на равнине? Неужели Дагас не знает, что на него надвигаются войска, всадники, бесчисленные, как листва в лесу, пращники, топорноносцы, полчища хеттских возниц и рой всадников из пустынных земель?" Она откинула голову и рассмеялась. "О черви невежества! О сыны рыб, не знающие ничего за пределами своего склизкого бассейна! Идите и охраняйте каждую дорогу, каждый горный перевал, чтобы беглецы не проскочили мимо и не накликали беду на короля!"

Она сделала паузу из-за нехватки дыхания, и среди воинов поднялся гул замешательства; затем, встретив вопросительный взгляд своего вождя, Семирамида заговорила снова:

"Пять дней должно пройти, прежде чем появится авангард, но я и мой слуга спешим предупредить царя Зариаспы, ибо когда наши воины хлынут по склонам гор, тогда Оксиартес должен выступить и взять царя Нинуса в тыл".

Дагас сжал брови в тревожном раздумье, затем поднял глаза и спросил:

"Какая у меня уверенность в том, что слова твои - правда, что твои вести - не обман, чтобы обмануть мои уши?"

"Никакой", - ответила она с величественной гордостью. "Только мое слово. Если ты сомневаешься, то держи меня в плену". Она снова сделала паузу, чтобы с презрением взглянуть на юношу. "Но я предупреждаю тебя, Дагас, что если случится беда или я пострадаю из-за промедления, то, клянусь всеми небесными богами, твоя плоть будет покрываться огромными волдырями от ударов плетью!"

Бактриан еще раз задумался, разрываясь между долгом и страхом перед дерзким обманом, а затем спросил, как последнее испытание:

"А как ты доберешься до города, когда Нинус охватит его глубоким, нерушимым кольцом? Как преодолеешь стены и пронесешь свое послание?"

Теперь настала очередь сирийки размышлять, ведь от ее смекалки зависела судьба, добро и зло, сбалансированные до волоска. Промах означал плен, а то и смерть; ответить правильно было выше ее сил, но она не дрогнула и поставила все на карту. Она улыбнулась Дагасу, наклонилась и прошептала ему на ухо:

"Зачем возводить стену, если послание можно доставить в Зариаспу тайным путем?"

Бактрианец вздрогнул, бросил быстрый взгляд на север и снова вернулся к ее танцующим глазам.

"Что ты имеешь в виду?" - спросил он и застыл в ожидании ее слов, как человек, который ждет смерти.

И снова Семирамида улыбнулась ему, наклонившись, чтобы ее дыхание коснулось его щеки.

"Милое дитя, - прошептала она в его покрасневшее от крови ухо, - где хранится пища для нужд моего брата, там и послание найдет свой путь, пусть оно плывет или летит".

Она сказала это смело, с риском для жизни, и Дагас упал на колени и повиновался, умоляя, чтобы она не держала против него дурной памяти за то, что он затаил сомнение.

"Нет, - ответила она ему, - обо всем, что случилось, я доложу Оксиартесу"; затем, когда щеки бактрийца побелели, она многозначительно добавила: "Царь должен знать, когда его вожди смешивают осторожность со своим рвением, иначе как он сможет справедливо вознаградить их?"

Дагас поднялся в порыве гордости и тщеславия, которое всегда преследует некоторых военных людей.

"Прикажи мне, - вскричал он, - и самое легкое желание твое станет моим собственным желанием".

Семирамида сделала паузу, чтобы в задумчивости посмотреть на землю; затем с ее пальца сорвалась драгоценность, и она вложила ее в его руку.

"Дагас, - приказала она, - когда с запада придет воинство завоевателей, обратись к царю Тира, сказав, что она с огненными локонами благополучно добралась до Гиндукуша. В доказательство своих слов покажи эту безделушку перед его глазами, а затем сохрани ее для себя". С лучезарной улыбкой она проверила его благодарность и снова заговорила: "Скачи на юг со всеми своими воинами и охраняй дороги, чтобы не пропустить ассирийских гонцов. Мне не нужен проводник к Тайному месту, ибо путь мне известен. Налейте нам вина и мяса, а потом - прощайте!"

Молодой вождь поспешил исполнить ее просьбу, надеясь на богатую награду от Оксиартеса, хотя его бешено бьющемуся сердцу казалось, что в жизни он не может просить большего дара, чем греться под улыбкой этой женщины. И вот он устроил им пир, и, закончив его, гости встали. Отныне они должны были идти пешком, ибо горные тропы были таковы, что лошади не могли на них подняться, поэтому коней оставили с Дагасом и его последователями. При расставании бактрианец задержался, с благоговением глядя в глаза сирийца.

"Принцесса, - замялся он, - в грядущие дни я молю тебя хранить память обо мне, ибо меч смиренного человека - твой, будь он направлен против врага или друга".

Так говорил Дагас, но он и представить себе не мог, что в последующие годы эта его любовь разлучит народ и его царя.

Семирамида жаждала расспросить его о многом, но ее язык лишь благодарил, а рука сама опустилась на его руку и сжала ее. И она пошла на север, а Хузим и Хабал последовали за ней, а Дагас стоял и смотрел, пока они не скрылись из виду; тогда он повернулся и вздохнул.

Некоторое время путники ехали быстро, женщина улыбалась про себя, а Хузим размышлял и не произносил ни слова; но вскоре он положил руку на ее руку.

"Госпожа, - сказал он, - наш путь лежит вверх среди скал, и, отправляясь в путь, мы рискуем оказаться в неизвестности и сбиться с курса".

"Нет, - возразила Семирамида, - наш путь лежит на север, ибо там скрыта важная тайна. Слушай: в Зариаспу поступает странный запас пищи, досаждающий Нинусу тем, что он не может отрезать его и уморить голодом своих врагов; поэтому на севере я ищу его источник, хотя и охочусь за холмами в течение двойной луны".

Индеец нахмурился и медленно покачал головой. Час назад она горела желанием добраться до вершины горы, а теперь будет охотиться за ней в течение двойной луны. Разумеется, женские похождения не давали покоя Хузиму.

"А как, - спросил он, - мы можем узнать, что это тайное место скрыто на севере?"

Сириец снова рассмеялся, и смех этот порадовал ее до кончиков пальцев.

"Добрый Дагас предал его мимолетным взглядом и не знал, что отдал своего господина в мои руки. Что это за место и где оно находится, знают только духи гор; но, возможно, этих духов можно научить вилять языками".

Терпеливый Хузим снова покачал головой и в молчаливом раздумье пошел дальше, и некоторое время они шли по пологому подъему, пока не вышли на скалистый отрог, с которого открывался вид на равнину.

"Смотрите!" - вскричала Семирамида, указывая копьем, и ее веселье разнеслось эхом от камня к камню. "Вон отряд бактрийцев скачет на юг, чтобы бить тревогу, охранять все дороги и ждать призрачного войска, которое придет на помощь Зариаспе".

Хузим вгляделся и увидел, что слова ее правдивы, хотя и не присоединился к ее веселью.

"Нет, госпожа, - пробормотал он, - этот Дагас просто глупец; но я глубоко переживал за твою судьбу, пока пот не полился по моей коже. Ты говорил, что Сирия подняла восстание, что хеттские колесницы движутся вперед, что Ниневия - лишь пятно грязи на равнине. Это было остроумное ремесло, признаю, хотя и опасное, ибо истина была вывернута наизнанку, как женщины выжимают свои одежды во время стирки".

"Да, - мечтательно вздохнула Семирамида, опираясь на свое охотничье копье и глядя, как всадники исчезают в облаке пыли, - да, добрый Хузим, в песнях и легендах эта правда, о которой ты говоришь, - дивная вещь, но часто бог мудрости должен облачаться в великолепие лжи".

ГЛАВА XXI

ЗАГАДКА ТАЙНОГО ПУТИ

День клонился к вечеру. Солнце погрузилось в огненную смерть, словно Молох проглотил его, чтобы выдохнуть пламя из своего медного горла; затем багровое сияние померкло и исчезло с запада; сумерки стали еще глубже, а на горные склоны опустилась пурпурная дымка, окутавшая мраком самые высокие скалы, пока луна не выскочила вперед и не освободила их.

Семирамида и Хузим остановились на отдых и еду, так как путь становился все более обрывистым, и ничего нельзя было сделать, пока держалась темнота; поев, индеец погрузился в сон, но сирийка не спала. Она сидела, положив подбородок на руку, и смотрела в задумчивости на горный поток, шумно журчавший рядом с местом отдыха, а в ее мозгу бушевал и не давал покоя вопрос - вопрос, который насмехался, но в то же время увлекал ее через болота глубокого недоумения. Откуда в Зариаспе эти запасы продовольствия? И почему, во имя Небо, бактрийцы расположили это место на дальней стороне горного хребта? Перебраться через хребет означало встретиться с Нинусом и его кольцом воинов. Как миновать их и добраться до городских стен?

"Ах, маленький ручеек, - пробормотала она с тяжелым вздохом, - какие тайны холмов могли бы поведать сто твоих языков, если бы я только понимала твои странные, мудрые песни!"

Ручей пел дальше, унылый монотонный рев усыплял ее чувства, и сирийка снова вздохнула, потянувшись, чтобы уснуть; но дремота скрылась, как скрывается и ответ на ее поиски, и вдруг наступила тишина - такая глубокая, что боги ветра, казалось, затаили дыхание в ожидании грядущей бури, а сквозь тишину пробивался шепот ночных насекомых - журчащий гул, издаваемый языками крошечных существ.

Сириец вздрогнул, сел прямо на землю и в недоумении уставился на поток. Там, где раньше мчался поток, перепрыгивая через камни с бурным пенистым вихрем, теперь бежал струйкой ручеек. Песня ее затихла, из русла торчали черные камни, а на песке неуклюже плескалась пойманная рыба. Еще мгновение Семирамида смотрела на него, затем вскочила на ноги и потрясла спящего индейца.

"Проснись!" - крикнула она. "Как жива Иштар, я говорила с потоком, и поток ответил мне!"

Она еще долго шептала, указывая на север, пока Хузим не поднялся и не стряхнул дремоту с глаз. Они связали челюсти Хабала кожаным шнурком, чтобы пес не высунул язык и не поднял тревогу, и молча поползли к ручью. Она текла на север, но внезапно обрывалась к востоку, где холмы изгибались внутрь, образуя мощную яму в склоне горы, и здесь охотники остановились, потому что до них донеслись людские крики, рев несущегося зверя и звук множества ударов молота.

"Ах, - вздохнула Семирамида, - вот где корень загадки, он висит, как виноград, пока мы не придем снять его".

Они покинули ручей и полезли вверх, намереваясь подглядывать сверху, индеец крался впереди, а Семирамида шла за ним, держа собаку на поводке. Крутизна становилась все труднее, но искатели не жалели сил и медленно поднимались, пока не наткнулись на часового, который сидел в узком проходе и тихонько напевал про себя.

"Какое белое у него горло", - усмехнулся Хузим, зарубая древко и опускаясь на колени среди камней; но Семирамида сдержанно похлопала его по руке.

"Нет, пощади его, ведь он смотрит на звезды и, сам того не ведая, возносит хвалу Иштар. Убить его - значит принести нам зло. Идемте!"

Они поползли вправо, по кругу, который привел их намного выше наблюдательного поста, затем повернули и снова взяли курс; и так они шли скрытно, как в давние времена преследовали свою

дичь в Сирии, и наконец пришли к краю обрыва. Они улеглись на землю и стали смотреть вниз, но ничего не было видно из-за мрака и тумана, который вился туда-сюда по воле переменчивого ветерка. До них долетали странные звуки: то клятва, то резкий приказ, то треск плети, то беспорядочные отзвуки спешки и труда; вот луна выскользнула из-за скалы, заливая склоны светом, а призыв дозорных разнесся далеко по округе, и шум в долине прекратился.

Наблюдатели отползли в тень нависающей скалы, продолжая вглядываться в глубину под ней, и, приглядевшись, заметили отблеск воды, по которой толкали неуклюжую баржу люди, зашедшие в воду по пояс.

"Смотрите!" - вскричал Хузим, указывая на груженую баржу. "Она плывет к обрыву! Что это за тайна?"

Все было именно так, как он сказал. Появилась еще одна баржа, потом еще и еще, пока не насчитали семь, каждая из которых толкалась куликами к обрыву и исчезала внезапно, словно погружаясь в какой-то зияющий колодец. У кромки воды копошились десятки людей, каждый был занят своим делом; затем через некоторое время появилась бригада, трудившаяся над деревянными воротами, которые скользили между каменными челюстями. С помощью балки ворота были подняты, после чего вода из запруды вновь устремилась в русло горного потока, и на месте озера, покоившегося в котловине среди холмов, показалась земля.

Все это было странно для Хузима и казалось ему непостижимым чудом, но Семирамида улыбнулась и укорила себя:

"По правде говоря, я была всего лишь грудным младенцем в том, что касалось ума и козней людей; но за горами лежат еще два миллиона младенцев, и Нинус, могущественный и восседающий на троне, - владыка всех младенцев!" Она задумчиво повернулась к индейцу: "Скажи мне, ты говорил, что Менон вырыл свои колодцы к востоку от Зариаспы и нашел там сладкую воду?"

"Да, - сказал Хузим, - но какое это имеет отношение к баржам на склоне горы?"

"Многое, - рассмеялся сириец, - ибо эти лодки спускаются через пещерный проход под гору, под землю, где расположился Нинус, и под стены города. Там бактрийцы получают свои запасы продовольствия и сжигают эти баржи, которые не могут вернуться обратно. Воду они собирают в цистерны для нужд города, или же распускают ее по своему усмотрению, и она течет прочь, чтобы утонуть в жаждущих песках за городом. Так Менон копает свои колодцы и радуется тому, что находит".

Индеец слушал с открытым ртом, хрюкая от удивления, но ничего не отвечая, и Семирамида заговорила снова:

"Клянусь Иштар, это хитроумная уловка, и все же ремесло может сравниться с горем Бактрии. Наконец-то Менон мой!" - ликующе воскликнула она. "Царь мой! А Зариаспа лежит в ложбинке моей руки! Вставай, Хузим, ибо мы поднимаемся на вершину горы, пока не наступил рассвет!"

И снова они двинулись в путь, сначала с осторожностью из-за часовых, которые следили за склонами холмов, как мать-орлица охраняет своих птенцов; но в конце концов опасная черта была пройдена, и они поднялись на ноги, ускорив шаг. Они поднимались все выше и выше, пока луна не зашла за горизонт, и прохлада высоты не проникла под плащи; тогда они отдохнули час, и снова начали подъем. При одном только блеске звезд они трудились, пока с востока не забрезжил слабый свет; и вот, когда взошло солнце, они наконец-то стояли на хребте горы, а бедный Хабал падал к их ногам с трясушимися боками и вывалившимся языком.

Семирамида вздохнула. Под ней лежала земля Бактрии, но сейчас она была скрыта призрачным морем тумана - тумана, который клубился и вздымался, открывая гигантские вершины, которые, казалось, робко выглядывали, поворачивались и убегали, словно преследуемые духами подземного мира; затем вершины, ободренные солнечными лучами, испившими пар, снова бросались назад, а разбегающиеся облака растворялись, как сброд перед колесницей военного царя.

Туман опускался все ниже и ниже, пока крепостные стены Зариаспы не прорвали пелену, и на них не появились длинные ряды белокожих жрецов, поклоняющихся солнцу, а воины опускали свои знамена, преклоняли колени и поднимали вверх сверкающие руки.

Семирамида наблюдала за происходящим, как тот, кто заглядывает в колдовской котел, когда оттуда вырывается дым. Она увидела долинские предгорья и тауновую равнину, которая простиралась за ними, теряясь в охристой дымке. Она видела город, мрачный, непокорный в своей мощи, и огромное коричневое чудовище, свернувшееся вокруг его внешней оболочки, голодное, сбитое с толку, уставшее от бесплодной хватки. С севера на юг длинные гряды прорезали землю, где были вырыты траншеи для хранения убитых и остатков лагеря, и все это было засыпано песком, чтобы не разразился мор, а повсюду валялись почерневшие остовы башен, штурмовых орудий и брошенных катапульт, которые враг разрушил или сжег огнем.

И вот армия проснулась, но не как воины, жаждущие осады, а как вялые люди, которым легче изрекать сонные проклятия, чем трудиться, как мужчины, ради дела, на которое мало надежды.

"Смотрите!" - вскричала Семирамида, указывая дрожащей рукой, а ее огромные глаза пылали презрением. "Царь Нинус лежит в лени, и миллион воинов гниет в безделье! Клянусь Иштар, с такой силой я свергла бы этот город, как дровосек валит бездушное дерево!" Она сделала паузу, чтобы вздохнуть, затем с улыбкой повернулась к Хузиму: "Среди звезд над головой происходят странные события, но, возможно, Нинусу я скоро прошепчу, что он пробудился от своей летаргии".

Индеец долго и серьезно смотрел на нее.

"Госпожа, - мрачно ответил он в манере человека, которому вменяется в обязанность говорить правду, - если ты хочешь шепнуть на ухо царю Ассирии, то сначала сделай его отверстие побольше колючкой твоего охотничьего копья".

"Нет, - рассмеялась Семирамида, - женское остроумие может погрузиться гораздо глубже и не оставит шрама". А теперь укажи мне, где мой добрый господин Менон разбил свой лагерь".

Палец индийца прошелся по восточной стене города, до кургана за ним, до тускло-коричневой орды праздных воинов - таких же праздных, как и воины царя.

"Ах!" - вздохнула тоскующая жена и отошла в сторону, чтобы окинуть взглядом стены Зариаспы в надежде, что ее сердце приведет ее глаза к тому, кого она искала среди мириад мошек на далеком поле.

"Менон, - шептала она, простирая руки и распаляя свою чувственную душу, - если бы Шаммурамат была на самом деле голубкой, как быстро она взмахнула бы крыльями, направляясь к тебе!"

* * * * *

Когда солнце зашло за горизонт и тени от холмов поползли по равнине, царь Нинус сидел в своем шатре, а вокруг него стояли несколько его вождей. Это были воины из многих земель, составлявших единое царство Ассирии, суровые мужчины медного цвета, полуобнаженные от

летнего зноя, исхудавшие, худые и сухощавые. На лицах многих было написано изнеможение, на других - гнев, в то время как монарх мрачно хмурился: шел совет, на котором восстание против царя достигло апогея, и яростная внутренняя распря готова была разорвать армию из конца в конец.

"Слушайте меня!" - вскричал Ашарал, вавилонский князь, чья ненависть к завоевателю заставляла его постоянно вступать в споры. "Зачем голодать в Бактрии, когда по Тигру и Евфрату лежит изобилие? Зачем ломать зубы о каменную стену, если от этого ничего не останется, кроме кровоточащего рта? Мы штурмуем города, выбрасываем богатства нации, как будто ее казна служит катапультой! наших солдат тошнит от недостатка пищи и от горечи долгого поражения! Если Нинус действительно бог, то пусть отдаст этот город в наши руки, а если нет, то поведет своих измученных слуг домой!"

В ответ король поднялся и ударил принца Ашарала по губам, отчего тот упал на землю с судорожно дергающимися конечностями и глазами, закатившимися в пустоту.

"Итак, - прорычал Нинус, поглаживая костяшки своего огромного коричневого кулака, - наконец-то у собаки пошла кровь из рта". Он повернулся к друзьям вавилонянина и заговорил снова, спокойно, но так, как говорят мастера: "Поскольку он родился дураком, я его пощажу - следующий такой же будет повешен!"

В шатре совета воцарилась тишина, лишь слышалось переступание нетвердых ног да скрип упряжи, когда павший тяжело и быстро дышал; затем в тишину вошел часовой и низко склонился перед королем.

"Повелитель, - сказал он, - к нам прибыл гонец, требующий аудиенции у Нинуса и его вождей".

Губы монарха разошлись для клятвы, но из них не вырвалось ни звука; вместо этого рот его растянулся еще шире от удивления, ибо перед ним ступила женщина-воин, подобной которой он никогда не видел. Ее стройные конечности были обтянуты виссоном, перевязанным ремешками, как и кожаные сандалии на ее ногах; на ней была туника, выстиранная в горном потоке, а через грудь была перекинута шкура леопарда, застегнутая сзади и служившая колчаном для ее древков. Она несла лук и охотничье копье, а на ее плечах, смуглых и голых, рыжие локоны спадали с медного шлема.

Вожди смотрели на нее, но не великолепие ее одеяний приводило их в изумление, а ее красота, странная и дьявольская, ее глаза, глубокие бассейны вечно меняющегося света, в которых глупели и съеживались сыны человеческие.

"Шаммурамат!" - вздохнул король. "Откуда ты пришла?"

"Шаммурамата больше нет, - ответил сириец, - это купец с запада с товарами на продажу".

"Клянусь Белитом, - ворчал Газил, волосатый вождь с возвышенностей реки Хит, - если бы торговка продавала себя, я бы купил, хотя сделка ободрала бы меня до костей".

"Тише!" - прошептал подталкивающий сосед. "Будь осторожен на язык, чтобы Нинус не послужил тебе так же, как вавилонскому дураку".

Так Газил замолчал, а Нинус молча смотрел на Семирамиду. В сознании царя боролись два духа: один - гнев на пленницу, сбежавшую из Ниневии, чтобы бросить вызов его воле, другой - невольное восхищение ее безрассудством.

"И почему, - спросил он, расчесывая бороду, - торговка рискует головой, отправляясь в путешествие в Зариаспу?"

Семирамида смотрела на него с детским удивлением, в котором смешалось доверие, не тронутое страхом.

"Повелитель Ассирии знает, что я пришел по его приказу".

Царь ничего подобного не приказывал, но, вспомнив, как сириец одурачил его в ниневийских залах, он решил посоветоваться с самим собой, чтобы не повторить этого.

"Говори, - призвал он с осторожностью, - чтобы слышали мои вожди и друзья".

Семирамида смиренно склонилась перед ним и повернулась к слушающим ее людям.

"Милорды, - начала она, обращаясь к каждому по очереди, - гораздо лучше меня может говорить Нинус, ибо слава этого деяния принадлежит ему". Она сделала небольшую паузу, а затем заговорила снова, и ее богатые тона странно падали на уши тех, кто их слышал. "В видении явился мне царь - дух в благочестивых одеждах Асхура и рогатой шапке Бэла. Встань, Шаммурамат, - приказал он голосом, доносящимся издалека, - встань и ищи среди холмов Гиндукуша дивную тайну, сокрытую там, тайну, благодаря которой вся Зариаспа будет долго пировать, а Ассирия будет рыскать голодным волком за своими стенами!"

"Ах!" - вскричал Нинус, вскакивая на ноги, - "так ты знаешь, откуда у Зариаспы запасы еды?"

"Да, - ответила она, - но дух короля сказал больше". Монарх опустил на свое место, а она повернулась к глазеющим вождям: "Мой дух, - говорил дух короля, - рожден на небесах, но плоть моя смертна, как хорошо известно всем людям; так следуйте же за моим духом и продайте эту тайну моей смертной плоти за такую цену, какую потребует справедливость".

Король поднял голову, в его глазах вспыхнул гнев, но он сдержал свою речь, ибо не знал, что его ждет, а полубог был лучше, чем оказаться вовсе не богом.

"Говори", - пробормотал он, и Семирамида продолжила. Она сплела чудесный рассказ о волшебстве и мифах, о том, как дух незаметно провел ее через ворота Ниневии, о том, как за стенами ее ждал конь, чтобы проводить в путь, об оружии и одежде, которые были на его спине, и о том, как он быстро пронесся через земли врагов.

В те дни сыны Ассирии были как дети, чей разум был охвачен суеверными страхами; они верили в демонов, населяющих землю и воздух, воды и небо; поэтому слова Семирамиды были словами истины для всех, кроме двух, которые слушали и не обманывались. Один из них был царем, другой - Накир-Киш, верховный жрец волхвов, человек мудрый, который стоял в стороне, сложив руки, и улыбался. Сириец заметил в его взгляде неприкрытую ревность, ибо она слишком близко подошла к его собственным темным обрядам, чтобы остаться незамеченной; поэтому она попыталась обезоружить врага еще до того, как он поднимет оружие речи.

"Господа мои, - обратилась она к изумленным вождям, - рассказ окончен. Как дух Нинуса вел меня, так я шла и нашла; если же найдется кто-нибудь, кто усомнится в моих словах, пусть спросит у Накир-Киша, чьими высокими искусствами был вызван дух царя и послан ко мне в Ниневию".

Все взгляды обратились на Накир-Киша, который покраснел, когда сириец вошел в дом, ибо, несомненно, он оказался в тяжелом положении. Отрицание лишило бы его хваленой власти и обмануло бы его волшебство в великолепном деле; подтверждение ее слов означало бы, что он

стал союзником лжеца; поэтому первосвященник немного поразмыслил и придержал язык. Вожди ждали, и наконец он вышел в центр кольца и поднял руки.

"Все так, как она говорит", - воскликнул он, и Семирамида улыбнулась с видом повелительницы царей; затем Нинус встал и произнес:

"Мир, Накир-Киш! Не следует разглашать о наших делах по всему миру. Пусть женщина расскажет о хранилище бактрийцев, скрытом от наших смертных глаз".

Сирийка покачала головой.

"Мой господин, - ответила она, - верно, что торговец продает товары, но у торговца есть цена".

"Назови ее", - прорычал король. "Если слова твои правдивы, я дам колесницу весом в золото; если же ложны - берегись!"

"Нет, сиятельный, - улыбнулась она, - разве Шаммурамат вор? Я прошу одну колесницу из дерева и меди с человеком, который повезет меня, куда захочу и когда захочу".

"Разрешаю", - согласился король. "Выбирай колесницу, коней и возницу, но, во имя Нево, расскажи нам поскорее о том, что мы жаждем узнать".

"Подожди!" - сказала Семирамида. "Сначала нужно скрепить мою сделку. Что касается коней, то мне все равно, лишь бы они были здоровы и ветрены; а вот что касается того, кто поведет, то это имеет большее значение для моей сделки".

Она повернулась к слушающим ее воинам, а затем сделала паузу, чтобы снова рассмеяться, потому что полдюжины мужчин вышли вперед, желая подвести ее, пусть даже дорога будет проложена через дымящиеся ворота Гибила.

Не стоит портить настроение нетерпеливому царю, но сирийка решила на это, прекрасно зная, какую цену заплатит Ассирия за то, чтобы назвать гордую Бактрию рабыней; поэтому она не обращала внимания на Нинуса и, улыбаясь, шла с его вождями, сознавая свою силу.

"Нет, друзья, это я, чья гордость разгорается при мысли о том, что я отправлюсь в путь с доблестными воинами. Всех вас я люблю за вашу силу, за вашу преданность тому, кто ведет, кто своей мудростью покоряет мир; но только один может вести мою колесницу, и он..."

"Принц Менон!" - вскричал Накир-Киш, стремясь приобрести друга там, где не смел нажать врага, и Семирамида повернулась и склонилась перед царем.

Монарх нахмурился и некоторое время размышлял, соизмеряя ценность знаний сирийки с мерой своей царской гордости; но тут до него дошло, что ее искусство оставило ему лишь один путь, ибо в ее тайне заключалось благополучие нации и царя. Его вожди замыслили измену, а армия дрожала между бунтом и верностью, колеблясь и ожидая крика вождя, который ввергнет их в открытую войну - войну, над которой бактрийцы будут громко смеяться от радости. Тогда сириец предложил мир, мир и победу - ее цена - прощение одного человека. Прощение! Царю было обидно, но, если царь пьет желчь, хорошо, если он осушает свой кубок с улыбкой, как будто напиток сладок на его языке; поэтому Нинус улыбнулся, поднялся и заговорил голосом, который могли слышать все:

"Слушайте, дети мои. Давно мечтаю я принять принца Менона в свое сердце; но из-за упрямства он сидит на своем кургане, пожираемый селезенкой. Если теперь он снова назовет себя моим сыном, отец примет его так же радушно, как принимает дочь в Шаммурамате".

При этих словах раздался сильный крик, и огромные глаза сирийки наполнились слезами. Она упала на колени и хотела прижаться губами к руке монарха, но Нинус поднял ее и поцеловал в губы.

Затем перед всеми Семирамида рассказала о водном пути под холмами, о расщелине в скалах на дальней стороне, где бактрийцы запрудили горный поток, подняв воды на нужную высоту. Она рассказала о сторожевых постах, охраняющих эту тайну, а через плодородные земли армия охотников прочесывала леса и поля в поисках дичи; эту дичь несли к скрытой расщелине и грузили на баржи, откуда она плыла по недрам земли к ожидающему Зариаспе.

"И таким образом, - вскричала Семирамида, - в хранилища наших ненавистных врагов приходит пища и поток сладкой, прохладной воды, когда Ассирия должна сидеть за стенами, непобежденная, голодная и жаждущая".

Она замолчала, и в царском шатре воцарилась тишина, лишь слышалось тяжелое дыхание и вскоре раздался вздох удивления; но вскоре вперед вышел верховный жрец Накир-Киш, желая разделить славу сирийца. Он поднял свои обнаженные руки, в его глазах горел свет битвы, а голос был наполнен огнем пророчества:

"Слава Асхуру, владыке всех владык! Ибо на языке духа Нинуса зазвучала предсмертная песнь Зариасы! Слушайте, вожди гордой Ассирии и те, кто следует за ними по пятам! В этот день ваш царь поведет вас через вершины Гиндукуша, чтобы сокрушить силу врага, разрушить его хранилище на склоне горы и заполнить камнями устье туннеля! Вставай, Газил! Труби в свой боевой рог! Собери своих мечников с холмов Наири и своих пращников с севера! Вставайте, люди Вавилона и Ниневии, чтобы следовать туда, куда поведет ваш царь, и пусть вашим боевым кличем будет *Шаммурамат!*"

Сириец низко поклонился, но даже когда вожди поднялись с ее именем в боевом кличе на устах, она остановила их поднятой рукой.

"Нет, лорды, - рассмеялась она, - ваш могущественный жрец предложил всего лишь шутку, чтобы проверить нрав своих собак на поводке. Не лайте так громко, храбрые псы, ибо в этот день никто не поднимется на гору".

От ее дерзкой речи верховный жрец Накир-Киш побледнел от гнева, а Нинус молча наблюдал за происходящим, зная, что все еще впереди, в то время как оруженосцы подходили все ближе, сходясь в круг от удивления и благоговения.

"Зачем карабкаться, - спросила женщина, - если у хозяина есть более справедливый план?"

"Говори", - осторожно приказал Нинус, и Семирамида повернулась спиной к Накир-Кишу.

"Мой господин, - заговорила она, - не в твоем уме пересекать горный хребет и заваливать камнями горло туннеля, ибо тем самым прекратятся большие запасы пищи. Лучше король пойдет и будет копать, пока не найдет это затонувшее русло; и тогда, когда груженные лодки причалют, их запасы наполнят желудок Ассирии, а Зариаспа будет смотреть с проклятиями на наш пир". Так думал Нинус, ибо ум царя мудр".

Она замолчала, и вновь воцарилась тишина. Вожди опустили глаза в землю, лукаво подталкивая друг друга, а верховный жрец хмурился и не произносил ни слова. Царь Нинус тоже некоторое время молчал, но вскоре его огромная борода затрепетала под пальцами, когда он взглянул на женщину, опирающуюся на копье; затем он разразился ревом смеха и взял ее за руку, как брал бы руку брата и царя.

* * * * *

В долине среди предгорий, скрытой от глаз стенами Зариаспа, армия рабов начала рыть мощную траншею глубиной в двадцать локтей, идущую с севера на юг по линии, которая должна пересечь русло скрытой реки. Одиннадцать дней они копали, но все напрасно, пока многие не усомнились в Семирамиде, посчитав ее рассказ причудой какого-то глупого сна; из тех, кто усомнился, первым был Накир-Киш, а Нинус следовал за ним по пятам.

Царь приставил к Семирамиде стражу и велел Менону не появляться в западном лагере, пока не будет доказательств ее слов; но на все эти сомнения сирийка смеялась, подбадривая своих землекопов обещаниями награды, которая, конечно же, поступит из царской казны.

Она потребовала себе должность начальника этих работ и с рассвета до темноты руководила трудом, как сам Нинус трудился при возведении Ниневии. По ночам, когда лагерь затихал во сне, она пробиралась по ложбине долины, время от времени прислушиваясь, прижимаясь ухом к земле, и, наконец, получала награду в виде слабого далекого журчания вод под землей.

На утро одиннадцатого дня землекопы прекратили свои труды, потому что их траншея наткнулась на скалистый водоток, крыша которого была сделана из бревен и стволов деревьев, высота которого достигала пяти локтей, а ширина - еще большего размаха. Теперь в эту странную черную дыру не текла вода, но дно ее было влажным, и вскоре ручеек потек вниз, углубляясь и увеличиваясь в размерах; затем, когда землекопы, опираясь на свои орудия, смотрели с открытым ртом, поток повернул на себя, устремившись уже не к городским стенам, а в траншею, вырытую Семирамидой, - крошечная речка, текущая в новом странном русле.

И вот случилось дивное: внезапно из земли выплыла деревянная баржа, полная туш медведей и горных козлов, овец и оленей, которые бродят по холмам Гиндукуша, много зерна и шкур для вина. Увидев все это, землекопы бросили свои инструменты и бежали от Семирамиды, как от проклятой; сириец же рассмеялся и вскочил на баржу.

Царь, разбуженный ото сна многоголосым ревом, вышел из своего шатра и уставился на новую реку, текущую у его ног. На ее берегу покачивалась баржа, доверху нагруженная едой и питьем, а на самом верхнем мешке с зерном сидела рыжеволосая ведьма, глаза ее сияли, а рука была протянута в шутливом приветствии к королю.

"Хо, господин!" - вскричала она со смехом в голосе, - "Владыки Бактрии посылают дань повелителю всего мира!"

ГЛАВА XXII

КТО ПРАВИТ, ТОТ СНАЧАЛА ДОЛЖЕН ПОДНЯТЬСЯ

Был устроен роскошный пир, на который собрались большие и малые вожди всех лагерей, каждый на своем месте; кроме того, во всей армии Ассирии ни один солдат не остался не кормленным и не выпил глотка вина.

Во главе царского совета сидел Нинус в своих государственных одеждах, слева от него - Менон, справа - Семирамида, а под ними двойной ряд мрачнолицых воинов из многих земель, бородатые вельможи ассирийского двора, смуглые варвары в шкурах; и все они участвовали в

кровавой игре войны. Стуча волосатыми кулаками, они требовали вина - красного вина с холмов Сирии - и в буйстве пьяного тоста выкрикивали имя *Шаммурама*!

Царь Нинус улыбнулся Менону, опустив руку на плечо юноши, а Менон, в свою очередь, улыбнулся, поднял руку монарха и прижал ее к своим губам. И вот под дикую музыку барабана из овечьей шкуры и звонкий вой цитры, под мерцающие отблески факелов, наполняющих воздух смолистым ароматом, было заключено перемирие, договор между принцем Меноном и королем, по которому вражда прекращалась, и юноша вновь мог претендовать на любовь приемного отца. Он мог спокойно жить со своей женой Семирамидой и, ничего не боясь, вести своих воинов на штурм стен Зариаспы.

Глубокой ночью раздавался шум веселья, пока свод небес не стал серым и не погасли горящие звезды, а драчуны один за другим разошлись, чтобы отдохнуть, пока сон не вернет им огонь. Тогда Менон и Семирамида поблагодарили царя за его щедрость и любовь, низко поклонились, поцеловали его мантию и рука об руку вышли в ночь.

У входа в шатер, в свете факелов, стояла колесница, ее кони изнывали от томительного ожидания, и Менон повел свою жену, теперь уже навсегда принадлежащую ему по клятве царя Ассирии; но не успели они сесть и отпустить поводья, как из тени меньшего шатра вынырнула облаченная в белое фигура, встала на пути колесницы и подняла руки. Менон заглянул под капюшон, затем преклонил колено перед верховным жрецом Накир-Кишем.

"Чего бы ты хотел?" - спросил он, и верховный жрец торжественно ответил:

"От Менона-науга!" Затем он приложил палец к губам и поманил Семирамиду.

Изумленная, она последовала за ним, чтобы не слышать своего повелителя, и при свете умирающей луны разглядела его черты, мрачные и холодные, тонкие губы, подергивающиеся под мужеподобной бородой. Накир-Киш был красив, силен в свои два десятка лет и еще сильнее в гордыне своей мистической силы; и сейчас, сложив руки, он смотрел на Семирамиду, пристально, не торопясь, а затем, вскоре, заговорил:

"Царевна, ремесла твои не к лицу тебе, и не подобает женщине вмешиваться в дела мужчин. Ступай же в шатер господина твоего, которого пощадил Нинус, и расти ему детей, оставив магические и воинские искусства жрецам и воинам".

"Почему?" - спросила она, глядя ему в глаза.

"Потому что, - ответил он, - там, где падает небесный огонь, земля сгорает, а дочери смертных спят, чтобы больше не проснуться".

Она улыбнулась и ответила, гордо, как человек, не знающий страха:

"Моя мать была Деркетю, мой отец - бог-воин из Восточных морей. Небесный огонь может согреть меня, но никогда не омрачит".

Она прекрасно понимала причину его недовольства, ведь червь ревности может разъедать сердца жрецов, как и тщеславие низших людей. Склонив Нинуса к своей воле, она присвоила себе хвастливые способности Накир-Киша, и хотя она отдавала ему должное в его магических искусствах, все же ей удалось встать на ступеньку выше его собственных. Там, где целая армия шпионов не смогла разгадать секрет пищи Зариаспы, где даже волхвы с их заклинаниями и убитыми птицами ничего не обнаружили, женщина искала среди холмов и нашла; и вот, явившись как спасительница хозяев Ассирии, ее тень упала на двери храма, и гордость жреца была посрамлена. Что, если эта тень вырастет? Что, если эта женщина жаждала высшей силы и

стремилась покорить целый народ, даже если она покорила умы нескольких глупцов? Не столкнет ли она, в конце концов, Нинуса с его божественного пьедестала, а его падение нанесет синяки плоти Накир-Киша? Рожденная от дьявола или от человека, чего бы ни желала сирийка, это должно быть ее собственным; поэтому сердце жреца было встревожено, чтобы эти события не свершились.

"Подумай, - шептал он, - один раз, всего один раз, царь Ассирии простит, и по одному моему слову помилование твоего господина может ускользнуть из его памяти, и тогда Менон уйдет с наших глаз, чтобы больше не утешать тебя".

Теперь Семирамида могла терпеть угрозы в свой адрес и улыбаться им, как пустому дуновению ветра, но при одном намеке на зло повелителю тигрица внутри нее взвыла и показала когти.

"Жрец, - ответила она тем мурлыкающим тоном, которого с годами научились бояться ее придворные, - я вспоминаю маленького лисенка, которого я вырастила в Сирии. Он был слабеньким, но вырос в силе и аппетите благодаря моей щедрости и заботе. От моей руки он получал пищу, от моего сердца - любовь, которая защищала его от всякого вреда; но когда он украл птиц моего отца и спрятался среди скалистых холмов, девять дней я охотилась за ним с этим моим охотничьим копьем и прибила его шкуру к стене".

Семирамида воткнула свое оружие в землю и протянула к нему руку.

"Выбирай, Накир-Киш, мне все равно, какой, но выбирай!"

Верховный жрец размышлял, глядя в ее немигающие глаза. Он должен был выбрать птицу, и мудрость боролась с гордостью. Гордость вызвала к открытой вражде, к соизмерению своей силы с ее умом, но мудрость шептала, что лучше уж получить пищу в мире, чем купить ее ценой жреческой шкуры; поэтому он освободил ее копье от земли, вернул ей ее собственное и взял предложенную руку.

"Ты выдержал мое испытание", - пробормотал он с лживой улыбкой, и Семирамида смотрела ему вслед, пока он не скрылся в тени палатки, а затем села на колесницу рядом с ожидавшим ее повелителем.

"Что ищет верховный жрец?" спросил Менон, и сирийка тихонько рассмеялась, отвечая ему:

"Он хотел бы стать нашим другом, ибо великий человек в своей мудрости предвидел, что ты и я однажды сможем подняться к власти".

Они поехали через равнину на восток, пока не достигли кучи деревьев, и тут принц Менон натянул поводья. Она не стала спрашивать, зачем, ибо, когда луна выскользнула из-за туч, воин заключил ее в объятия, первые с тех пор, как Ниневия осталась позади, и ее губы встретились с его губами в поцелуе страсти и нежности.

А другие, рядом с луной, смотрели на это с хмурыми лицами, такими же темными, как собирающиеся тучи; из тени за ними наблюдал Накир-Киш, угрюмый в беспомощной ярости поражения, а повелитель Ассирии тоже видел и сжимал свои могучие кулаки.

Луна зашла за хребет Гиндукуша, и верховный жрец наконец уснул, а Нинус сидел в задумчивости до самого рассвета, и мысли царя были злыми.

* * * * *

И вот уже возникли новые планы по завоеванию Зариаспы; царь Нинус все еще осаждал западную стену, а Менон нацелился на восточную, хотя между ними не было никакой внешней вражды.

Ночью они проделывали свои хитрости в королевском шатре, а днем осматривали город с гребня кургана Менона, пока те, кто наблюдал за ними, не сказали про себя:

"Вот, поистине, они похожи на отца и сына, и Ассирия получит выгоду и будет радоваться".

Тогда Накир-Кишу пришло в голову, что Семирамида из-за своих великолепных деяний будет претендовать на какую-нибудь руководящую должность, возбуждая тем самым ревность среди вождей воинов; но и в этом его пророчества оказались несбыточными. Сириец ничего не просил. Тогда первосвященник втайне от царя стал уговаривать его поставить ее во главе вавилонян, чей вождь, принц Ашарал, был лишен должности из-за гнева Нинуса. По такому замыслу могущественная часть войска Ассирии должна была возненавидеть девушку и добиваться ее гибели, даже если бы пролилась ее кровь; когда же Нинус предложил поставить ее на место Ашарала, она рассмеялась и покачала головой.

"Что! - спросила она, - неужели я, женщина, буду носить меч столь великого человека? Нет, повелитель, если ты хочешь угодить мне, забудь свой гнев и верни Вавилону этого павшего идола".

"Не так, - вскричал Нинус, - зубами он бросил мне вызов, и хотя я пощадил его жизнь, больше он не поведет своих воинов на войну". Истинно, род Ашарала закончился".

"Верно, - сказала Семирамида, - он заслужил смерть, но что делать с вавилонянами, которые последовали его примеру? С другим вождем они лишь как угрюмые свиньи, нерадивые, не зарабатывающие своей соли; но под командованием Ашарала, которого, по странности сердца, они любят, они уже не свиньи, а боевые люди. Поэтому справедливость обманывает Нинуса, когда ремесло дает ему сто тысяч союзников в придачу к его силе".

Царь Нинус, удивляясь ее мудрости, громко рассмеялся и снова ввел в должность принца Ашарала, хотя, когда до него дошли слухи, что это дело рук Семирамиды, а не царя, Нинус не снискал особой любви в Вавилонии, а сирийка получила царство для друга - царство, которое однажды вознесет ее на вершину и провозгласит царицей от выжженного солнцем Египта до замерзших вод Севера.

Таким образом, Семирамида наносила поражение первосвященнику Накир-Кишу, отказываясь от всех почестей и не принимая никакого участия в сражении, кроме той помощи, которую могла оказать своему повелителю в стратегии; в конце концов она сама выбрала себе награду и получила в командование подземное русло реки вместе со всеми припасами, и в этом ее выбор был удачен. Она разбила свой шатер среди холмов рядом с отверстием траншеи, затем позвала верного сирийца Кедаха и поставила его во главе тысячи воинов-оруженосцев. С этой охраной и Хузимом, который спал напротив отверстия ее палатки, она могла спокойно отдыхать, зная, что никто не будет приставать к ее персоне или лезть в секреты ее подопечных.

Прошло три дня, и много груженных барж прибыло, чтобы откормить Нинуса и его людей, а на четвертый день на городских стенах поднялся большой переполох; толпа жрецов вышла вперед с Оксиартесом во главе и устремила взор на далекую горную цепь, затем один из жрецов приготовил костер из дров, обмазал его смолой и поднес факел, так что вскоре в безветренном воздухе поднялся столб густого черного дыма. Затем зажгли еще один костер, потом третий, хотя последний был задушен мощным полотнищем в руках многих жрецов. Тряпку то снимали, то снова натягивали, и вот! Дым поднимался вверх, но не столбами, как у других костров, а короткими черными струйками с промежутками между ними.

Тем, кто наблюдал за этим, эти костры казались не более чем религиозным обрядом их странных варварских врагов, но один из них был иного мнения.

"Клянусь Белитом, - вскричала Семирамида, вскочив на ноги, - бактрийцы подают сигнал своим друзьям с холмов! Иди, Кедах, возьми с собой отряд пращников, чтобы поразить этих занятых жрецов на стене. Вставай, Хузим! Зажги несколько костров, чтобы сбить с толку знаки Оксиартеса. Вперед!"

Она смотрела, и вскоре мириады костров взметнулись вверх, чтобы послать завесу искр над крепостными стенами; в это время отряд хеттов, разбивший лагерь неподалеку, думая, что планируется нападение, выбежал и ворвался на стены. Поднялся дикий, неожиданный шум, и тогда царь разгневался и послал отряд людей с плетями, чтобы они выпороли хеттов и вернулись в свой лагерь. Тогда бактрийцы, глядя на все это свысока, были озадачены и в благоговейном трепете шептались между собой:

"Высоким богам хвала! Царь Нинус лишился рассудка, ибо он точно сошел с ума!"

В тот день траншея, ведущая в лагерь Нинуса, была закрыта мощными деревянными воротами, и подземная река вновь потекла в Зариаспу, а бактрийцы вкушали пищу, которая путешествовала под их высокими холмами.

"Как же теперь!" - спросил царь у Семирамиды, когда Накир-Киш доложил ему об этом. "Зачем нам кормить наших врагов? Открой немедленно эти глупые ворота и позволь нам снова пировать".

"Нет, повелитель, - ответила сирийка, - этого я не могу сделать"; и царь отступил назад, пораженный ее словами.

Для Нинуса тот, кто ослушался, был подобен тому, чья жизнь сразу же была потеряна, ибо гордыня его была велика, и приказы, отданные однажды, исполнялись, даже если цена их была больше, чем полученное преимущество; однако в спокойном неповиновении этого рыжеволосого имперца таился дух, столь же бесстрашный, как и его собственный, - нечто, околдовавшее его душу, заставившее его подавить свой гнев и спросить с кротостью, новой для его пламенного языка:

"Если царь желает благополучия воинству Ассирии, то почему ты препятствуешь столь справедливой цели?"

Она задумчиво поскребла землю одной обутой в сандалию ногой, улыбнулась и ответила:

"Я уверена, что мой господин будет скорее полусытой змеей, чем пустоголовым ястребом".

"Что ты имеешь в виду?" - спросил он, и сириец снова улыбнулся.

"Лучше пусть пояса Ассирии немного ослабнут, чем мы будем кричать Оксиарту о том, что знаем русло его реки. Если он снова подаст сигнал своим друзьям через Гиндукуш, то они тут же перестанут грузить свои лодки, и хотя Зариаспа при этом будет голодать, ничего не выиграет, ибо Нинус страдает от голода, как дурак. Итак, Оксиарту должна достаться половина, пока он, удивляясь малому запасу, не подаст сигнал своим друзьям, что нужно еще; и так мы удовлетворим нужды всех".

Некоторое время монарх ничего не отвечал, но в задумчивости смотрел на желтую равнину, а затем заговорил, как человек, который общается только с самим собой:

"Клянусь великолепием Шамаши-Рамана, наступило время, когда Нинус должен перестать вмешиваться в дела ремесла".

Больше он ничего не говорил, а сел на колесницу и поехал в свой дальний лагерь, медленно, с низко склоненной головой, хотя то и дело смеялся, как тот, кто злорадствует от гордости за свои замыслы.

Когда царь ушел, Семирамида сидела в раздумье, наморщив лоб, с глазами, которые не видели, но, казалось, пронзали городские стены; затем она снова подняла речные ворота и, прошептав повеление Кедаху, позвала Хузима к себе и исчезла с ним, пока сила солнца не была израсходована и ночь не опустилась на холмы.

Принц Менон, придя из своего восточного лагеря на поиски Семирамиды, не смог найти ее следов. Напрасно он искал, но никто не мог сообщить ему вестей, и даже Кедха упорно лгал о ее делах, хотя ему было больно лгать любимому человеку. В отчаянии принц уже подумывал об отъезде, как вдруг появилась сама Семирамида с внезапностью, заставившей супруга остолбенеть. Из-под циновки в углу ее шатра поднялась голова Хузима, за ней - его тело, которое опустилось и подняло Семирамиду, как из ямы. Одежда ее была мокрой, пропитанной грязью и слизью, и казалось, что она должна была погрязнуть в трясине, а волосы свисали на шею.

"Во имя богов!" - вскричал Менон, но она остановила его, быстро зажав рот грязной рукой. Она огляделась, чтобы убедиться, что никто не задерживается за пределами ее палатки, а затем, тихонько рассмеявшись, прошептала Менону на ухо:

"Не бойся, мой господин, со мной не случилось никакого несчастья; но душа короля желает птицу по имени Зариаспа, и я, надеясь угодить ему, посыпала щепотку соли на ее хвост".

ГЛАВА XXIII

ОСАДА

Семирамида на своей колеснице медленно объезжала стену Зариаспа, осматривая ее со всех сторон; непроницаемая, мрачная, она возвышалась над ней с достоинством силы - величия силы, которая не смела даже насмехаться над щедедушной силой мышц и мозга.

"Госпожа, - спросил Хузим, стоявший рядом с ней в колеснице, - что значит победить эту внешнюю стену, когда нужно преодолеть более высокие стены цитадели?"

"Многое, - ответила она с улыбкой, - ведь эта цитадель была подарена мне две луны назад".

Индеец натянул поводья и уставился на нее в глубоком беспокойстве, решив, что солнце, возможно, коснулось ее мозга.

"Что ты имеешь в виду?"

На мгновение он не получил ответа, но затем она подняла свои лукавые глаза:

"Хузим, мой отец Симмас когда-то изрек великую истину, сказав, что тот, чей язык выдает детей своих мыслей, - и убийца, и глупец".

Индеец пришпорил коней и в молчании поехал вдоль западной стороны города, пока Семирамида не велела ему снова натянуть поводья; зачем - он не знал, потому что она остановилась, чтобы посмотреть на обычное зрелище - гигантскую катапульту, швыряющую камни в стену. Это орудие было сделано в виде метательной балки, которую сгибали вниз веревки из человеческих волос и сухожилий с шей быков, а на ее конце был установлен тяжелый камень. Отпущенная балка устремлялась вверх, двигая свой снаряд по крутой кривой, но не причиняла вреда, так как тяжелые камни падали, а легкие летели высоко, чтобы врезаться в какой-нибудь дом за стенами.

"Видите, - сказала Семирамида, сидя на ободе колеса колесницы и указывая на бесплодную работу, - они всегда промахиваются из-за этих камней, неравных по весу и форме. Видишь, Хузим, бактрийцы не боятся ракет, которые летят так медленно и лишь обременяют землю под их стенами. Если вдруг..."

Она внезапно остановилась, одна коричневая рука беспорядочно терлась о колесо колесницы, а взгляд был прикован к куче битых камней; затем она громко рассмеялась и заплясала на песке, как какой-нибудь радостный ребенок.

"Что тебя беспокоит, моя госпожа?" - спросил индеец, и она снова рассмеялась в ответ на его вопрос:

"Воистину, добрый Хузим, я снова стала матерью мысли - крепкого отпрыска, и ты pomoжешь мне его воспитать, ибо, вот! эти работающие свиньи подарили мне внешние стены Зариаспы".

Менон, Хузим и Семирамида засиделись до глубокой ночи, обдумывая планы и хитрости, а когда наступило утро, индеец и его хозяйка отыскиали среди холмов укромную долину. С ними отправились семь десятков рабочих, полнорукая стража и рабы, которые несли балки и корпуса брошенных катапульти; и сразу же на склоне горы раздался голос труда, а вдоль губы долины расположилась стража, которая с рогатинами и древками отвечала на любопытство бродяг.

В лагере Менона тоже развернулась работа, и осадные машины были приведены в порядок, а войско, удивляясь непонятным вещам, занялось изготовлением мешков. Эти мешки они мастерили из волокон, из выброшенной одежды, из ткани навесов или из любой ткани, собранной в далеких или близких местах, в них помещалось двести центнеров песка; и когда воин задавал вопрос о странности этого труда, его вождь просил его попридержаться языка, ибо причина его была известна только Менону и Семирамиде.

Когда королю принесли весть об этих событиях, он прогнал гонца с клятвами, ибо сердце его болело от бесплодных ухищрений. Где потерпел неудачу Нинус, там должен был потерпеть неудачу и Менон; и король отправился на охоту по горам, но нашел мало дичи, зато много досады в душе его от несчастливых размышлений. Он жаждал славы и владычества над всем миром, но сильнее этого была жажда овладеть любовью одной женщины и славой ее страсти, зажженной для него одного.

В таком настроении царь Нинус однажды увидел Семирамиду, возвращавшуюся из долины на холмах, и восхитился тем, как она тащила по песку несколько двигателей. Они были так хрупки, так стройны, что царь пожелал узнать, не предназначены ли эти игрушки для метания косточек вишни в своих врагов.

"Да, - серьезно и без улыбки ответила Семирамида, - ибо бактрийцы не любят ни вишен, ни их косточек. Приходи, господин мой, завтра, ибо завтра с их крепостных стен потечет красный сок".

Этот ответ озадачил Нинуса, озадачил его на всю ночь и наполнил его сны глубоким беспокойством; поэтому на следующий день он поехал в восточный лагерь Менона, чтобы узнать, какое коварство может скрываться под словами сирийца. Но если это и был промысел, то его смысл был скрыт от монарха, так как Менон сейчас занимался тем, что бросал мешки с песком на городскую стену. Они не причиняли вреда осажденным на крепостных стенах, но с безобидным стуком разбивали каменную кладку и заваливали ее землей. Два десятка двигателей, выстроенных в линию и обслуживаемых потными людьми, были заняты глупым спортом; и как Нинус презрительно смеялся, так смеялись и бактрийцы, укоряя Менона и побуждая его к еще большему усердию.

Но, как ни странно, воины Менона ничего не отвечали на оскорбления врага, а работали молча, неся на спинах бесконечные мешки с песком, в то время как за стенами стояли двигатели Семирамиды, бездействующие и не помогающие в этой насмешке над осадой; под стенами же курган из мешков с песком рос все быстрее; и вдруг издевающиеся бактрийцы поняли. Их смех сменился проклятиями, их веселье - криками ярости, ибо они увидели, что Менон построил наклонную дорогу к их крепостным стенам и скоро выпустит на них орду воинов.

И вот поднялась суматоха: крики капитанов, яростно наказывающих своих людей, вопли боевых рогов и ответный грохот бактрийских воинов, спешащих на защиту. На стенах были установлены самые тяжелые катапульты, чтобы уничтожить более легкие штурмовые орудия Менона; но теперь в дело вступило "дитя мысли" Семирамиды, и даже Нинус наблюдал за происходящим в благоговейном страхе.

Этот двигатель не был похож на другие, так как его метательный луч отклонялся назад на полкруга, а на луче было установлено колесо колесницы. Когда балку отпустили, она подалась вперед с боковым отклонением, и ракета была запущена, как мальчишка запускает снаряд. При первом же выстреле, направленном высоко из-за таившегося в душе сирийца тщеславия, колесо раскрутилось и со странным, мелодичным звуком пронеслось над Зариаспой. Глаза воинства Ассирии смотрели на нее с удивлением и гордостью, и радость Семирамиды была подобна радости вороного младенца.

Вскоре были установлены другие двигатели, и десятки колесниц загрохотали, издавая заунывный, приятный гул - приятный для тех, кто его издавал, но разный для незадачливых воинов, срывавшихся со своих стен. Эти колеса, благодаря их округлости и одинаковому весу, можно было бросать с удивительной точностью, и горе тем, кто пытался служить бактрийским катапультам; в то время как Менон, успокоившись, продолжал свой труд по насыпанию мешков с песком.

Если бактрийцы разгневались из-за этой новорожденной хитрости, то и Нинус тоже разгневался, но уже в другом порыве гнева. Никто не говорил с ним об этом, и Менон тайне пытался вырвать славу у своего царя, поэтому Нинус стал искать причину для справедливого недовольства этим человеком. В том, что дорога упиралась в стену, он не мог найти вины, ибо пески пустыни были свободны для всех; однако отбрасывание колес его колесницы было нечестивой расточительностью, преступлением, и с этим никак нельзя было мириться.

"Как же так, Шаммурамат!" - вскричал он, подбегая к ней и дрожа от гнева. "Зачем ты совершила это злое дело? И как мои хозяева поедут домой в Ниневию, когда колеса моих колесниц будут брошены среди наших врагов?"

"Нет, господин, - отвечала она с дьявольским смехом, - сегодня, когда Зариаспа будет твоей, ты соберешь эти вишневые косточки и снова назовешь их колесами".

И Нинус, ругаясь, повернулся на пятках, сел на ожидавшую его колесницу и яростно понесся к западному лагерю, в ушах его стоял рев стен Зариаспы и ответный рев тех, кто трудился под ними; затем Семирамида оставила свои двигатели и, подгоняемая Хузимом, понеслась по пыльной тропе царя.

Достигнув лагеря, царь развернул свои войска в стремительной атаке на западную стену, надеясь, что силы Бактрии устремятся к той далекой точке, где Менон нанес свой удар; скрипучие башни и могучие сооружения из дерева и меди толкались к крепостным стенам, и люди устремлялись вверх, чтобы схватиться с защищающимися врагами, упасть и умереть.

Семирамида, следуя за Нином, заставила Хузима натянуть поводья в лагере Ашарала, вавилонского князя, которого монарх лишил должности, но восстановил по просьбам сирийца.

Она шепнула ему, и, услышав этот шепот, принц Ашарал радостно улыбнулся и сразу же отправился к царю. Король оказался в раздраженном настроении из-за медлительности своих войск и их неспособности отвоевать стены, и это встревожило его еще больше, когда Ашарал с кротостью склонил колени и произнес:

"Господин мой, на каком месте должен служить раб твой, надеясь тем самым помочь моему царю в этом его тяжком бедствии?"

Этот вопрос был для Нинуса как соль на открытую рану, и он хотел бы ударить Ашарала по его смиренным устам; но многие смотрели, и тогда царь протянул одну дрожащую руку и указал на цитадель.

"Там стоит то, что мы ищем! Иди и ищи, глупец, и больше не тревожь меня пустыми вопросами!"

Вавилонянин склонил голову, наполовину в знак почтения, наполовину желая скрыть радостную улыбку, и вышел из присутствия царя; но вскоре он настиг Семирамиду, вскочил на хвост ее колесницы, и кони понеслись вскачь к холмам. Они не останавливались, пока не достигли ворот подземного русла реки, где Ашарал выбрал тысячу вавилонских воинов и, приказав им следовать за собой, исчез вместе с Кедхой, Хузимом и Семирамидой в недрах земли.

Этот шаг был совершен тайно и осторожно, но слух о нем дошел до пытливого верховного жреца Накир-Киша, который немедленно поспешил к царю; Нинус же был в напряжении после неудачной битвы, хмуро дергал себя за бороду, поэтому верховный жрец придержал язык до более благоприятного момента для своих дурных новостей. Он ждал в стороне, но Нинус вскоре заметил его и подозвал к себе.

"Жрец, - сказал он, - тяжкий вопрос преследует меня, не давая ни передышки, ни покоя, и ответ на него скрыт от моего разума; но, может быть, из твоих предвидений придет какая-нибудь помощь".

"Говори", - попросил Накир-Киш, и обеспокоенный монарх заговорил:

"В Ниневии я дал клятву, что тот, кто первым одержит победу над цитаделью Зариаспа, может присвоить себе женщину, будь то царь или отпрыск хеттского крепостного. В Бактрии я отдал эту женщину Менону, вновь поклявшись не разлучать их". Он сделал паузу и посмотрел на Накир-Киша сузившимися глазами. "Может ли монарх дать две клятвы, одну против другой, и сдержать обе? Нет. Какую же из них я сдержу, а какую Нинус может нарушить без ущерба для справедливости наших богов?"

Первосвященник посмотрел на своего господина и прочел злобу в его сердце. Он прекрасно знал, какую клятву нарушит царь; он прекрасно знал, какую опасность таят в себе неутешительные предзнаменования; поэтому он закрыл глаза и торжественным голосом ответил, лукавя:

"Тому, кто рожден богом, только боги открывают свою высшую волю. Прислушайся же, о царь, к плохому совету твоего слуги. Встань сначала сам на цитадель и по справедливости отдай эту женщину тому, кто больше всех заслуживает такой награды".

Он сделал паузу. Настало время рассказать о Семирамиде и Ашарале, но прежде чем он успел заговорить, боевая волна позвала царя, и он вскочил на свою колесницу, оставив Накир-Киша одного. В песках пустыни стоял верховный жрец и смотрел на удаляющуюся фигуру своего господина, пока она не скрылась из виду, а затем пробормотал в бороду:

"Человек может родиться царем, человек может родиться глупцом; но если бы я был царем, я бы впечатал эту сирийскую дьяволицу в пыль, чтобы она не ездила однажды на спине царства, как нищий ездит на осле".

Тогда верховный жрец Накир-Киш вышел и вскрыл тушу священного журавля, не найдя в ней никаких предзнаменований счастья ни для хозяина, ни для человека.

* * * * *

С восточной стороны городской стены песчаная куча росла все быстрее, и вот уже отряд хеттов яростно бросился вверх по склону, чтобы вступить в бой с защитниками крепостных стен. Им не удалось закрепиться на стене, и они были убиты из-за своей пылкости и глупости, а их тела пополнили растущую кучу.

На стенах толпились полчища безрассудных бактрийцев, сдерживая натиск, и среди них грохотали вращающиеся колеса колесниц, приземляясь с креном вверх и образуя широкие кровавые провалы, которые должны были заполнить другие мученики в безнадежном деле. Бактрийцы не любили вишни, и, как говорила Семирамида, с их крепостных стен стекал красный сок. Точно так же под стенами было убито дротиками и пращами множество ассирийцев, а когда мешков с песком не хватало, их трупы устанавливали в катапульты и бросали на кучу, пока проезжая часть почти не достигла вершины стены.

Теперь войска Менона собрались для броска, но бактрийцы остановили их смелым приемом. С губы стены они спустили большие чаны с нефтью, которая текла в щели между мешками с песком, и когда там зажгли факелы, проезжая часть превратилась в тропу Гибилы, по которой смертные не могли подняться и остаться в живых. Огромные языки желтого пламени вырывались наружу, густые клубы дыма поднимались к небу, но если это море огня сдерживало голодную Ассирию, то оно же сгоняло ее врагов с крепостных стен, и так на некоторое время затихали и оборона, и нападение.

И вот наблюдатель с вершины кургана Менона обратился с предупреждением к тем, кто находился внизу.

"Король! Король!" - кричал он. "Братья, смотрите и берегитесь! Король Нинус одержал победу на западной стене!"

Так он и сказал, ибо на западе была лишь слабая оборона, а Нинус и его воины взобрались на парапеты, чтобы вскоре спуститься на городские улицы и проложить путь к цитадели. Цитадель! Там Менон тоже поклялся стоять первым, ибо сердце его тревожила двойная клятва повелителя; но теперь путь преграждало бушующее пламя.

"Песок! Песок!" - крикнул он, и мешки были разрезаны и поставлены на катапульты. При ударе они лопались, и песок разлетался во все стороны; таким образом, благодаря усердию и побуждению своих людей плетью и обещанием богатой награды, пламя удалось частично усмирить.

Затем по дымящемуся пути устремились войска Ассирии, жаждущие крови в жажде долгого годовичного ожидания, жаждущие разграбления этого могучего сундука с драгоценностями, обезумевшие от страха перед женщинами, ожидающими в тисках страха. Они обжигали руки о покрытую волдырями каменную кладку, обжигали ноги, ступая по парапетам; но быстро перебежали на дальние участки стены или спрыгивали вниз на острия копий бактрийцев.

Как только стены были возведены, Ассирия взяла в руки кнут, и на улицы хлынул нескончаемый поток сражающихся. С западной стороны царь Нинус разрушил каменную кладку, перекрывавшую ворота, и клин колесниц ворвался внутрь, чтобы сбить защитников. Так, с востока и запада, Ассирия наседала на Бактрию, тесня врагов к своей цитадели, и на каждой улице и в каждом переулке кипела битва, не знавшая передышки. За каждый шаг царь Оксиартес требовал цену крови, которую платил Нинус, а сыновья Зариаспа насмерть бились за свои дома и очаги, в то время как женщины с верхушек домов срывали черепицу и бросали вниз проклятия, а также свои кровати, которые они тащили по крышам и опрокидывали на завоевателей.

Со всех сторон доносился ужасающий шум войны, крики смерти и победы, боевые песнопения заряжающих и рев пламени, охвативший город. Когда облака дыма поднялись вверх, а под ними раздались звуки резни, домашние голуби Бактрии испугались и начали кружить над головой. Один из воинов увидел в этом предзнаменование и крикнул своим товарищам, что Семирамида родилась от голубей, поэтому Асшур улыбается ей и оружию тех, кто ей служит.

И вот раздался мощный рев, и, когда Ассирия устремилась к цитадели, ее воины выкрикнули имя - ШАММУРАМАТ.

ГЛАВА XXIV

ЦИТАДЕЛЬ

По подземному руслу реки осторожно и без света пробирались Кедха, Семирамида и Ашарал, а по пятам за ними шел Хузим, неся на плече могучий молот с тяжелой медной головой; за ним следовала тысяча вавилонских воинов, отобранных за храбрость и мастерство в ратных делах.

Пришел и еще один, хотя никто его не звал, и теперь он, пофыркивая, шел к сирийцу, прекрасно понимая, что прошло время, когда его госпожа могла отправить его обратно; Семирамида тихонько прокляла Хабала и позволила ему уйти.

"Ашарал, - прошептала она, - в этом моем предприятии тебе дается шанс снискать славу среди народов твоей земли, но за это я прошу определенную цену". Она положила руку ему на плечо и проговорила на ухо: "Если залы цитадели будут очищены, никто, кроме Менона, не должен стоять со мной на крыше, иначе может случиться горе. Поэтому поклянись мне словом вавилонского принца".

"Царевна, - отвечал он, - царство, которому я служу, твое, как и его вождь твой, и тот, кто пройдет мимо Ашарала по лестнице, должен пройти мимо него мертвым".

Кедах, слышавший это, ничего не сказал, но его рука искала руку Семирамиды, которую он любил; он поднял ее и в темноте прижал к своим губам.

Принц Ашарал отошел назад, шепча вождям своей линии, которые, в свою очередь, передавали суть приказа каждому последователю, и в молчании марш продолжился.

Наконец они подошли к устью прохода, который охраняли двойные медные ворота, а за ними, сквозь массивные решетки, виднелась сводчатая палата, где в непроглядном мраке простирались городские цистерны. За воротами сидел полнорукый дозорный, дремавший на посту, но стрела, пущенная ему в горло, навеела еще большую дремоту; тогда Хузим поднял свой молот и с ворчанием ударил по воротам. Трижды обрушились его могучие удары со звонким треском, от которого эхо прокатилось по сотне проходов, и из тумана выбежали другие дозорные, трубя в трубы в порыве страшной тревоги.

"Ударь, Хузим!" - прокричала Семирамида. "Ударь во имя Белита и во имя меня!"

Хузим снова поднял головку молота над собой и с силой, выбившей кровь из его ноздрей, ударил; медные ворота упали внутрь, сорвавшись с петель, и Семирамида вскочила на них. Ее воины устремились вверх, в залы цитадели Зариаспа, и там, где им преграждал путь дверной проем, Хузим бил по нему, пока дерево и металл не поддавались его силе; затем в центральный зал ворвалась яростная боевая кобыла, за которой по пятам неслись волки Вавилонии.

Во внутреннем дворе собралось множество женщин, жен вельмож, детей царя Оксиарта и его супруги, прижавшихся друг к другу в страхе смерти, но их Семирамида не тронула. Ее работа лежала на воинах, которые охраняли ворота внешнего двора, удерживая их от натиска бактрийцев, сражающихся на улицах, ибо каждый, кого можно было спасти от обороны цитадели, бросался на вторжение полчищ Менона и царя. Так случилось, что в цитадели находилось в общей сложности три тысячи воинов, и Семирамида атаковала их, как гончая вгрызается в горло льва; но все могло бы кончиться плохо, если бы Менон не послал еще тысячу воинов вниз по скрытому руслу реки. Они пришли в переломный момент судьбы, горцы из страны Наири, дикие, волосатые люди, которые пели, когда сражались, или умирали с прерванной песней на устах; их странные, варварские языки давали сердце Вавилону, а их мечи приносили горе врагам.

Ворота были отвоеваны, победители преследовали свою жертву из зала в зал, по извилистым проходам и лестницам, с которых капала кровь, а Семирамида с Кедой и Хузимом все выше и выше поднималась к самым высоким башням. Две лестницы вели к отверстию на крыше, одна справа, другая слева, и они поднялись по ним, в то время как извне доносился грохот битвы, бушевавшей на улицах.

Когда бактрийцы, потесненные Нинусом, попытались укрыться в своей цитадели, они наткнулись на быстро запертые ворота, и вот спутанные ряды побежденных воинов оказались прижаты к стенам, а в них устремились Менон и царь, прокладывая путь к цели, к которой стремились их сердца.

С высоты царь Нинус взглянул на вершину цитадели и изумился увиденному: пастушья собака - первая, кто стоял на ней, как завоеватель, - смотрела вниз и лаяла, а рядом с ней скакала Семирамида, ее рыжие локоны выбивались из-под шлема. Она тоже смотрела вниз, на бурлящий в бассейне стен Зариаспы котел убийства; затем она подняла свои круглые юные руки, и, как кричит орел-победитель, так кричала Семирамида в хвастливом боевом кличе.

На улицах внизу этот крик повторился на измученных жадной языках бушующей толпы, которая громыхала у быстро запертых ворот и ступала по полу убитых; затем загрели засовы, и в залы цитадели хлынул поток завоевательной орды. В фургоне ехал Нинус, а рядом с ним - Менон; каждый из них намеревался взобраться на крепостные стены, каждый исподтишка следил, чтобы другой не занял выгодную позицию; так получилось, что оба они выбрали себе отдельную дорогу. Царь подошел к лестнице справа и с мечом в руке посмотрел назад, давая мрачный, произнесенный обет убить того, кто идет за ним; но вавилонянин шепнул на ухо Менону, и тот сразу же был поглощен толпой.

Теперь последователи Ашарала, как и обещали, освободили дорогу Менону, открыв проход к лестнице слева, а справа его преградили вавилонские воины. Здесь никто не мог взойти и остаться в живых, но при появлении царя - этого чернобрового воина, повелителя всего мира, - кровь вавилонян остыла; острия их мечей опустились, и они позволили ему пройти через израненную, бесчувственную фигуру Ашарала.

Так бежали вверх принц и король, один справа, другой слева, каждый задыхался от усилий, пока вены не вздувались в багровые узлы; каждый отбрасывал все мысли о жизни и смерти, кроме одного желания - обогнать своего собрата в гонке к крыше. Крыша! На ней стояла женщина,

слеplенная из смертной глины, но смешанная с кроваво-красным вином страсти, которое пьют люди и в безумии своем попирают алтари своих богов.

Вверх, еще вверх, пока не остался один лестничный пролет, и никто не мог сказать, кто из них имеет преимущество; тогда Менон громко застонал и обессиленно опустился на ступени. Хузим, наблюдавший сверху, прыгнул вниз, чтобы подхватить своего господина на руки и перенести на крышу; но, увы, слишком поздно, ибо могучие сухожилия короля победили на вершине цитадели. Гонка была почти завершена. Между владыкой всей Ассирии и его целью стоял один-единственный человек - верный Кедха, который любил Семирамиду, как собака любит хозяина своего сердца; который любил молча с того давнего дня в Сирии, когда краснозадый военный проклял его в зубы, а вместе с ним и стену сражающихся курдов. При появлении короля он присел на ступеньку, но не в страхе, а в благоговении перед той венчающей вспышкой Судьбы, когда человек и его дух достигают разделения пути. Рука вырвалась и схватила монарха за бедро, плечо придавило его, и они вдвоем рухнули вниз, скатившись к подножию лестницы.

В падении бедный Кедха оказался под королем - под двумя волосатыми руками, которые в ярости схватили его за горло. Эти руки строили Ниневию; они играли с народами, как жонглер с отточенными лезвиями; они сплетали нити рабства - от раскаленного солнцем Египта до замерзших вод Севера - и теперь они смыкались, пока не свернули шею последнему рабу, и его тело лежало в кровоточащей, сбившейся куче. Так прошел Кедха, сражаясь за тех, кого любил, и совершил более благородный поступок, чем мог похвастаться владыка всей Ассирии со скипетром и мечом.

Когда Нинус, наконец, вышел на крышу, Менон отдыхал от тягот битвы и напряженного подъема, затаив дыхание, с быстро закрывающимися глазами, не замечаящими прихода своего царя. В глубине души монарх жаждал поднять победителя на руки и сбросить его с крепостных стен, но Семирамида опиралась на свое охотничье копье, как Хузим опирался на рукоять своего могучего молота; поэтому монарх улыбнулся. Он поднял принца Менона и посадил его на стены, а затем, на глазах у всех, провозгласил его победителем; поднялся мощный рев, пока душа царя не померкла от ярости, хотя рука его была тверда, и он улыбнулся.

* * * * *

Когда наступила темнота, в зале завоеванной цитадели зажгли большие мангалы с маслом и жиром, и там царь устроил пир в честь своей победы. Рядом с ним сидели Менон и Семирамида, на которых монарх смотрел влюбленным взглядом, скрывая в улыбках свою пламенную ревность. За ними сидел храбрый принц Ашарал, которому царь Нинус тоже улыбался, но в сердце его клокотала ненависть. Пир продолжался и продолжался, и веселье царило по всей Ассирии и Вавилону.

Когда вино было наполовину выпито, а звери и пленники закланы в жертву Асхуру, Нинус встал и заговорил о великолепии всего свершившегося. Тех, кто заслуживал похвалы, он восхвалял без меры, обещая такую награду, какую могли дать сокровища разграбленной Бактрии; но Менона он поставил в почет выше всех. Он велел своим воинам смотреть на этого человека как на сына Нинуса - сына его чресл и сердца, - который отныне будет разделять с ним тяготы войны и владычество царя над людьми.

"Ибо кто, - воскликнул он, - сядет на трон Ассирии, если Нинуса постигнет участь?"

В зале воцарилась тишина, и каждый смотрел на своего товарища, удивляясь. Семирамида тоже сидела молча, ее взгляд был прикован к лицу повелителя, пытаясь прочесть его скрытое сердце, как искатель истины может прочесть начертанную ложь на памятнике.

Наконец пир был закончен, и каждый отправился отдыхать: царь - на диван и планировать хитроумную войну, а Семирамида, из-за раненого колена, была отнесена на руках Меноном в его шатер и уснула от усталости.

Пир был окончен, но в воротах разрушенного города был устроен другой пир - пир ужаса, ибо победители принялись грабить все вокруг, ища вино и кровь, спрятанное золото, драгоценности и тех, кто носил эти драгоценности.

Как гласит судьба, женщины всегда должны проливать слезы войны; вот и сейчас за ними охотились из дома в дом, чтобы они стали жертвой грубой похоти завоевателей. Одни кричали о пощаде, но не получали ее; другие убивали себя и шли на суд неоскверненными; третьи улыбались, утешаясь. Пир, по крайней мере, был закончен. Над вершинами Гиндукуша висела красная луна и погружалась во мрак. На пораженную Зариаспу опустилась тишина, ибо боги милосердия послали ей сон. Вскоре тишина нарушалась воем собаки или шорохом раненого воина, который выползал из тени в поисках более прохладного места для смерти.

ГЛАВА XXV

ПЕРЕНОС НОШИ

Верховный жрец Накир-Киш был вызван на аудиенцию к царю, и ему было велено принести священную птицу для предсказания; он отправился в путь и застал своего господина в одиночестве сидящим на троне Оксиарта с обнаженным мечом на коленях. Первосвященник изумился странности происходящего, но сдержался, преклонив колено и спросив, чем он может служить своему милостивому повелителю.

Нинус некоторое время сидел молча, расчесывая бороду, его черные брови собрались в узел над носом; затем, внезапно, он заговорил:

"Может ли король оказывать почтение собаке?"

Священник отступил на шаг; он провел рукой по глазам в страхе, что, может быть, ему приснилось; но царь продолжал:

"Должен ли владыка Ассирии заключить договор с лающим зверем, чей разум таков, что клятва для него ничто?"

Тогда Накир-Киш прозрел. Его господин переложит бремя злого деяния, хотя и возложит его на плечи богов; поэтому верховный жрец ответил хитро:

"Нет, повелитель, в делах, касающихся только царя, есть один, наделенный рождением и умом, чтобы лучше всех истолковать их, - это ты сам".

"Не так!" - вскричал Нинус, - "ибо в моток вплетены судьбы других. Как мои ратные подвиги совершаются во славу Асхура и меньших богов, так и боги должны указать мне путь, когда их слуга блуждает в тумане сомнений". Он сделал паузу, затем заговорил снова, как смиренный путник, сбившийся с пути: "Внимай, Накир-Киш, и окажи мне помощь. Первым, кто вступил завоевателем в цитадель, был Хабал, а Хабал - всего лишь собака. Возьмет ли Хабал в жены Шаммурамат? Нет! Одна клятва расторгнута".

"Да, - сказал жрец, - но кто был следующим, кто стоял вместе с Хабалом на вершине цитадели?"

"Менон!" - вздохнул король, задыхаясь от гнева. "Менон, которому я дал вторую клятву и отдал ему этот Сирий за его собственный".

Верховный жрец покачал головой.

"Похоже, - рискнул он, - что расторжение одного завета свяжет веру его заключителя со вторым заветом и тем самым развеет туман сомнений".

"Верно, - кивнул монарх, - верно для слабого человеческого ума; но, быть может, по суду богов, дело имеет более глубокий смысл. Завоевателем был Шаммурамат, а не Менон; и хотя он стоял передо мной в цитадели, его преимущество было завоевано хитростью! Его слуга сбросил меня с лестницы по причине злого эгоизма своего господина!"

Король Нинус снова сделал паузу, и его пальцы, выжимавшие дыхание из Кедхи, осторожно расчесали бороду, а затем опустились на меч, лежавший у него на коленях.

"Слушай, Накир-Киш; вскрой священную птицу и в ее внутренностях ищи ответ на мои вопросы".

И верховный жрец исполнил волю своего господина, но все это время он размышлял, ища какой-нибудь уголок мудрости, где можно было бы спрятаться. Он зарубил священного журавля и вскрыл его; вырвал три пушистых пера и, дав каждому имя, опустил их в тушку, а затем связал все шелковым шнуром. Держа журавля вниз головой, он раскачивал его за стройные ноги, совершая мистические круги перед королем, и наконец положил на алтарный камень. Когда тушку снова открыли, два перышка лежали, свернувшись в тесном объятии, а третье пропало из виду, и щека верховного жреца побледнела.

"Читай!" - вздохнул Нинус; Накир-Киш же молчал, устремив тревожный взгляд в пол. Король протянул руку и указал на птицу, и в этот миг верховный жрец понял, что предвестие истины - это предвестие смерти. Повелитель не стал угрожать языком, но провел пальцами по острию обнаженного меча, глядя на теплое коричневое горло Накир-Киша, и улыбнулся.

Дрожащий священник ничего не сказал. В голове у него все вертелось, а перед глазами стоял туман страха: перо с именем Нинуса исчезло в внутренностях убитого журавля.

"Говори!" - прорычал король, и бледный жрец возвысил голос и заговорил, хотя и со стыдом:

*"Принц Менон исчезнет из поля зрения тех, кто любит его больше всего на свете!
Владыка мира возьмет себе в жены Шаммурамат!"*

Он замолчал, а царь сидел, размышляя, и пальцы его расчесывали бороду, касаясь перьев; затем верховный жрец собрал священного журавля и пошел своей дорогой. Он шел по раскаленным пескам, под лучами расплавленного солнца, стремясь освободить свой дух от тени лжи.

* * * * *

Король сидел и размышлял. К нему явился доверенный лазутчик с вестью о том, что в горах Гиндукуша собрался мощный отряд бактрийцев, бежавших из Зариаспы и окрестных малых городов. Монарх скрепя сердце выслушал эту весть, ибо в его голове зародился коварный план. Желая сохранить тайну бактрийского войска, он никому не сказал о ней ни слова, а шпиона предал смерти; затем, сев на колесницу, он поехал к шатру Менона и Семирамиды. Здесь он настиг их: сирийка лежала на кушетке из шкур из-за раненого колена, а Менон сидел рядом с ней на земле.

Монарх поприветствовал их и провел с ними тайный совет, изложив военные действия. Царя Оксиарта он сделает союзником могущественной Ассирии, когда разрозненные бактрийцы будут

покорены и условия договора тем самым будут смягчены для завоевателей. Что касается Зариаспы, то он не стал бы ее разрушать, а поставил бы в ее стенах правителя и сохранил бы ее как оплот на Востоке. Поэтому он просил Семирамиду провести двадцать тысяч воинов через горы и захватить исток скрытой реки, чтобы бактрийцы не завалили расщелину камнями и не лишили город воды и пищи.

Семирамида с радостью совершила бы этот подвиг, но из-за раны она не могла преодолеть горные кручи; поэтому, печальась о предстоящем безделье, она предложила своего слугу Хузима в качестве проводника. Царь отказался. Не подобает, сказал он, чтобы раб добывал славу в столь великом деле; но поскольку Семирамида и индиец одни могут указать путь, он согласился, чтобы Хузим вел войско дальше. Так было решено, и, обсудив другие важные дела того времени, Нинус вышел вперед и снова сел на свою колесницу.

Случилось так, что, когда царя не было, Семирамида собралась на совет со своим повелителем, и в этом совете она принесла себе больше горя, чем во все остальные дни, когда лежала покинутым младенцем среди скал Аскалона.

"Менон, - сказала она, - хорошо, что мы с тобой всегда греемся в свете необычных вещей. Быть может, наши труды порой вызывают ревность у короля, но, несмотря на это, мы снискали почтение Ассирии и Вавилона. Поэтому ступай сам и, оставив Хузима охранять мой шатер, укажи путь к тайному месту бактрийцев".

"Нет, - вздохнул Менон, - как же я проложу тропу через холмы Гиндукуша, если путь туда скрыт и неизвестен мне?"

Семирамида громко рассмеялась. Через открытый шатер она указала на расщелину, которая разделяла две горные вершины на две части:

"Поднимись вон туда и пройди между ними, затем спустись по склону дальше, пока не достигнешь второго горного потока; охоться на север, к его истоку, и пенистые воды прокричат тебе дорогу, как гончие возносят свою песню по следу добычика". Она сделала паузу, чтобы снова рассмеяться: "Воистину, король Нинус не слишком мудр, иначе я могла бы указать ему этот открытый путь, как указываю его тебе".

Принц Менон посмотрел на свою жену и улыбнулся, а затем отправил к Нинусу гонца с просьбой провести армию через Гиндукуш; но царь отказался. Тогда Менон сам явился к повелителю, умоляя оказать ему эту честь и приводя такие доводы, что царь, наконец, был тронут, хотя и неохотно дал согласие; тогда Менон, радуясь, вышел от своего повелителя и снова пришел к Семирамиде.

Когда же он ушел, царь сидел в задумчивости на своем троне, расчесывая бороду пуховым гребнем, и радовался, как радовался и юноша. Он прекрасно знал, что холмы кишат боевыми людьми Бактрии. Он прекрасно знал, что эта орда воинов, изгнанная из своих городов и домов, будет наблюдать с высоты и обрушится на Менона с яростью загнанного льва. И тогда повелитель пошлет его на смерть, как в свое время иудейский царь Давид послал мужа Вирсавии погибнуть на остриях копий сыновей Аммона.

И из-за всего этого владыка всего мира сидел, размышляя, на своем троне, расчесывая бороду перышком и радуясь, ибо теперь он действительно возложит бремя своего греха на плечи богов.

* * * * *

С наступлением темноты Менон застегнул доспехи и простился со своей женой Семирамидой. Он улыбался при прощании, но она, из-за навязчивого шепота-призрака страха, крепко прижалась к своему повелителю круглыми, теплыми руками и губами, закрепив на его шее кожаный шнурок, на котором висела маленькая рыбка из малахита - та самая, что обманула евнуха Кишру и вывела ее в безопасности из Ниневии.

"Видишь, - прошептала она, - это амулет, который мы, сирийцы, носим, он отводит зло и возвращает любимого человека тем, кто его больше всего любит. Носи же мой амулет, как я всегда буду носить одежду твоей любви, ибо если ты не вернешься ко мне, ах, Менон мой, радость всего мира будет лишь как пролитая чаша воды".

Так Менон прижал свою женщину к груди и заглянул в сердцевину ее глаз - заглянул и ушел по дороге тьмы, где он будет тщетно искать любимую и бросать свои вопли страдания к трону не слушающих его богов.

ГЛАВА XXVI

УХОД ЧЕЛОВЕКА ИЗ ЖИЗНИ

Царь Нинус совещался в себе и боялся. Он прекрасно знал, что Менон - опытный воин, который даже из пепла поражения нередко выхватывает клеймо победы. А что, если он доберется до тайника бактрийцев и вернется невредимым? Тем самым он прибавит славы своему имени и сведет на нет замысел своего господина. Нет, Менон должен исчезнуть из поля зрения тех, кто любил его больше всего на свете! Какой шанс, подобный этому, может представиться снова, и когда? Может быть, владыке мира придется ждать - в одиночестве, в течение многих лун, пока Менон будет лежать по ночам у Семирамиды, - и эта мысль была невыносима. Клянусь духом Шамаши-Рамана, дух этого человека должен уйти!

И все же царь Нинус размышлял, метался туда-сюда под влиянием страсти и навязчивого шепота-призрака страха. Затем он поднял голову и рассмеялся. Не пристало повелителю всей Ассирии хныкать у алтарного камня обстоятельств.

"Поэтому, - рассуждал он про себя, - я подкручу хвост случайности, ибо, когда конь Сомнения будет оседлан, садись на него, чтобы всадник не остался позади".

И вот Менон, прежде чем повести войско, был вызван к царю и застал его сидящим в зале Оксиарта в сопровождении Неба и Ура, двух безъязыких евнухов с огромным телом и узловатыми волосами, которых Нинус привел из страны Нижнего Нила. Справа и слева от царского кресла они стояли, ожидая кивка повелителя - кивка, которому должны были повиноваться, даже если он требовал убить врага или погубить себя; однако Нинус не подал им никакого знака, когда Менон склонился перед тронem. Царю пришло в голову, что, вырвав жену соперника из его рук и отправив его на смерть, возможно, гнев богини Иштар причинит зло тому, кто совершил этот поступок; поэтому было бы разумно, чтобы Менон подчинился воле повелителя, пусть даже согласие будет получено подкупом или пыточными цепями. Нинус улыбнулся и заговорил голосом, похожим на мед, смешанный с маслом:

"Сын моего сердца, дошло до меня, что нужды наши требуют царя в земле Сирийской, и за дела твои я поставлю тебя, чтобы ты царствовал в изобилии, принося славу дому твоему и имени твоему".

Менон смотрел на своего господина, дивясь; но в сердце его закралось подозрение, как бегун ночью, когда он бьет тревогу от двери к двери. Он боялся, но все же преклонил колени перед

своим господином и произнес слова благодарности; затем, поднявшись наконец, он взял кусочек шанса между зубами и спросил:

"Кто, повелитель, последует за мной в Сирию и останется там?"

И Нинус ответил ему и сказал:

"Армия отборных воинов, которые будут охранять тебя в безопасности, моя дочь Созана, которая будет сидеть рядом с тобой на троне".

Наступило молчание. Каждый смотрел в глаза друг другу, отмеряя последний бросок; затем Менон произнес в ответ одно слово:

"Нет!"

И снова наступило молчание, пока с монарха не содрали плащ мягкости, оставив его грубым властителем над людьми - властителем, обнаженным в пламени своей силы, перед страстью которого должны сгорать и умирать страсти низших людей.

"Внимайте, - вскричал он и указал пальцем, дрожащим от желания, - лучше сидеть на троне в Сирии, чем гнить и быть забытым на холмах Гиндукуша. Выбирай же, жить или умереть! Выбирай сейчас, ибо вот что я тебе скажу: пусть хоть арка небесная рухнет, Шаммурамат будет не твоей женой, а моей!"

В ответ Менон встал одной ногой на помост трона и, изогнув позвоночник, нанес яростный удар раздвоенным кулаком. Он вонзился в бороду монарха и еще глубже, в жестокий рот; царь Нинус попятился, и огромный тусклый зал закружился в туманном мареве света. Тогда меч Менона со скрежетом вылетел из ножен, ибо он тоже смотрел сквозь слепящий туман, хотя туман был красным; но не успел он ударить, как евнухи Неб и Ура навалились на него и повалили на пол, где связали ему запястья ремешками.

Царь поднялся, хотя у него кружилась голова, опираясь на свой трон. Он вытер кровавое пятно с израненных губ и заговорил голосом, который был странно спокоен:

"Отнеси мне этого пса в камеру под цитаделью и прибей его к стене!"

Евнух Неб вышел и очистил проходы от всех, кто там валялся, а Ура накрыл Менона плащом и отнес его на спине в дальнюю камеру, где находились городские цистерны. Там с него сняли доспехи и все, что на нем было, вплоть до маленькой рыбки из малахита; затем, глухие к его проклятиям, они пронзили ему руки и ноги и прибили к стене, где он и висел в агонии.

Когда все было закончено, Нинус пришел посмотреть на дело рук своих. Он смотрел, и сердце его радовалось: теперь этот человек больше не поднимется, чтобы похитить его плоды страсти или власти.

"Слушай, - сказал он, - отрекись от Шаммурамата навеки, и я подниму тебя с гвоздей и исцелю твои раны". Менон ничего не ответил, и вскоре хозяин заговорил снова: "Бросить жизнь твою - лишь поступок безрассудного глупца, ибо клянусь дыханием Асхура, что глаза твои больше не будут смотреть на Шаммурамат!"

"Лжец!" - воскликнул Менон и разразился презрительным хохотом, хотя пот от мучений стекал по его груди; и этот хохот разъярил царя.

Пальцами он коснулся своих глаз; коснулся и кинжала в поясе и сделал знак еврею Небу. Два удара, и мозг Менона поплыл по темной дороге; затем Нинус поднял голову и насмешливо посмотрел на человека, прикованного к стене.

"Кто теперь, - спросил он, - посмотрит на Шаммурамата? И кто скажет, что повелитель Ассирии говорит неправду даже с глупцом?"

Он замолчал; тогда Менон поднял поникшую голову и проклял своего царя в пророчестве:

"Ты, порождение ада! Смейся в час моих слез! Радуйся, пока рука расплаты не оттянула твой дразнящий язык! Ты убил мое сердце и оставил в живых мое тело! Убей и тело, но дух ты не можешь убить! Дух придет к тебе, этот дух, следящий за твоим диваном и столом, следящий за твоими охотами и войнами, за днями бодрствования и ночами тревожного сна! Он проложит кровавый след и приведет гончих Иштар к цели! Тогда смейся, о повелитель лжи, и жди Менона! Жди!"

Пронзительный голос перестал звучать по всей палате, и тот, кто пророчески кричал, повис на гвоздях без слов. Евреи с трепетом склонились к ногам хозяина, и тот тоже испугался. Он не боялся ни людей, ни зверей, но если дух оседлает его душу, он прекрасно знал, что конь помчится к дымящимся стойлам Гибила; поэтому король посоветовался, как обмануть призрачного всадника.

"По правде говоря, - размышлял он, - если Менон жив, его дух не может покинуть свою внешнюю оболочку; а если он там и останется, то как же он будет следовать за мной, когда нос мстителя будет шмыгать по моему следу? И если женщина обвинит меня в его смерти, я могу поклясться, что не виновен, пока его жизнь принадлежит ему".

Так размышлял Нинус, очищая свою совесть от пятен, а затем обратился к своим евреям с резким приказом:

"Поднимите этого человека с гвоздей на стене; восстановите его дыхание водой из цистерн, а его силы - вином. Принесите одежду, чтобы согреть его плоть, и мазь, чтобы залечить его раны. Охраняйте всегда этот вход, неся еду и питье, ибо я поручаю вам, что тело его не должно умереть, но жить".

Король поднялся из подземелий цитадели и зажег тысячу факелов; но даже в сиянии горячей смолы его преследовала тень с низко опущенной мордой, которая ворчала по его пятам.

* * * * *

Из городских ворот вышло двадцать тысяч воинов, а в фургоне - шпион, которого звали Акки-Бул, человек, знавший холмы Гиндукуша и желавший повести туда армию. Зачем, он не знал, но носил доспехи вождя и его меч, нижнюю одежду вождя, а на шее у него, на кожаном шнурке, висел амулет из резного малахита. И вот, размышляя над странностью этих вещей, гордый Акки-Бул отправился разведывать дорогу, на десять длин копий опережая тех, кто шел за ним.

Через отверстие в палатке Семирамида наблюдала, как армия проносится по равнине и исчезает в глубине долины; затем она уснула, чтобы увидеть сон о своем доме в Аскалоне, об озере Дагона, о существах, которые в нем плавают, и о Меноне с маленькой зеленой рыбкой из малахита, которая прижималась к его сердцу.

В одной из комнат под цитаделью лежал тяжело больной человек. В лихорадке и боли он лежал и зывал к далеким, ничего не слышащим богам. Измученными руками он ощупывал темную

дорогу и не находил посоха, которым можно было бы нащупать путь. Его книга света была закрыта; вода из его чаши пролилась, и слава мира стала серой.

* * * * *

Утренние туманы поднимались из своих долин, и Гинду-Кох вырисовывался сквозь опаловую дымку. Дремлющая пустыня содрогнулась от грядущего зноя, и мир проснулся и зевнул.

И вот те, кто наблюдал с городской стены, посмотрели на запад и поразились: по склонам холмов бежали воины, спасаясь, как от нечистых болот подземного мира; а за ними бежали другие люди, разя мечом и копьем, пока по равнине не потекли клочья растерзанного войско. Они влились в городские ворота, захлебнувшись в вое, многие упали, задыхаясь, в тени стены; тогда Нинус, разбуженный сигналом тревоги, с яростью бросился в бой. Полуодетый, он опирался на раскачивающуюся колесницу и бил всех, кто попадался ему под руку, проклиная трусость людей, опозоривших царя Ассирии.

Проснулась и Семирамида, и при звуках удаляющихся людей кровь ее застыла, и она затрепетала за своего повелителя. Она поспешно оделась, не обращая внимания на раненое колено, и, прихрамывая, направилась к городским воротам. Она жаждала расспросить каждого прохожего, но не смела из-за ужаса, терзавшего ее сердце; так и сидела дочь Деркетто в тени стены, с пересохшим языком и затравленными глазами, ожидая вестей, которые должны были погубить славу ее мира.

Царь Нинус заметил ее приближение, но не подал никакого знака, ибо теперь ему предстояло сыграть свою роль и обмануть самую хитрую из женщин, которой боги дали дыхание и мозг. Он громко позвал Менона, но ответа не последовало, и никто не знал о нем ничего с тех пор, как начался разгром; тогда Нинус обрушился на них, поклявшись отомстить всем, кто оставил своего вождя погибать среди холмов. Он приказал подготовить мощное войско для нападения на бактрийцев, которое он сам возглавит в поисках Менона, пленного или мертвого; затем, запрягая колесницу, быстро поехал к цитадели и там, застегивая доспехи, радостно захихикал, ибо лев научился мудрости лисы.

Из тени стены Семирамида пробиралась к своему шатру, оцепеневшая, без слез и с чувством удивления от странности своего горя. Ей казалось, что она с жалостью смотрит издалека на это безмолвное существо, надевшее шлем на свои пылающие локоны и нагрудный знак на грудь, которая теперь была мертва. Так одна Семирамида смотрела, как другая готовится к путешествию в Гиндукуш; она видела, как молчаливая взяла свое охотничье копье, села на колесницу и поехала к городским воротам, где ждала, дрожа, в сиянии летнего солнца.

Когда царь вышел и увидел, что она ждет его там, сердце его сжалось, ибо если бы Семирамида нашла тело Акки-Була в доспехах Менона, то, воистину, корка Гибильской ямы была бы поднята с ее костров. Поэтому он пытался отговорить ее от задуманного, говоря, что сам все совершит, а она останется в покое, пока не заживет ее рана; но на его мольбы она ничего не отвечала, ибо слова его были для нее бессмысленны и похожи на пустой шепот падающих дождевых капель. Она стояла на своей колеснице, молча глядя в сторону холмов, скрывавших ее повелителя, и ждала, когда Ассирия двинется с места.

Тогда царь тайно повелел всем, кто следовал за ним, что если кто-либо попадет на тело Менона или на доспехи, которые он носил, то ни одно слово об этом не должно дойти до Семирамиды, потому что ее охватило горе; и те, кто любил ее, обещали, и войско двинулось через равнины Бактрии.

К Семирамиде пришел верный Хузим с прошептанным словом надежды. Он усадил ее на пол колесницы и взял поводья, а за ними рысью поскакал Хабал, ибо собака, быть может, приведет искателей туда, где хитрость человека заблудится на тропе. Когда подножие холма было достигнуто, колесница осталась позади; Семирамида села на незапряженного коня, которого вел Хузим, и начался трудный подъем.

И вот уже склоны Гиндукуша пробудились от грохота борьбы, ибо скалы кишмя кишели воинами Бактрии, которые обрушивали на скалолазов огромные камни или поражали их копьями и свистящими древками; и как голос битвы, так и Семирамида пробудилась от дремоты своего горя. В ее жилах текла кровь двух великих страстей, которые должны вечно править миром, - страсти любви и войны, рожденной в замке похоти Деркетто и бога битвы.

Так дитя страсти пронеслось по холмам Гиндукуша, и там, где она не могла подняться, Хузим нес ее на своей могучей спине. На ее стороне сражались Ашарал и вожди Вавилона, а вокруг них всегда стояло кольцо людей Наири, этих волосатых горцев, которые пели, когда сражались; но теперь, из-за Менона, которого они любили, боевые песнопения затихли на их устах.

Они шли вверх, через долины и дефиле, поражая бактрийских врагов со всех сторон, преследуя их от скалы к скале или отрезая путь к отступлению; и там, где враги прятались в пещерах, их выкуривали оттуда и убивали. Наконец Ассирия подошла к вершине горы, прорвалась через перевал и пронеслась по склонам дальше, ночью добравшись до истоков скрытого русла реки, а бактрийцы бежали в лесные земли, прячась в болотистых прогалинах, где Нинус не мог их преследовать.

Когда наступило утро и отряд остался охранять устье реки, ассирийская армия вновь вступила на горный склон и с восточной стороны начала поиски Менона, хотя задача была велика. Были и те, кто думал найти место, откуда было совершено первое нападение, но из-за темноты, из-за которой следы на склоне горы казались странными, они не нашли его; не могли они найти его и по телам убитых, потому что вторая битва усеяла скалистые пустоши мертвыми, как полевой человек разбрасывает зерно.

Семь дней охотники прочесывали холмы, пока солнце яростно палило, а с неба спускались на пир огромные хищные птицы; при приближении они уносились в ленивом полете, насмехаясь над искателями нестройными криками, а затем переходили к другой страшной трапезе. Так продолжались тщетные поиски, и день ото дня поднимался дух Нинуса, ибо, если Семирамида не найдет труп Акки-Була, вероломство монарха будет вечно лежать в забвении; и вот случилось событие, которое совпало с желанием царя, как меч входит в ножны.

Добрый пес Хабал охотился вместе со своей госпожой и ее рабыней, но не нашел ни одного следа, который бы привел их на поиски; и вот, когда он шмыгнул за край обрыва, под ним подкосились ноги, и, цепляясь когтями за расшатанные камни, пес кувырком полетел вниз, в глубину. Когда он падал, Семирамида закричала от боли и горя, ведь Хабала она любила той любовью, которую может постичь и понять только женщина. Опечаленная, она велела Хузиму спуститься в расселину и узнать, осталась ли в ее собаке хоть искра жизни; и индеец отправился вниз.

Путь был тяжелым, и на дне ему пришлось отбиваться камнями от стаи шумных птиц-стервятников; затем он наткнулся на Хабала, из которого вышло все дыхание жизни. Индеец опустился на землю и замер в изумлении: мертвая собака лежала рядом с телом человека - человека, на котором были доспехи принца Менона и его разбитый шлем; но из-за жары и птичьих клювов никто не мог разглядеть в нем подобие незадачливого Акки-Була. Таким образом, казалось, что даже в смерти верный зверь вел своих близких по следу хозяина, которого любил.

И вот Хузим поднялся к Семирамиде и, скорбя, отдал ей в руки меч принца Менона и маленькую зеленую рыбку из малахита, подвешенную на кожаном шнурке; и, увидев эти вещи, ее вопли от горя разнеслись по холмам, ибо теперь она знала, что ее повелитель больше не придет к ней.

Она хотела спуститься к нему, но Хузим отговорил ее, сказав, что на кручах рана может открыться, и еще: лучше пусть она хранит память о своем господине при жизни, чем смотреть на это гниющее нечто внизу. И вот Хузим с Ашаралом и людьми Наири спустился в расселину и оставил Семирамиду рыдать на краю обрыва.

Они вырыли могилу и положили в нее тело Акки-Була, роняя на него слезы во имя Менона, принца из дома Наири, и вместе с ним похоронили Хабала, как желает спать каждый верный пес, положив лапы и морду на грудь хозяина. Сверху, среди скал, смотрела тысяча воинов, суровых сынов битвы и крови, но теперь еще и детей, охваченных бескорыстным горем. Они любили Семирамиду за славу женской плоти и славу ее деяний; ее горести были подобны их горестям, поэтому их сердца были печальны, и они плакали.

И спустилось войско Ассирии с гор, и пошло по холмам, и по горячим коричневым равнинам, и подошло наконец к городу Зариаспе; и во главе его шел Нинус, с траурным песнопением на устах, с песней страсти в сердце.

Весь день Семирамида лежала в своем шатре, как пораженная мечом, а Хузим сидел рядом с ней, охлаждая ее брови водой и изгоняя жар из ее раны мазями и толчеными травами. Вечером пришел царь со словами нежности, оплакивая вместе с ней двойную потерю Менона и ее пастушьей собаки; но она ответила ему и сказала:

"Нет, повелитель, не скорби о Хабале, ибо в его смерти боги дали росу утешения и мира. В безбрежных полях заморского мира мой Менон не одинок, ибо дух Хабала охотится рядом со своим хозяином".

И если эта мысль принесла Семирамиде покой, то царю она покоя не принесла, ибо щеки его побледнели под бородой. С тех пор как Менон повесил его на стену и проклял, поклявшись пустить по его следу гончих Иштар, собака стала для него страшной мерзостью - тем, что буравит его память и топает за ним на призрачных ногах.

Когда наступала ночь, он валился на кушетку в тревожных снах, наблюдая, как по небу проносятся уродливая армия. Это были духи тех, кого он отправил погибать в холмах Гиндукуша; а во главе их летел дух Менона - дух собаки на поводке. Король проснулся и велел зажечь факелы.

ГЛАВА XXVII

ПУТЬ, КОТОРЫЙ ПРИВЕЛ К ИСХОДНОЙ ТОЧКЕ

Царь Нинус отдыхал от войны и занимался государственными делами. Он заключил с Оксиартом договор, по которому вся Бактрия переходила под власть Ассирии, а каждый город платил царю ежегодную дань. Царя Оксиарта он взял к себе в качестве брата-начальника, а в Зариаспе поставил правителем Такса человека, которого звали Тиглат-Шул, вождя, который также должен был держать в подчинении отряд воинов для охраны городской стены.

Когда это было исполнено, Нинус привел к себе евнухов Неба и Ура и поручил им охранять дверь темницы Менона, не позволяя никому войти и узнать имя того, кто там лежит. Также он шепнул на ухо Тиглат-Шулу, что в нижнем хранилище держат бактрийского заложника, а за

голову некоего правителя, возможно, придется заплатить тем, кто вмешивается в дела царя. Поэтому губернатор собрал совет с самим собой, воздержался от любопытства и наложил порчу на всех, кто проявлял излишнюю любознательность. Затем Нинус, когда другие важные дела были приведены в порядок, приказал войскам Ассирии отправиться в обратный путь.

И снова походное войско, словно чудовищная змея, ползущая по пыли, поползло вверх среди холмов, через перевал Клин, теперь усыпанный белеющими костями, и вниз по изрезанным склонам за ним; через леса и страны тех, кто жил среди скал, через Медию, созревшую для завоевания царем; преодолевая горы Загрос, и наконец пришло к Арбеле, где войско в усталости село на землю.

На протяжении всего пути Семирамида лежала в своем ложе, не вступая в разговоры ни с кем, кроме Хузима, который всегда стоял на страже, а царь, хотя и жаждал увидеть ее, сдерживал свой пыл, пока не прошел срок ее траура и не улеглось ее горе.

"Потому что, - размышлял он, - плод живет, пока висит на материнской ветке. Но один раз можно сорвать этот плод, и больше нельзя; поэтому следите, чтобы при срывании он не оказался зеленым".

Лев поступил мудро, как лиса, и не нарушил уединения Семирамиды; затем, отдохнув двадцать дней, войско покинуло Арбелу, переправилось на север через реку Заб и оттуда к восточным воротам Ниневии; и при их появлении народ стекался к стенам города с песнями ликования о победителях, с горящими любовью глазами о тех, кто вернулся в дома, с охотничьими глазами, которые тщетно следили за теми, кто спал в долинах Гиндукуша. И вот Ниневия разорвалась от радости и слез, ибо там, где тысячи плакали в пепел своих очагов, десятки тысяч омывали свои сердца вином и смеялись. Смех и слезы, сплетенные в тесном объятии, ибо радость человека - это горе его ближнего.

Во дворце царя тоже царило веселье, много пиров и танцев тимбрильских девушек; затем Нинус в садах настиг Созану и Меметиса, которые вместе жили в счастье с тех пор, как евнух Кишра погубил судьбу. У них родился младенец, и Нинус в гневе разорвал свою бороду и отдал дочь в жены этому человеку; он непременно убил бы египтянина, если бы Семирамида не стала его умолять.

"Послушайте, - сказала она, - какая польза от этого кровавого дела? Что обещает младенец, оставшийся без отца? Посмотрите, какой крепкий маленький воин, который, как жив Ассур, имеет глаз Нинуса и его нос!"

Так гнев царя становился все меньше, как всегда становится меньше гнев мужчины под успокаивающими уловками женского языка. Тогда Семирамида закрылась в своих покоях, не общаясь ни с кем, кроме Созаны и ребенка; и так в течение семи лун она оплакивала Менона, сидя днем в тени сада, а ночью на крыше дворца, ища покоя в лучах Иштар и ее сестер-звезд.

И вот Нинус, который любил ее, стал нетерпим к ее печали и всеми способами старался пробудить ее от нее, но все его попытки не увенчались успехом; тогда наступило время, когда он должен был отправиться в Индию, чтобы заключить договор с царем этой страны. Тогда он призвал Хузима, который родился в той земле, где протекает Инд, и обратился к нему, сказав:

"Твоя госпожа тоскует, с сожалением мечтая о вещах, которые даже верховный бог Асхур не в силах исправить. Умоляй же Шаммурамат, чтобы она следовала с Созаной в моем поезде, и, может быть, чудеса твоей родины пробудят ее от печали и вялости".

Индеец поклонился царю и пообещал, а затем отправился на поиски своей госпожи в сады на кургане. Он нашел ее сидящей у бассейна фонтана и кормящей плавающих в нем рыб, а в руке она держала другую рыбку - маленькую зеленую штучку из резного малахита, подвешенную на кожаном шнурке. Это опечалило Хузима, но он рассказал ей об Индии, о чудесах ее могучей реки и о дичи, обитающей на ее болотистых берегах; он рассказал ей о другой дичи, о диких зверях, которые устраивают свои логова в джунглях, где охотники преследуют их на спинах других зверей; и когда он говорил, глаза Хузима светились радостью, а мускулы его дрожали, как мускулы боевого коня, ибо он тосковал по родной земле и надеялся, что его госпожа сможет отправиться туда.

Семирамида печально улыбнулась, ибо видела надежду в сердце своего слуги, хотя и знала, что он скорее останется в Ниневии до конца своих дней, чем разлучится с теми, кому служит.

"Ах, Хузим, - вздохнула она, положив руку на его могучую руку, - так говорил мне мой добрый господин Менон много дней назад, ибо во всем мире ты всегда первый в вере и любви. Итак, иди к Нинусу и скажи, что я, Шаммурамат, отправляюсь в его поезде в страну моего верного Хузима, где течет Инд и греет солнце".

Слуга плакал от радости и хотел поцеловать ее ноги, но она мягко подняла его и велела искать царя; и Хузим ушел от Семирамиды, ликуя, с полузабытыми песнями детства на языке.

Так в царских баржах, запряженных лодочниками из Финикии, царь Нинус со своим отрядом спустился по Тигру до места его слияния с Евфратом, а затем к заливу за ним; на протяжении всего пути Семирамида сидела отдельно со своими служанками, и царь не оказывал ей знаки внимания, а занимался своими делами в мудрости лисицы.

В верховьях залива они покинули свои баржи и взошли на палубу могучего корабля, который качался на воде, пока царь и все его придворные не умерли от болезни, настигшей их, ибо ассирийцы всегда ненавидели море, а теперь их внутренности охватило буйное восстание. Самого царя постигло самое тяжкое испытание, и он громко стонал в муках, умоляя своих слуг убить его и покончить с горем; однако припадок вскоре прошел, и через много дней большой корабль пристал к Инду, а два десятка гребцов полегли среди своих цепей и заснули.

В устье реки король Кхама встретил своего царственного гостя с ликованием и ударами деревянных барабанов, и после обмена подарками и любезностями король Нинус и вся его свита плыли в покачивающихся тростниковых лодках, пока наконец не прибыли в Сурью, Город Солнца; здесь были устроены редкие пиры и должным образом скреплены мирные договоры.

Затем последовали еще пиры, с зубодробительными блюдами и местным вином, вызывающим веселье в сердце, а перед ними выступали жонглеры, совершающие чудеса, и безумцы, насмехающиеся над смертью в змеином танце с коброй в капюшоне, пока даже Семирамида не пришла в восторг и изумление.

Для жителей Ассирии священные обряды Индии были явлены в храмах бога огня Агни и Индры, властвующего в открытом небе, а жрецы приносили в жертву молоко лунного растения и топленое масло, которое они пускали по камням алтаря. Вдали на холмах виднелись святилища богов-дьяволов, где дикоглазые кхонды приносили жертвы Сиве-

разрушителью или Кали, богине страшных беззаконий, ожерельем которой служила череда человеческих черепов.

Когда гости уставали от святынь, царь Кхама брал их на охоту, и тогда сердце Нинуса восставало из пыли, а Семирамида улыбалась, когда Хузим давал ей в руки копье и лук странной формы. Потом много дней они шли по болотам и лесам, убивая чудовищ в зарослях по берегам рек или охотясь на тонюсеньких зверьков со спин слонов. Для Семирамиды эти слоны всегда были диковинкой и радостью из-за их силы и мудрости в их маленьких глазах; Нину же они не приносили радости, ибо их движение напоминало тяжесть корабля и лишало его радости жизни и всего, что в ней содержится. Поэтому он садился на коня или встречал дичь пешком и убивал ее во славу своей силы.

Так Семирамида очнулась от летаргии горя, и, хотя она все еще печалилась, кровь быстро бежала по ее жилам, а смех поднимался на ее устах и не умолкал; тогда царь обрадовался и в своей радости попросил, чтобы она выбрала себе подарок из богатств этой чудесной земли. Она задумалась, а затем озвучила желание, столь странное, что Нинус уставился на нее и в удивлении расчесал бороду:

"Господин мой, я благодарю тебя и прошу от щедрот твоих тысячу снопов тростника, по два десятка тростника в каждом снопе".

На речных болотах росли эти тростники высотой в три человеческих роста, были они легки и крепки, и внешняя их кожура была тверда, так что рыбаки делали из них лодки, и вода не заходила в них. Кроме того, их было так много, что нищий мог бы построить себе дом из тростника и покрыть им крышу, или кормить ими свои костры.

Так Семирамида выбрала ничтожный на вид подарок, хотя могла бы выбрать из драгоценностей чудесной страны, но когда Нинус спросил ее о глупости ее выбора, она рассмеялась и ничего не сказала ему о своих мыслях; так тысяча снопов тростника была отправлена в Ниневию, хотя труд и затраты на нее были велики.

И вот наступил последний пир с прощанием с царем Индии, и поезд Нина двинулся в обратный путь, но не на тяжелом корабле, ибо повелитель поклялся громом богов, что никогда больше не будет гнать свое брюхо по трижды проклятому морю. Поэтому они шли по суше вдоль побережья, охотясь на дичь, пока не пришли к Тигру, где их ждали лодки, чтобы доставить их в Ниневию.

Пока они медленно поднимались вверх по течению, царь оказывал Семирамиде знаки внимания, но она поначалу не отвечала на его молитвы. Со смертью Менона сердце ее умерло в груди, и никогда больше она не могла смотреть с любовью ни на одного мужчину; но, поскольку страсть любви была изжита, в ее сердце оставался полный простор для другой страсти - страсти власти, чтобы мотать моток судьбы или ломать его по своему усмотрению. Она жаждала сказать одному народу: "Иди!", а другому: "Приди!", - чтобы придать форму народам земли, заставить их преклониться в прах и поклониться тому, кто может поднять их снова. Что может быть лучше, чем спаривание с владыкой Ассирии? Обменять одно человеческое тело на власть над всем миром! Правда, Нинус управлял государственной колесницей, но ей достаточно было шепнуть на ухо водителю, чтобы повернуть ход его резвых скакунов. Если Нинус держал поводья, то женщина держала лаш - и, клянусь дымом Гибила, она его накладывала!

Так мечтала Семирамида, а вокруг нее воды Тигра пели свои таинственные песнопения; над головой висели огромные звезды и метались по небу горящие метеоры; болота пульсировали гулом невидимых вещей, а из мрака поднимались огромные черные стены Ниневии.

Плачущая Семирамида все еще цеплялась за нить памяти - нить, протянувшуюся от могилы в Гиндукуше до ступеней трона Ассирии; но нить за нитью она расходилась, пока наконец не оборвалась, и в Тигр из ее опущенной руки упала маленькая зеленая рыбка из резного малахита.

Великий коричневый город проснулся от громогласного голоса праздника; принцы мира собрались там в честь царя, который возьмет Семирамиду в жены. Из всех стран пришли они со своими сторонниками в оружии, и Ниневия огласилась криками на чужих языках. В храмах на каждом холме зажглись большие костры, и ноздри богов наполнились дымом жертвоприношений, а Накир-Киш и его стая жрецов убивали стаи журавлей и находили в каждом из них предзнаменование несказанной радости. По улицам бегали юноши и девушки, увитые цветами, свободно обмениваясь любезностями в этот радостный час, когда не нужно считать цену. Воины могли утолить жажду в переполненных чашах с вином, не жалея ничего, кроме криков о царице Ассирии; они пили до безумия и яростно сражались между собой, ибо сердца их были счастливы.

Также леса и поля были выметены в поисках мяса, чтобы накормить толпы людей, потому что Нинус безрассудно зарывался в свои сокровища, как люди в пьяном веселье всегда растрачивают все свое богатство, сильно сожалея об этом в трезвые дни.

Во дворце богатства королевств исчезали из виду во время пиршеств с дорогими глупостями, где драгоценности запекались в самом хлебе, а приглашенные гости нередко ломали об них зубы, хотя и хранили драгоценности, улыбаясь своей боли. Тогда царь, обезумевший от любви, вышел вперед и посадил Семирамиду на золотую колесницу, медленно провез ее по улицам, чтобы все могли видеть великолепие ее чар. Он велел своему народу поклониться ей и, когда они становились на колени, рассыпал на их головы сокровища, пока поклоняющиеся не стали злобно соперничать между собой, ища эти богатства в клубящейся пыли, где они сражались кулаками и ногтями.

Наконец наступил черед свадебных обрядов, и когда Семирамида восседала с Нинусом на его троне, дворец сотрясся от ревуших криков; затем последовал еще один пир, с грохотом музыки, песнями сгущающихся языков, и вся Ассирия была счастлива, кроме одной-единственной. Сквозь дым факелов и винных паров женщина скрылась в тишине под крышей, но отголоски радости неслись за ней, терзая сердце воспоминаниями о прошлых днях - призраками-шептунами, не желающими умирать, хотя и раздавленными под троном.

Опустившись на колени, женщина протянула руки к тусклым, ничего не слышащим звездам.

"О, Менон, Менон, - причитала она вслух, - как пуст мир без утешения твоих поцелуев на моей груди!"

Так случилось, что птенец голубки свил гнездо на троне Ассирии. Год она жила в доме повелителя и родила ему сына, которого звали Нинус; хотя Семирамида никогда не любила

ребенка, он был слабым и капризным, с ленивым характером и эгоистичным сердцем - сын, который в последующие дни будет искать смерти своей матери, а затем царствовать в беспечной праздности и растрачивать силу царства, построенного на мечях.

Нинус любил свою царицу до безумия, и не было ничего, чего бы он не сделал, чтобы порадовать ее или потакать ее прихотям; но Семирамида не любила царя, ибо в ее сердце вечно жил образ одного-единственного мужчины - Менона Прекрасного, который обитал с мертвыми в долине Гиндукуша.

И вот, поскольку страсть ее дремала с тем, кто уже не проснется, честолюбие позаимствовало любовное желание и поскакало на боевой колеснице. Война, красная война! Пока покой самых отдаленных земель не разорвали крики боевых рогов. Так стремительно росло царство Ассирии. Отцы людей составили карту стран всего мира; но она не соответствовала фантазии Семирамиды, и царица войны изменила ее, обмакнув палец в кровь.

Там, где ярость битвы сжимала свои узлы, она гнала свою колесницу, чтобы броситься в горло опасности, пронестись над ней, оставляя за собой багровый след. И воины склонялись и поклонялись ей, наполовину в неосознанной страсти, наполовину в благоговении, забыв о славе верховного бога Асхура во славе женщины-бога. Как она ехала на своей золотой колеснице, так она ехала и в сердцах людей, подгоняя их плетью, но ведя туда, куда хотела; и Нинус не ревновал ни к ее поклонению, ни к ее деяниям, ибо царица была его, и слава Шаммурамат тоже была его.

Шли годы войны, а она не менялась в красоте форм и лица, и ее странные, неземные чары оставались с ней, заставляя всех удивляться ее бессмертию; но с Нинусом все было иначе. Он поседел, борозды возраста пролегли по его челу, а огромная борода побелела, как пена на шерсти боевого коня. Бывали моменты, когда его гнев переходил все границы без всякого повода, и он казался человеком, прислушивающимся к шепоту призрака, который охотится за ним и тревожит его уши. Каждый год доверенный гонец приносил из Зариаспы весть о том, что дух Менона все еще пребывает в теле человека; но хозяин не знал покоя в течение всех своих дней, и собака всегда была ненавистна в его глазах. По ночам он просыпался от отдаленного воя гончей, а потом лежал в поту от страха, прижавшись к женскому боку.

Перст судьбы медленно прошелся по кругу длиной в десятки лет, и злой путь монарха привел его к исходной точке. В горах Загроса лежала могучая щель, через которую в последующие годы прорвалась раса белокожих сынов Ирана, покорив мир и гордо властвуя до скончания времен; а сейчас через эту щель пробирался обоз бактрийцев, скрывавшихся днем и выходявших в путь в ночные часы. Вместе с ними они несли занавешенную подстилку, на которой лежал человек, чьи пальцы были изогнуты, как птичьи когти, ноги сморщены так, что он не мог стоять на них, а слабые руки постоянно блуждали, словно нащупывая дорогу в темноте.

Все ближе и ближе приближалось это слепое, бесформенное существо, стонущее, когда его повозка раскачивалась из стороны в сторону, беспомощное, лишенное сил; но для Нинуса было гораздо лучше, если бы гончие Иштар напали на его след. За стенами скрылся в ночи бактрийский обоз, а вскоре в ворота Ниневии постучался вождь воинов.

ГЛАВА XXVIII

КРИК ТИГРИЦЫ, ОБРАЩЕННЫЙ К СВОЕМУ ТОВАРИЩУ

Семирамида, царица всей Ассирии, сидела в царских садах при свете огромной круглой луны, которая качалась над стенами Ниневии. Вокруг нее столпились ее фрейлины, разлегшиеся на бортике фонтана, плескали своими крошечными ножками в прохладе волн, а их смех перекликался с журчащей музыкой водной песни. Эта песня вырывалась из сердца фонтана, негромкая, успокаивающая, в летнюю ночь, но внезапно была омрачена криками Зиффы, робкой девы с севера, на белое колено которой плюхнулся маленький лягушонок. Так вопила Зиффа, пока ее не спас смеющийся воин, сын Созаны и Меметиса, уже выросший в мужчину; тогда девы увенчали его венком из листьев лилии, и их веселье стало пронзительным в радостном безрассудстве юности.

Семирамида не принимала участия в этом безобидном веселье, ибо сегодня ночью ее сердце было печально. Ее воображение пронеслось сквозь заросли десятка лет, ведомое нитью памяти, и задержалось в долине Гиндукуша. Она снова посмотрела на вечные холмы и равнину внизу, ту жаждущую равнину, на которой пролилась ее чаша воды, которая выпила ее радость и сделала братом-пустынником ее душу.

Когда она сидела в стороне, подняв огромные глаза к сиянию тропы Иштар, по садовой дорожке спустился вооруженный человек и сообщил, что за стеной ждет незнакомец с посланием для одной лишь царицы. Его звали Дагас, бактрийский воин, и в качестве подтверждения веры и добрых намерений он прислал драгоценное кольцо, заявив, что царица Ассирии когда-то носила его на своей руке.

Семирамида взяла драгоценность, которая на самом деле принадлежала ей, и, вспомнив, громко рассмеялась. Этот Дагас был тем самым, кого ее ум одурачил в предгорьях Гиндукуша, когда она заявила о родстве с Оксиартесом и отправила бактрийца на поиски армии призрачных воинов. Тогда, снова рассмеявшись, она отпустила своих служанок и позволила Дагасу подойти одному.

Он опустился перед ней на колени, прижав к губам ее сандалию, затем по ее приказу поднялся и одарил ее улыбкой за улыбкой: уже не безбородый юноша, а изборожденный мужчина войны, на котором отпечатались пятка лет. Она смотрела на него, вспоминая, как ослепили его ее чары в давние времена, и вот она снова улыбнулась и мягко произнесла:

"Ах, Дагас, наконец-то ты пришел упрекнуть меня в том, что я обманула тебя. В обмен на Зариаспу я дала тебе драгоценность и ложь. Для тебя это дурной обмен, мой Дагас; но проси у меня щедрости и получишь. Что ты хочешь?"

"Ничего, - со вздохом ответил бактрианец, - ничего, кроме твоей памяти о том, кто любил Шаммурамат и любит до сих пор".

В глазах женщины вспыхнул гнев, ибо как раб мог осмелиться проболтаться о своей любви к ней - царице всей Ассирии! Она готова была захлопать в ладоши, призывая свою стражу прикончить пса, но Дагас мягко сдержал ее, с улыбкой покачивая головой.

"Нет, госпожа мира, я говорю не о себе, хотя и о себе тоже; ведь пока я носил твое кольцо, я не прижимал к груди ни жены, ни надежды к сердцу. За другого я молю - за того, кто все свои дни будет блуждать во тьме, но в его аду вечной ночи один крик пронесся по пустому залу лет - один крик сердца, бьющегося у дверей жизни - Шаммурамат!"

Бактрианец замолчал. Царица в изумлении тоже замолчала, ибо слова этого человека казались странными и бессмысленными. Но почему мертвые должны воскресать? Почему нить памяти превратилась в цепь и тянет ее назад, к повелителю тех дней - к Менону

Прекрасному, который разорвал покрывало Иштар и заставил ее взглянуть на обнаженное величие сердца!

"Говори, - прошептала она, наблюдая за Дагасом, как прежде наблюдала в тени стены Зариасы, ожидая вестей о потерянном; и Дагас заговорил.

Он рассказал ей о моровой язве, которая пронеслась по улицам его города, стучась в двери нищих и князей, пока те, кто мог, не укрылись в холмах, а другие остались из-за бедности или отсутствия страха и умерли. Среди пострадавших были два египетских евнуха, Неб и Ура, которые охраняли некоего пленника по приказу Тиглат-Шула; когда эти евнухи умерли, правитель поставил Дагаса и его брата-воина сторожами этого человека. Они ухаживали за пленником, чьи глаза были слепы, а руки и ноги бесполезны из-за того, что он был прибит к стене.

"И вот, - сказал Дагас, - скорбя о его состоянии, я попытался утешить его и стал его другом. Он рассказал мне свою историю, за истинность которой я не могу ручаться, ибо она клеймит его как безумца, или же как самого печального сына случая с тех пор, как слезы были созданы жалостливыми богами".

Семирамида ничего не ответила, но подняла дрожащую руку, чтобы Дагас понял и заговорил снова:

"Днем и ночью он умолял меня, говоря: Я Менон, князь дома Наири, которого распял Нинус. Иди к моей жене Шаммурамат и расскажи ей об этом - скажи ей, что я клянусь ее поцелуями на ступенях храма в Аскалоне! А если она еще будет сомневаться, скажи ей на прощание, что одежда ее любви исчезла, и радость мира подобна пролитой чаше воды!"

Бактрианец замолчал. Семирамида сидела, молча, на сиденье в саду; уже не царица гордой Ассирии, не владычица мира, а *женщина*, лишенная царственности и власти; *женщина*, скорчившаяся в кучу, из которой смотрели два огромных страдающих глаза; глаза, которые могли бы закричать, если бы им дали языки, но сейчас смотрели в ужасе, как у пораженного зверя.

По садам разносился смех и песни - звонкие переливы цитр, на которых тихонько играли. Ночной ветерок доносил гул Ниневи, радостный, бросающий заботы на семь ветров; и женское сердце удивлялось странности всего этого. Менон жил! Менон Прекрасный, умерший в лучах своей юности! И все же Менон жил! Кто же возлег с Хабалом в долине Гиндукуша? Говори, Иштар! Кто?

Иштар не отвечала, пока Дагас мягким тоном не рассказал ей, как этот человек ушел из Бактрии и теперь лежит за городской стеной; тогда Семирамида встала и заговорила, хотя голос ее был как голос какой-то другой женщины, надломленный и незнакомый ей;

"Иди с моим слугой Хузимом и приведи его тайно ко мне".

Она больше не говорила, не подносила золота и благодарности тому, кто доказал преданность, редкую среди сынов человеческих; но Владычица Мира наклонилась и прижалась губами к руке смиренного воина.

* * * * *

Хузим и Дагас подошли к укрытию, где лежал Менон, и слуга не узнал своего господина из-за его сморщенного вида и волос, росших на щеках и подбородке; но в объятиях Хузима

господин лежал и рыдал от радости, пока слуга не узнал его, радуясь, что мертвый воскрес, чтобы снова жить.

Ему отрезали бороду, омыли его и одели в одежду из тонкой шерсти, а затем тайно отнесли в покои на дворцовом кургане.

И Семирамида вошла к нему - одна, ибо на эту встречу ни ты, ни я не можем смотреть, когда даже богиня Иштар могла бы отвернуться от него в жалости и боли.

Всю долгую синюю ночь он лежал, положив голову ей на грудь, и плакал, рассказывая о томительном одиночестве своих тюремных лет, лаская ее волосы, ее черты, ее скрюченные пальцы, которые теперь были его глазами. А Семирамида качала его в колыбели своих рук, как могла бы качать младенца, успокаивая, шепча о своей любви этому бедняге, пока он наконец не уснул, чтобы забыться в путях своей радости и горя.

Тогда царица Ассирии ушла - подальше от ужаса - на крышу дома, чтобы никто не видел, не слышал, не преследовал, кроме призраков боли. На крыше она стояла, распахнув халат, и вдыхала прохладное, сладкое дыхание утренних звезд. Она смотрела на Белит, скачущую по небу; она смотрела на спящую Ниневию, которую построил царь. Царь! Который воздвиг еще одно проклятие и поставил его стены на женском сердце, а его дворец - на женском позоре! Король, вырвавший славу из женской души и распявший ее!

И вот, когда ее душа уже не могла больше терпеть, она издала один протяжный, дрожащий крик - крик тигрицы, обращенный к своему товарищу.

ГЛАВА XXIX

КОГДА ЖЕНЩИНА ПРАВИЛА МИРОМ

Во дворце царя царило безудержное веселье, ибо в Семирамиде произошли перемены. На протяжении нескольких лет, пока она царствовала с Нинусом, она платила дань жене, терпя любовь, которую не возвращала, рожала ему сына, а ее сердце вечно скиталось по холмам Гиндукуша. Она украсила его трон и приумножила могущество его царства; она правила его домом и была послушна своему господину; но царь просил большего. Он просил не десятину, а все сокровища женского сердца - ее улыбки, ее тоску и плоды любви, которые созревают только для ее супруга; и вот теперь, когда мороз возраста, как шлем, лег на его локоны, надежда юности расцвела вновь.

Семирамида улыбнулась царю, и в ее глазах было нечто такое, от чего горячая кровь заструилась по его жилам, дыхание участилось, а рука затрепетала в томительной ласке. Ее красота была для него - повелителя мужчин, властелина женской души, обезумевшего от любви короля, который преклонялся перед святыней ремесла.

И Семирамида терпела ласки царя, улыбаясь обещающими улыбками и заглушая проклятия своей яростной ненависти. Она ждала, как тигрица отслеживает свою жертву, терпеливая, неутомимая, приседая, пока не утихнет ветер, чтобы снова подняться и устремиться к точке атаки. Царя Нинуса она могла бы убить днем или ночью, и были моменты, когда ее пальцы жадно сжимали оружие; но царь был царем, и его народ не мог быть убит. Сначала она должна лишить этого человека любви народа, раздеть его до нитки, а затем пригвоздить к стене страданий, как Менона к каменной стене. Тигрица ждала, а ее добыча резвилась на полях приятных дорог.

На дворцовом кургане гремели шумные пиры, пока их отзвуки не донеслись до дальних покоев, где на страже сидел Хузим, где Семирамида кралась с ненавистных пиров и утешала Менона, пока шепот мудрости не призвал вернуться. А царь сходил с ума от любви, преследовал ее по пятам, заваливая ее колени своими великолепными дарами; но она не принимала его даров и отступала от пылкой любви. Она заманивала его в еще более глубокое безумие, то притягивая к себе всякими хитроумными чарами, то отталкивая порывами слабости; то тепло, то холодно, пока Нинус не понял, стоит ли он на своей царственной голове или на своих царственных пятках. Она удалилась в свои покои, не обращая внимания на его стуки и призывы, пока в его душе не поселился страх потерять ее снова, и он последовал за ней с мольбами и молитвами. На его мольбы она насмеялась, на его гнев отвечала еще большим гневом, а затем, внезапно, давала безвозмездно, где он не просил.

Нинус дивился странности ее ума и просил, чтобы она просила у него таких даров, которые были бы ей по душе, ибо он поклялся одеянием Шамаши-Рамана, что никто не может ничего постичь в дебрях женских прихотей.

Приняв его предложение, царица задумалась, размышляя над ним день и ночь; затем она пришла к нему и сказала:

"Господин мой, если ты хочешь доставить мне удовольствие, пойдди поохотиться на львов в зарослях вдоль Евфрата".

"Что?" - воскликнул царь, думая, что она хочет изгнать его из опочивальни; но она рассмеялась и положила руку ему на плечо.

"Нет, повелитель, не печалься о разлуке со мной, ибо, как жива Иштар, *я клянусь следовать за тобой!*" Она снова рассмеялась, чтобы сгладить скрытый смысл своей клятвы, и улыбнулась ему, когда ее язык запнулся: "Но в твоё отсутствие я буду править как царица всей Ассирии, и править одна - в течение одной короткой луны. Так отдай же мне в руки государственную колесницу, и Шаммурамат будет управлять ею, к удивлению ее повелителя и царя".

И вновь взглянул повелитель на обещание в ее глазах - странных глазах, что плавали в туманном свете страсти, и хотя голос мудрости громко кричал против этого, голос любви тоже кричал, пока язык предостережения не перестал кричать и не умолк. И вот Нинус со своими охотниками поскакал на юг, а по улицам Ниневии пронеслись глашатаи, провозглашая царицу абсолютной правительницей на всю жизнь летней луны.

А пока бежали эти глашатаи, прибежали и другие гонцы, приказывая вождям воинов всех земель явиться ко двору, а их сторонникам - пировать в стенах города и не платить за это. И пока хозяин охотился на зверей, хозяйка охотилась на мужчин. Она приводила их к себе и пиновала до тех пор, пока голод и жажда не могли просить большего. Она делала такие подарки, каких не давал завоевателю ни один разграбленный город, и даже рты нищих она наполняла золотом. Тем, кто занимал должности, она давала еще более высокие посты, обещая сказочные страны всем, кто стремился подняться; но их женам и дочерям она ничего не предлагала и не давала, ибо мысли ее были теперь о людях - боевых людях со всей земли, которые поднимутся как один и сбросят монарха с его трона.

С того далекого дня, когда она вновь поставила принца Ашарала на его место, гордый Вавилон принадлежал ей; но теперь ей нужен был не только Вавилон. Ей нужны были воины

Ассирии - воины, которые поклонялись Нину как богу. Ей нужны были кровь и кости, которые вознесли его на вершину, и она хотела, чтобы они втоптали его в прах, откуда он вышел.

И вот по Ниневии пронесся голос радости, голос пиршеств и голос хвалы; и на этих языках не звучало имя Нинуса, а вместо него раздавался один безумный, бурный рев - *Шаммурамат!*

Царицей Луны называли они ее, и улыбалась она их счастьем, и дарила, и дарила. Она опустошила страну, опустошила ее от вина и еды. Она разбрасывала среди них свои драгоценности, как пьяный сеятель разбрасывает зерно. Она пролила кровь богатства нации, пока казна не зашаталась, как раненый бык, и все равно она улыбалась; улыбалась, хотя сердце ее разрывалось от страха за человека, горевшего пламенем Гибилы за другого человека.

Так случилось, что на убывающей луне в зале расточительной королевы был устроен последний пир - в зале, где теперь толпились вожди воинов и князья мира, мрачные бойцы, носящие свои мечи и боевые шрамы. Только такие люди были приглашены на пир - те, кто втайне любил королеву, но не осмеливался рассказать о своей любви.

Тогда к этим сыновьям войны вышла владычица Ассирии, не в расшитых драгоценными камнями государственных одеждах, а в доспехах королевы битвы. На ее груди были золотые пластины сосков, на ее огненных локонах - шлем, вспыхнувший, как звездный огонь, в ратном деле. На плечи была накинута леопардовая шкура, а руки были обнажены, лишённые всего, кроме бронзовых поясов, скреплявших сухожилия на запястьях. Это была уже не та смешливая девчонка, что бросилась на курдов, а женщина - королева - ястреб с горячим сердцем.

При ее появлении никто не заговорил, а лишь с благоговением смотрели на нее, пока вскоре - они не знали почему - тишину не разорвал гром приветствий, и королева низко склонилась перед сынами войны. Она не улыбнулась в ответ на приветствие, не рассмеялась, глядя на этих людей, которые шли за ней сквозь бурю и солнце; но на ее лице отразилась яростная решимость, заставившая их ждать наступления неопределенных событий.

В молчании она велела им сесть; в молчании она села среди них, хотя и оставила одно свободное место на своей стороне; в молчании начался пир. Он не был похож на другие ее пиры, ибо перед ними была поставлена простая пища воинов, отправившихся в поход; и там, где сирийское вино обычно утоляло жажду, каждый находил под рукой чашу с водой. Царице не нужны были их пьяные страсти, которые умрут еще до утреннего солнца, ибо теперь она накормит их сердца плотью истины и смешает их вечные проклятия со своими собственными. Так каждый из мужчин, дивясь, молча ел и ждал наступления бури; и вот, когда пир был наконец окончен, Семирамида встала и заговорила:

"Братья мои, - начала она, - братья в войне, в любви, в дни безделья и мира, сердце вашей царицы печально. Как я делю с вами щедроты моего трона, так и сейчас я делю свои печали, отдавая каждому свою часть; но, прежде чем обнажить свою скорбь, я хотела бы спросить, есть ли здесь те, кто упрекнет меня. Если найдется тот, кто скажет, что Шаммурамат послала его в опасность, куда сама побоялась бы вести, говорите сейчас, чтобы я заклеил его лжецом! Выйдите и скажите, что по отношению к кому-то была допущена несправедливость, что я без жалости смотрел на раны или не давал ничего из своего всем, кто голодал и жаждал! Выйдите, братья мои, и назовите цену хоть одной несправедливости, чтобы я, ваша сестра и ваша королева, могла заплатить ее, прежде чем обнажить свое сердце!"

Никто не говорил, но поднялся ропот, и каждый свирепо смотрел на своего товарища, не смея вымолвить ни слова, чтобы его кровь не смыла ложь.

Семирамида выдержала паузу, но снова возвысила голос. Как в давние времена она играла на сердцах людей, как арфист звучит аккордами проклятий и слез, так и теперь она заиграла снова. Она рассказала им о своем доме в Аскалоне и о том, как принц Менон пришел разбудить ее душу. Она поведала им о своих супружеских годах, когда ее господин сражался за короля, завоевал Зариаспу и стоял с ней у павшей цитадели.

"А ты, - вскричала она, - кто любил его! Ты, разделявший его щедрость и опасность его войн! Ты, кто стоял со мной на краю долины в Гиндукуше и видел его погребенным в земле! Что! Разве вы не знаете, что там похоронены только его доспехи? Ибо в доспехах его лежала гниющая ложь! Ложь! Ведь Хабал - мой добрый пес Хабал - спит, положив лапы и морду на чужую грудь! Ложь, говорю я! Ложь! *Ибо Менон жив, а Нинус распят!*"

Пронзительный голос прекратился. Он поднялся до крика тигрицы, вызывающей к своему товарищу; но теперь в ответ на ее призыв не раздалось ни одного ответного рева. Сыновья Ассирии сидели в молчании и недоумевали. Все слышали историю о смерти принца Менона, и многие видели, как его укладывали спать. На берегу долины они оплакивали любимого человека. Они видели, они знали! Как же мертвые могут воскреснуть? Семирамида заклеила уши и глаза как хранителей лжи - лжи, которая повлекла за собой богов чести и прокляла их! Да, ложь; но должна ли она подняться, чтобы указать пальцем на царя или на царицу? И каждый из мужчин опустил взгляд в пол и молча сидел, размышляя.

Семирамида трижды ударила в ладоши. По знаку распахнулась дверь, и вошел Хузим, неся в руках какую-то ношу, которую он поставил на свободное место рядом с царицей. Это был человек, или подобие человека, чьи глаза были слепы, чья фигура уменьшилась, а руки были изогнуты в виде ужасных когтей.

"Смотрите!" - вскричала Владычица мира. "Посмотрите на это разорванное, бесформенное существо, которое когда-то было славой женского сердца! Смотрите и узнайте от него, что сделал король для вас, любивших его, и для меня! Смотрите! Ибо ложь восстала из могилы и живет, чтобы отмечать своих!"

В трепете собрались они вокруг него, хотя и не знали его по причине ужаса его состояния; но воинов принц Менон знал и выражал свою радость от новой встречи с ними; плакал, когда находил кончиками пальцев черты старых друзей; рыдал, когда называл каждого по имени или шептал тайны, известные только ему и их сердцам. Тогда Хузим поднял его и громко призвал сыновей Наири, своих детей войны, которые внимают боевому кличу отца; и когда раздался этот клич, они снова узнали его и опустились перед ним на колени, горько плача.

"А теперь, - обратилась Семирамида к своим коленопреклоненным воинам, - я прошу вас следовать за мной, чтобы сорвать стервятника с его гнезда на троне Ассирии! Изгнать его, как отец изгоняет змею из груди своего младенца! Царь! Кто лишил меня радости жизни! Царь! Который украл моего господина, который заставил меня родить ему внебрачного сына, который сделал из твоей царицы шлюху! Король! Короля больше нет! Я не прошу ничего, кроме справедливости! Дайте мне это или острое ваших жалких мечей!"

Она замолчала. Она опустилась на колени перед своим убитым товарищем и прижала его к себе, обратив взор на тех, кто разделял ее страдания. Из горла этих людей не вырвалось ни крика ярости на короля, ни гневного проклятия, ни звука, кроме сдавленных рыданий; но на

их лицах читалось выражение смерти, когда каждый выхватывал свой меч и клал его к ногам поверженной Владычицы мира.

Как пир прошел в тишине, так и теперь эти люди уходили один за другим и, тихо ступая, уходили в ночь; потом каждый искал свой дом или палатку и спал, видя сны и бормоча проклятия в своем беспокойном сне.

* * * * *

Через западные ворота прошел конный отряд, повернувший на юг и скакавший так, как скачут духи.

О Ниньясе, сыне Семирамиды и царя, сказано, что он не совершил ни одного доброго дела; и вот он скакал с предупреждениями к своему отцу на юг, который сразу же бежал в Аравию, ища щит в песках пустыни и меч в скимитаре Боабдула.

Именно Ниньяс ополчился против своей матери в трудную минуту. Именно Ниньяс в последующие годы распространил сведения о том, что Семирамида солгала, что Менон повесился в Бактрии, что царица поставила на его место искалеченного самозванца, чтобы осуществить свои злые цели.

Но поскольку Ниньяс царствовал в лености и разврате, то и его в конце концов постигла кара. Как сердце его было лживо, так и язык его был лжив, ибо кто поверит тому, кто ополчился против матери в трудную минуту?

* * * * *

И если она любила его на ступенях храма в Аскалоне, когда он лежал в великолепной красоте своей юности, то теперь она любила его во сто крат сильнее, когда вино его жизни было пролито ради нее. Что с того, что руки его были искривлены, а глаза слепы? Какая разница, что его внешняя оболочка была мертва? Сердце мужчины все еще жило, и билось оно только для нее. Вместе они охотились в пустыне за песчинкой и, найдя ее, обрадовались, ибо знали, что имя ей - Любовь.

* * * * *

Когда на Ниневию опустилось утро, город проснулся и зарычал. Развязный воин шепнул своей жене; жена шепнула жене соседа - и город знал. По улицам бегали люди, раздувшиеся от щедрот Семирамиды, а с ними собирались другие люди - худые псы, которые облизывались и смотрели на славу грядущих благ. Так Ниневия проснулась от рычания, которое переросло в гневный лай, пока из конца в конец восточный опал не высунул язык, пенился, бился на поводке и жаждал прыгнуть, как гончие Иштар по следу хозяина.

И вот, спустя некоторое время, западные ворота широко распахнулись, и через них хлынули боевые гончие Ассирии. Они устремились на юг, и во главе их скакала царица-охотница в боевом снаряжении - Семирамида сдержала клятву, данную Нинусу, и пошла за ним.

ГЛАВА XXX

ПУСТЫНЯ И ЦАРЬ

На краю аравийской пустыни Семирамида со своим войском присела отдохнуть, ибо хорошо знала, что эта безжалостная, пылающая пустошь может стать более суровым препятствием, чем острия миллионов мечей; поэтому царица собрала совет и приготовилась к битве с бичом жажды.

На каждую колесницу были погружены винные шкуры, наполненные водой и покрытые полотнищами и травой, чтобы сохранить прохладу. Каждому всаднику было велено ехать пешком, а на его коня навьючивали другие шкуры с водой; затем открылась мудрость Семирамиды, выбравшей десять тысяч тростников в подарок от царя в Индии.

Эти тростники были огромной длины, и на их концах были насажены головки копий; кроме того, они были полыми, и, когда в них выбуривалась сердцевина, они наполнялись водой, а их задние части закрывались деревянными пробками. Таким образом, каждый мужчина носил в руках новое страшное оружие, из которого он мог пить и облегчать муки измученного жаждой языка.

Затем, в скором времени, войско двинулось к крепости Боабдула в сердце пустыни. Ночью они шли, когда солнце не светило, а воздух был прохладным; днем спали под тенью навесов, натянутых на острия посаженных копий; но даже их огромный запас воды иссякал, а ноша страдала и грустила. Мужчины пили из своих копий, но жара согревала их, и многие умирали от безумия, оставаясь позади.

И все же Семирамида продолжала свой путь. Путь ее вел не прямо к цели ее жаркой мести, а извилистой дорогой, которая касалась пальмовых рощ оазисов, где находились источники и колодцы; и там, где эти колодцы пересыхали под свирепым солнцем, Семирамида втыкала в землю свои тростинки, пока из них не вытекали благодарные струйки воды. В этих рощах ее воины отдыхали, пили драгоценный сок жизни и вновь наполняли свои тростниковые копия и шкуры водой; затем снова отправлялись в путь.

* * * * *

Случилось так, что скачущие всадники Боабдула принесли весть о походе Ассирии через равнину, и араб приготовился дать им бой на песках или бежать, если сила окажется сильнее его собственной.

Царь Нинус обманул арабского царевича, убедив его, что народ поднялся по несправедливому поводу, и Боабдул впал в ярость из-за этого позорного дела, поклявшись, если понадобится, отдать свою кровь за брата-царя.

И вот, на рассвете одного дня эти двое смотрели на пустыню и удивлялись. Сквозь туман шла армия Ассирии, не как сильная рать, чтобы разбить своих врагов, а как люди, изголодавшиеся по дыханию пустыни, чьи силы были на исходе, которые качались и падали на песок, чтобы потом подняться и снова бороться. Их боевые крылья растянулись в беспорядке, колесницы ползли далеко позади тех мест, где они должны были удерживать фургон, а всадники хромали по раскаленным равнинам, ведя своих поникших коней.

При виде этого Боабдул посмотрел в глаза Нинуса, а Нинус посмотрел в глаза Боабдула и рассмеялся. Жалко было падать на этот изъеденный жарой остов силы и валить его с ног; но раз уж так было написано, кто же может воспрепятствовать воле Асхура и его писца судьбы? Нинус и Боабдул снова рассмеялись и приготовили сыновьям жертвоприношения бойню.

Две тучи дикоглазых всадников пронеслись вокруг пальмовой рощи, их белые одежды развевались, копия взлетали ввысь и снова падали. Они соединились в одну, безумную орду пустынных волков, которые, отпустив поводья, помчались в гущу пораженных рядов Ассирии.

При их появлении Ассирия согнулась, как ветка, на которую наступили; но внезапно ветка перестала гнуться. Там, где воины, казалось, в изнеможении опускались на песок, теперь они вставали во всем блеске своей силы. Там, где ряды казались разорванными в клочья,

они теперь плотно сомкнулись , и Аравия наткнулась на изгородь из копий - тростниковых копий Семирамиды. За первой линией стояла другая линия, их копыта торчали против атаки; а за этими двумя стояли другие линии, пока тот, кто хотел достичь Ассирии, не должен был перепрыгнуть через препятствие из семи рядов остриев. Так Аравия тщетно рубила стену смерти, как в последующие дни кровь Спарты пролилась на копыта Македонии.

И вот теперь боевые крылья прекратили свои слабые трепыхания, чтобы сомкнуться над Боабдулом и его людьми, чтобы принять их в свои объятия, как мать принимает странника, хотя на материнской груди они не находили покоя в сердце. Бедуинские всадники сбились в плотную, спутанную массу, сражаясь скимитами под шквалом дротиков и ударами копий; затем открылся проход, и в кипящее месиво въехала Семирамида со своим клином колесниц.

В машине царицы стоял Хузим, держа поводья и пытаясь защитить свою госпожу мощным щитом из бронзы; но сегодня Семирамиде не было дела ни до щитов, ни до смерти, пока она не настигла Ассирийского Стервятника. Только его она искала - царя! И никогда еще тигрица не бушевала так, как в этот день. Там, где сотня скимитаров мелькала над ее головой, она опускала их и неслась к царю - неслась, пока не были убиты ее кони и опрокинута колесница, затем она поднялась с земли и неслась пешком к прессу.

Ей не было дела до тысячи мечей, но был один скимитар, который она не могла пройти невредимой. Высоко вверх взметнулся он в кулаке принца Боабдула; но не успел он опуститься на нее, как Хузим вскочил и стащил араба с коня. Они сражались на мокром от крови песке, под копытами резвых коней, где умирающие бедуины стремились кинжальными ударами получить еще одну смерть, прежде чем предстать перед своими богами; и Хузим, который когда-то был рабом араба, одержал верх над Боабдулом, крепко обхватил его и прошептал ему на ухо:

"Успокойся, маленький господин, ибо мне горько ломать твои кости. Успокойся, ибо я держу тебя крепко!"

Принц, чей гнев и веселье всегда шли рука об руку, не стал бороться со своим могучим завоевателем и рассмеялся из-за слов Хузима; арабы же, видя, что их вождь пал, бросились назад и пробили себе путь сквозь людскую стену Ассирии. Избитые, они бежали, как лисы, из ловушки, которую расставила для них Семирамида, а в фургоне их летучей стаи ехал Нинус на великолепном барбарийском коне. Они неслись сквозь дымку пустыни, где Ассирия не могла их преследовать, да Семирамида и не стремилась, ибо в ее голове родился более коварный замысел.

В роще пальм она привела Боабдула к себе, разрешила его узы и протянула ему руку.

"Мой господин, - сказала она, - с тобой у меня нет причин для войны, и я не хотела причинить вред этим твоим последователям, которые мертвы или рассеяны по равнинам. Меня волнует Ассирийский стервятник, и его я поймаю, хотя и разгребу песчаные пустоши Аравии из конца в конец".

Затем она рассказала Боабдулу обо всем, что произошло, о том, как царь распял принца Менона, которого любил араб, и украл его жену на целых десять лет; и так велик был гнев Боабдула, что он разорвал свои одежды и поклялся своими богами огня преследовать Нинуса, найти его и пригвоздить к стене скорби.

"Не бойся, - вскричал он, - ибо моя пустыня - всего лишь тюремный двор, где надзиратели жары и жажды оградят нашего пленника и загонят его в объятия тех, кто ищет. Не бойся, ибо скоро мы придем к царю".

И вот Семирамида привлекла на свою сторону человека, который превыше всех других людей мог помочь ей в ее поисках; человека, который держал на острие своего отточенного скимитара тысячу племен; человека, который теперь отправил своих всадников, собрав всех, кто рассеялся по равнинам.

Весь день Семирамида отдыхала в тени и спала, а когда наступила ночь, она выбрала нескольких воинов из числа своих вождей и вместе с Боабдулом и его смуглокожими бедуинами двинулась в путь через пески. Они ехали на верблюдах, этих длинноногих, кренящихся животных, которые пожирали лиги неутомимым, вальяжным шагом, которые скользили, как призраки, под ледяными звездами, которые скользили через пустоши красной Аравии по тропе смерти.

И в тишине ночи Семирамида подняла глаза и руки и воззвала к звездам:

"О, Иштар, Иштар, отдай этого дьявола на откуп моему сердцу - храни, ты, мой господин, пока я снова не приду к нему в Ниневию!"

* * * * *

Царь Нинус был посажен на великолепного барбарийского коня, и его нетерпение покинуть Аравию не отставало от его великолепного коня. Он прекрасно знал, что Семирамида последует за ним; он прекрасно знал, что, поскольку рука Боабдула была потеряна для него, его надежда лежала на востоке, в далекой стране царя Индии. Если бы он смог дойти до Евфрата, переправиться через него, обогнуть побережье и, наконец, добраться до реки Инд, он мог бы насмеяться над охотой всей Ассирии и коротать время, пока не соберется армия, которая вернет ему трон и власть; ведь царь Нинус жаждал их и хотел получить, хотя годы его были невелики.

Мысль о том, что Семирамида охотится за ним, была горькой в сердце монарха, ибо он безмерно любил ее; но с тех пор, как принц Менон восстал из мертвых, в нем поднялся ужас, который смешался с тоской его любви и направил его на восток по прямой, как полет стрелы, линии. Его конь обогнал бегущих бедуинов, прорвавшихся сквозь ряды Ассирии, и вскоре царь мчался один-одинешенек по огненной груди пустыни, час за часом спасаясь от мести Семирамиды.

К вечеру царь изнемог от жары, губы его пересохли от жажды, и даже его великолепный конь поник и зашатался. Мудрый конь учуял дыхание прохладного оазиса на севере и хотел бы повернуть туда, но Нинус не знал, что такое равнина, и погнал мудреца на восток по мертвой прямой.

Так случилось, что с наступлением ночи конь захромал, и Нинус сел на него и улегся на песок. Тогда поднялся холодный ветер, который пронесся по пустыне, пробирая его до костей, пока он не задрожал и не выругался вслух; задрожал и добрый жеребец, потому что тело его вспотело и лишилось хозяйской заботы. Этот барбарийский жеребец не знал ничего, кроме любви и нежности, и теперь, опустив голову, он смотрел на проклиняющего его короля и удивлялся. Не было рядом ни укрытия, чтобы защитить его бока от холода, ни воды, чтобы омыть разгоряченные ветром ноздри, ни руки, чтобы ласково погладить его морду, ни губ, которые бы пели песни о любви в стране Араби. Ночной холод проникал в

него, и он скулил, ища укрытия в хозяйском шатре, и кашлял от боли; тогда человек и зверь улеглись вместе в углублении в песке, которое Нинус вырыл своими королевскими когтями.

Когда снова наступило теплое утро, оба отправились в путь, но красное солнце поднялось, чтобы преследовать их, заливая своим светом, и жеребец Барбари понесся на восток. Снова наступила ночь. Снова наступил день - безжалостный, иссушающий день, когда лига за лигой тоунитовой пустыни окутала их пламенем; когда языки их почернели и набухли от жажды, жажды, которая схватила их за горло и потрясла, жажды, которая достигла пределов и охватила их сердца.

Вскоре верный конь перестал выдерживать свой вес, зашатался и упал на песок умирать. Царь Нинус убил его и в ярости жажды выпил кровь коня, но кровь была теплой и не принесла ему облегчения, а лишь подстегнула его безумное желание. Тогда голодный человек встал и в одиночестве побрел по пустыне.

Он больше не бежал от гнева Семирамиды на восток, а бродил кругами, и волны жара плясали перед его глазами, вызывая дымку, которая ослепляла его, пока сквозь нее не пробивались извращенные фантазии сна. Вот он увидел перед собой реку, журчащую среди песков, - глубокую, сладкую реку, по берегам которой плескались прохладные пальмы; Нинус раскинул руки и с нетерпением бросился к ней. Но при его приближении воды устремились прочь и растаяли, как тает утренний туман; тогда царь упал навзничь, чтобы прилечь губами к пылающему песку. Поднявшись на колени, он воздел свои волосатые руки к небу и хрипло зашептал, обращаясь к богам; и к Нинусу пришли боги!

Он увидел их на дальнем горизонте, грозные духи, несущиеся вниз, как скачут короли бури: красный Раман, князь молний и громовых ударов, бог-повелитель Асхур и его приспешники войны и смерти; и как Нинус возложил грех на плечи этих богов, так и они теперь несли этот грех, и грех этот был в облике принца Менона, пришедшего, наконец, считаться со своим королем. И зарылся бы владыка мира в пески, чтобы спрятаться, но дух слепца указал ему путь, а дух Иштар спустил поводки своих духовных гончих.

Они бросились прямо на свою добычу, но царь был царем и встал на ноги, чтобы сразиться с ними, как сражались его руки с детства до преклонных лет; но теперь он был стар, и слава его силы иссякла. Он почувствовал зубы гончих Иштар на своем горле и в своей безумии не знал, что смертельная хватка была только от жажды; Нинус закричал и умер - умер, сражаясь, как он сражался все свои дни, но пророчество Менона было пророчеством истины.

* * * * *

Когда красное солнце, утомленное своей яростью, опустилось за край пустыни, Боабдул и Семирамида подошли к концу своего пути. Царь! Он лежал на спине, широко раскрытые глаза смотрели в небеса, откуда пришел приговор. Тело царя! Оболочка духа, который управлял волей низших людей, который покорил всех, кроме духов одних богов, и, покорив, использовал весь мир как сандалии для своих владычных ног. Тело царя, но теперь уже не царя, а праха!

Семирамида смотрела на него сверху вниз, скорбя о том, кто обманул ее в жизни, как теперь обманул в смерти; но араб читал в этой царственной куче праха другую историю и говорил ей с мягкостью и зрелой мудростью своих лет:

"Не горюй, о царица Шаммурамат, из-за мести, которая вырвалась из твоих рук. Не горюй, ибо истинно царь Нинус был распят на стене гнева пустыни".

ГЛАВА XXXI

КОРОНАЦИЯ МЕРТВЫХ

Принц Ниньяс, принеся свои предупреждения царю, не бежал с ним в Аравию, ибо не думал рисковать своими ленивыми костями в опасностях войны; поэтому он нанял несколько лодочников и плыл на веслах вверх по Тигру, пока снова не пришел в Ниневию.

Сейчас в каждой земле и в каждом городе есть те, кто страдает от червей чужой смуты, и если бы их высший бог спустился к ним править, они нашли бы повод для недовольства и жаждали бы смены власти.

С людьми этого рода принц Нинияс шептался, обещая, что, когда трон будет его, в Ниневии наступит мирное царствование, где червивые смогут искать плоды желаний своих душ; и вот, когда царица вернулась и разнеслась весть о смерти Нина, родился миллион младенцев лжи. Они набирали силу, эти лжецы, и вскоре уже бормотали на улицах города; но из-за руки Семирамиды они бормотали тайно.

А тайное недовольство всегда было ненавистно царице, ибо она считала, что человек должен донести свою обиду до судейского кресла, изложив ее по-мужски, а не держать язык за зубами; поэтому она постаралась довести дело до конца и надавила на него пяткой, быстро и веско.

По улицам бегали десятки глашатаев с вестью, что завтра состоится суд на глазах у всей Ниневии; и когда наступило утро, улицы заполнились толпами людей, которые устремились к дворцовому кургану, ожидая томительных часов до назначенного времени в предвкушении необычных событий. В народе ходили страшные слухи о царице, которая убила царя и теперь будет облагать народ непосильными налогами, требуя от него богатств, чтобы пополнить оскудевшую казну; со всех сторон доносилось ворчание, и толпы ожидающих метались туда-сюда и дрались между собой.

До ушей верховного жреца Накир-Киша дошли предупреждения о намерениях царицы, и он поспешил к ней, призывая ее править мудро, чтобы не допустить жестоких междоусобных войн по всей Ассирии. Семирамида посмотрела на него, улыбнулась и ответила мягким тоном, похожим на мурлыканье кошки:

"За мудрые советы твои я смиренно благодарю тебя; но язык глупца часто может погубить его своим трепетом. Придержи его, о жрец, и следуй сегодня моей воле, чтобы один за другим мои слуги не вырвали у тебя зубы". Она сделала паузу и пристально посмотрела на него сквозь полузакрытые веки. "Дошло до меня, что Накир-Киш всегда был близок к Нинусу, даже в грехах. Поэтому будь внимателен, чтобы хлеб твой не был съеден с медлительностью и болью".

Тогда жрец вышел от Семирамиды, посоветовался сам с собой и придержал язык свой; и был он мудр, ибо разглагольствование это принесло бы ему горе.

Дворцовые ступени спускались с царского кургана на открытую площадь, где были установлены чучела львов и крылатых быков, и здесь собирались сыновья Ниневии по велению царицы. Во главе этой лестницы, перед дверями дворца, был установлен двойной трон Ассирии, а вокруг него стояло кольцо жрецов и военачальников в боевом снаряжении.

Вскоре вышла Семирамида, блистательная в своих расшитых драгоценными камнями одеждах, и, спустившись по ступеням дворца на среднее расстояние, она подняла руки, чтобы сдержать крики громкого приветствия, а затем обратилась к толпе:

"Дети мои, - воззвала она, - дошли до меня слухи, что вы ропщете между собой из-за глупости и лжи - из-за того, что я хочу отнять то, что дала моя рука, и стать грабителем там, где вы ищете друга. Так знайте же, что я, Шаммурамат, царица Ассирии, Владычица мира, не прошу ничего ни у кого!"

При этих словах поднялся громкий крик, и люди заплясали на открытой площади в безумной радости. Один громкоголосый воин вскочил на спину крылатого быка и крикнул своим друзьям внизу:

"Да здравствует королева! Проклятие Ниньясу, сыну Нинуса, и принцу лжецов! Проклятие его злому языку!"

Проклятие подхватили пять с лишним тысяч уст, пока рев не потряс дворцовый курган, и грохот стоял великий; тогда Семирамида снова подняла руки и обратилась к кипящей толпе:

"Ничего не прошу я у вас, дети мои, ни податей, ни даров, ибо сейчас я хочу сделать вам царский подарок. Король мертв! Он умер в далекой стране, куда я последовала за ним из-за его злых дел. Король умер; но теперь я дарю вам другого короля!"

Она замолчала. Не раздалось ни единого крика, слушатели молчали, гадая, не вздумала ли она посадить на свой трон лжеца Ниньяса; они ждали, затаив дыхание.

Через дворцовые двери вошел Хузим, неся на своих могучих руках ношу - ношу, которую он водрузил на двойной трон Ассирии. Это был человек, или подобие человека, чьи глаза были слепы, чья фигура уменьшилась, а руки были изогнуты в виде ужасных когтей. Значит, это и есть тот самый царь, которого Семирамида хочет отдать!

В молчании люди смотрели на Менона, пока можно было бы сосчитать счет, затем из их горла вырвался дрожащий волчий вой. Не ликующая песнь прозвучала в этом грозном вое, а рычание людей, чьи страсти были возбуждены до безумия и кровавых деяний. Осмелится ли Семирамида увенчать это отвратительное существо, это издевательство над человеком, который, восседая на вершине, покачивается в слабости? Нет, лучше посадить на трон принца лжецов! Лучше короновать вырезанное из дерева чучело! И народ, завывая от ярости, устремился к ступеням дворца, стремясь вырвать идола из женского святилища и втоптать его в пыль.

Вокруг Семирамиды собрались ее военачальники: вавилонский принц Ашарал, Боабдул Бен Хатт, чей скимитар мог сравниться с десятком мечей, верный Хузим, любящий Дагас и , чей щит был ее в любом деле, и еще много крепкого оружия, чтобы исполнить ее волю; но царица не думала об этом, глядя на надвигающуюся толпу.

"Вы, псы! - закричала она, - неужели я должна страдать от воплей вашей своры? Вы, свиньи Ассирии, разжиревшие на изобилии Шаммурамата! Я надула ваши животы пищей богов! Смиритесь! Идите с миром и не болтайте языком попусту! С миром, говорю я, чтобы не перестать любить вас и не уничтожить окончательно!" Она сделала паузу на мгновение, затем вскинула руку к своему пораженному товарищу и возвысила голос, чтобы все услышали и прислушались: *"На троне сидит и будет сидеть король Менон! Вниз! Опуститесь на колени и поклонитесь ему, повелителю моего сердца и владыке всего мира!"*

И вот те, кто должен был броситься на нее, замерли перед самым чудом ее любви, и в эту паузу Семирамида повернулась и сделала знак Накир-Кишу. Верховный жрец возложил бы корону на голову Менона, но голова его поникла, опустившись на грудь. Его силы иссякли. Шум народа внизу казался ему грохотом битвы, хотя смысл его был ему непонятен, и он не знал, что он король. Лишь одна мысль была в его сердце - Семирамида, и к ней он протягивал свои изломанные, блуждающие руки.

Но королева распорядилась по-своему. Она выхватила корону у верховного жреца Накир-Киша и водрузила ее на чело Менона - чело, которое теперь никогда не почувствует своей царственной тяжести, ибо мертвец соскользнул с трона Ассирии и упал на его лицо.

И не кричал народ, но был очень тих, ибо рядом с лишенным короны царем стояла на коленях плачущая женщина, забывшая, что свиньи всей Ассирии смотрят на ее горе, и зная лишь, что Владычица мира *потеряла* свой мир.

ГЛАВА XXXII

ПРОРОЧЕСТВО ЦАРИЦЫ ВОЙНЫ

Вновь собрались жрецы и военачальники по приказу царицы, но теперь они не ждали на ступенях дворца, а собрались в зале совета, той просторной палате, где в былые времена царь Нинус отдавал свои приказы. Сквозь его открытое оконце был виден Тигр, беззвучно напевавший песню, бегущую к шумящему морю; там висели гордые трофеи битв и погонь; там, на стенах, стояли резные *стелы* Нинуса, каждая из которых рассказывала о могущественных деяниях монарха.

И вот к тем, кто ждал там, наконец пришла Семирамида, уже не одетая в роскошные, шитые драгоценными камнями одежды и не блистающая боевым снаряжением. На ней было траурное одеяние, а на локонах цвета пламени не было никакой диадемы, кроме венца из увядших листьев. В молчании вошла она в зал и в молчании заняла место на троне. В молчании смотрела она на стоящих перед ней людей - тех, кто прошел через огонь пустыни и бурю многих войн; затем королева встала и заговорила:

"Братья мои, - начала она, - братья в битвах и на мирных путях, ваша сестра Шаммурамат опечалена. Царь мертв, но я не скорблю о нем. Царь моего сердца мертв, и я скорблю о нем".

Она сделала паузу. Ее братья-воины склонили головы, и каждый спрятал глаза в дупле руки; затем королева продолжила:

"И теперь я буду править одна! Одна, пока Иштар не призовет ко мне того, кто будет ждать и слушать мои шаги в ночи. И так я буду править одна! Слушайте же, дети Ассирии и те, кто пишет на скрижалях и на высеченных *стелах*! В последующие дни сыны человеческие скажут обо мне, что Шаммурамат была со злым сердцем, что сердце ее было к войне, к крови, к грабежу и завоеванию всей земли! Скажут, что она убила короля - убила его в грубой похоти к меньшему мужчине! Скажут, что она правила с помощью жезла власти и возложила амбиции на более высокий алтарь, чем алтарь своих богов! Все это, и даже больше, дойдет до нас с болтливых языков людей, и *Шаммурамат будет стремиться сделать это правдой!*"

Она снова сделала паузу и посмотрела на своих удивленных воинов.

"Внимайте же, братья мои, кто будет дивиться моим грядущим гневным дням! Внимайте и помните того, кто посеял это зло в моей душе! Король! Кто распял женскую любовь! Король!

Вырвавший сердце женщины из ее груди и поставивший буйного дьявола хозяином ее крови! Так слушайте же, дети Ассирии и те, кто пишет на скрижалях и высеченных *стелах*! Помните! А теперь готовьтесь к войне!"

"Война?" - вскричал Накир-Киш, знавший, что народы опираются на свое оружие и пребывают в мире. "К какой войне?"

Семирамида обернулась к нему с криком всепоглощающей ярости и скипетром ста земель поразила его в рот. Верховный жрец Накир-Киш опустился перед ее троном, а она подняла глаза к небу и громко воззвала:

"Дорогая Иштар, услышь глупца, который спрашивает меня о войне!"

Она повернулась к своим братьям-воинам, своим детям меча, мрачным, израненным в боях и верным до смерти; и к ним она протянула свои пустые руки и открыла свое пустое сердце.

"Война! Война!" - зывала она. "Мне все равно, где и как, но да будет так, чтобы мы воевали! *Восстань Вавилон и потопи Ассирию!*"